

*Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 51

МАТЕРИАЛЫ

XIII Февральских научно-музейных чтений

памяти С.С. Гейченко

«Вещи имеют свою судьбу.

Музейная коллекция: изучение,

экспозиция, публикация»

(12-14 февраля 2010)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2010

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
М 341

Серия основана в 1996 году.

Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений па-
М 341 мяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллек-
ция: изучение, экспозиция, публикация» (12–14 февраля 2010) :
[Сб. ст.] / Пушкинский Заповедник. – Сельцо Михайловское:
Пушкинский Заповедник, 2010. – 240 с. – (Серия «Михайловская
пушкиниана»; Вып. 51).

ISBN 978-5-94595-052-8

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» включены до-
клады и сообщения, сделанные участниками Февральских научно-
музейных чтений в Пушкинском Заповеднике в 2010 году. Также в сбор-
нике впервые публикуются письма известного российского музейщика
Н.И. Архипова, адресованные легендарному Хранителю Михайловского
С.С. Гейченко.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94595-052-8
(Пушкинский Заповедник)

Вещи имеют свою судьбу, иногда совершенно невероятную.
С.С. Гейченко. У Лукоморья

Новый, 51-й выпуск «Михайловской пушкинианы» включает в себя главным образом материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти Семёна Степановича Гейченко (1903–1993). Они проходят в Пушкинском Заповеднике ежегодно и ставят своей задачей обобщение музейного опыта, выявление перспективных направлений научной и музейно-практической деятельности, обмен опытом с коллегами, наконец, привлечение внимания самых широких слоев общества к такому феномену, как музей.

В этом году в центре внимания снова оказались музейные фонды. В определённом смысле программа чтений строилась с учётом опыта тематических конференций «Странности юбилеев в России» (2007) и «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы» (2008). Известно, что фондовая коллекция – основа любого музея. Также известно, что внимание к фондам особенно возрастает в период подготовки к юбилейным мероприятиям. Однако существует и повседневная история комплектования, интерес к отдельным коллекциям, цели, которые ставит каждый музей в связи с решением новых экспозиционных задач, проблемы изучения фондовых предметов и их публикации, необходимость осуществления совместных выставочных и издательских проектов с целью координации деятельности музеев и тому подобное. В работе чтений приняли активное участие сотрудники отдела музейных фондов Пушкинского Заповедника, а также приглашённые специалисты и друзья музея из Москвы и Подмосковья, Санкт-Петербурга, Пскова, Риги. Отдельные доклады были включены в программу заочно и публикуются с согласия авторов.

Второй, весьма важный раздел сборника посвящён материалам, связанным непосредственно с биографией и судьбой легендарного Хранителя. Это адресованные ему письма Николая Ильича Архипова, старшего друга и учителя, известного историка, музейного работника, директора (с 1924 по 1937 год) музеев Петергофа, где начинал свою профессиональную деятельность Семён Степанович Гейченко. Публикацию писем подготовила и прокомментировала его дочь, Т.С. Гейченко.

В приложении помещается перечень выставок, организованных Пушкинским Заповедником с 1971 по 1990 год.

Ирина Парчевская,
начальник отдела организации научной и экспозиционной работы
Пушкинского Заповедника

I. Материалы
XIII Февральских научно-музейных
чтений памяти С.С. Гейченко
«ВЕЩИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ.
МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ,
ЭКСПОЗИЦИЯ, ПУБЛИКАЦИЯ».
12—14 февраля 2010

Татьяна Степанова

МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

1945–1946 годы. В Пушкинском Заповеднике ведут работы по восстановлению разрушенных во время фашистской оккупации «Домика няни» и Дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском, Успенского собора в Святогорском монастыре. И в это же время начинается активная работа по комплектованию музейных фондов. Предстоит «наполнить» восстановленные музеи экспозициями. А сроки поджимают. Приближается юбилейный 1949 год, год 150-летия со дня рождения поэта...

Работы по комплектованию вели по разным направлениям. Основой музейных фондов стали предметы, актом от 1 февраля 1946 года переданные Институтом русской литературы Академии наук СССР¹. Среди них были и вещи из музея в Михайловском, вывезенные фашистами осенью 1943 года. Эти вещи в 14 ящиках были обнаружены в Латвии и переданы в Ленинград, в ИРЛИ АН СССР, из Москвы.

Итак, Книга поступлений Пушкинского Заповедника начинается с записи возвращённых предметов.

Первая запись в книге: «Пушкин А.С., х., м., копия с портрета работы О. Кипренского, принадлежащего Пушкинскому Дому, выполнена в 60-е гг. 19 в. по заказу Пушкинского лицейского музея для зала лицей. Рама золочёного багета».

¹ Стоит отметить, что позднее некоторые предметы были возвращены в Институт русской литературы.

Среди возвращённых в музей вещей – бювар П.А. Осиповой с надписью «Вот что осталось отчастливого времени моей жизни»; медный самовар и живописная работа неизвестного художника голландской школы XVIII века из Тригорского; секретер из Малинников; два парных канделябра стиля ампир; два парных подсвечника; часы стиля ампир; подставка для чернильного прибора; канделябр золочёной бронзы; глиняная фляга XVII века; портрет Пушкина-лицеиста работы Гейтмана; автолитография Ф. Бруни «Пушкин в гробу»; а также портреты Александра I, Ганнибалов и Пушкиных, Жуковского, Вяземского, Языкова, Одоевского, Веневитинова, Арндта, Булгарина, Бестужева, гравюры работы С. Галактионова, литографии из альбома «Виды Пскова и его окрестностей» художника Александрова, книги со штампом «Государственный Пушкинский уголок», живописные работы Б. Щербакова.

В те годы плодотворной была работа с местными жителями. По заказам заповедника художники делали зарисовки музейных объектов в том состоянии, какими они оказались после освобождения, изготавливали специальные планы военно-оборонительных сооружений немцев в период оккупации, делали копии графических и живописных работ, имеющих экспозиционную ценность. Фотографы получали заказы на съёмку восстановительных работ в заповеднике. Вещи для музейного фонда закупали в антикварных магазинах, у коллекционеров; участие в комплектовании принимали и государственные структуры.

Первые акты приёма предметов в музейные фонды зачастую написаны от руки на коричнево-жёлтой обёрточной бумаге, на четвертушках листов.

Приведём несколько таких актов в качестве примера¹.

«Акт

5 декабря 1945 года. С. Михайловское. Пушкинский Заповедник Академии Наук СССР. Мы нижеподписавшиеся и/о. Директора Заповедника Гейченко С.С. заместитель директора Аксенов Н.И. мл. научный сотрудник Сулейманов Л.Д. с одной стороны и гражданин Святогоров Петр Петрович с другой составили настоящий акт в том что гр. Святогоров передал Пушкинскому Заповеднику, а Гейченко Семен Степанович принял для Заповедника в безвозмездное пользование, нижеперечисленные предметы представляющие музейную ценность для Заповедника:

¹ Публикуем документы, сохраняя орфографию и пунктуацию оригиналов.

1) Медаль бронзовую, юбилейную, 1899 г. раб. художника Скудно-ва. Лицевая сторона: светильник, лира и проч., а также стихи: «Не даром жизнь и лира мне были вверены судьбой» 26 мая 1899 г.

2) Часы настольные, круглые, в метал. оправе, покрыты ржавчиной. Циферблат попорчен и подправлен химическим карандашом; секундная стрелка отсутствует...

По свидетельству П.П. Святогорова: часы эти принадлежали последним перед революцией 1917 г. владельцам Тригорского...»

«Акт

13 апреля 1946 года.

Составлен настоящий акт в том, что нами произведено обследование деревни Кирилово Михайловского с/совета на предмет выявления музейных ценностей, могущих интересовать Заповедник.

При обследовании обнаружены музейные ценности у гр. Евдокимовой Зинаиды Ивановны: бронзовый бюст Екатерины II – деталь (копия скульптуры Шубина). По словам гр. Евдокимовой найден он в д. Кирилово у немецкого офицерского блиндажа осенью 1944 года; фотографии памятников Заповедника – 2 штуки.

Бюст и фотографии переданы в музейный фонд Заповедника.

Директор Заповедника
Зам. директора по научной части

С. Гейченко
А. Гордин».

«Акт

с. Михайловское 20 сентября 1947 года.

Мы, нижеподписавшиеся, зам. директора Пушкинского Заповедника Гордин А.М., мл. научн. сотрудник Сулейманова Л.Д. и художник Михрянян А.Н. составили настоящий Акт в том, что изготовлены художником Михрянян по заданию Дирекции Пушкинского Заповедника работы:

1) Копия с картины Н.Н. Ге «Пушкин и Пущин в Михайловском» (маслом на холсте, разм. 1,5x1).

2) Копия с гравюры Иванова «Сельцо Михайловское» (маслом на холсте, разм. 1,5x1).

3) Копия с портрета Пушкина, раб. Тропинина (сухая кисть, разм. 3x2).

4) Копия с портрета Ленина, раб. Васильева (сухая кисть, в цвете, разм. 1,7x2).

Указанные работы приняты и занесены в Музейный инвентарь Заповедника.

Подписи».

«Акт

11 октября 1947 г.

Село Михайловское. Пушкинский Заповедник Академии Наук СССР.

Мы нижеподписавшиеся научные сотрудники Заповедника Звагольская Е.Г., Грановская Н.И. в присутствии зав. библиотекой Сулеймановой составили настоящий акт в том, что для музейного хранения нами был принят в Пушкинский Заповедник из Пушкиногорского РайМВД согласно сопроводительной записки нач. РайМВД капитана Гаранина от 11/Х-47 г. на имя директора Заповедника Гейченко С.С. «Пистолет шомпольный курковый одноствольный Пушкинской эпохи с резной рукоядкой и гравировкой на стали. Стальные части покрыты ржавчиной, конец рукоядки с утратой части резьбы.

Вышеизложенное свидетельствуем своими подписями».

«Тов. Гейченко!

К имеющимся у Вас историческим документам, шлю старинный, Пушкинского образца пистолет.

Если будет подходящий – храните в музее.

С приветом к Вам

Нач. РОМВД капитан В. Гаранин

11/Х-47 г.».

В последующие десятилетия комплектование фонда осуществлялось по тематическому принципу и было подчинено главной задаче – экспозиционной. Главной в формировании фонда была тема «Михайловское в судьбе А.С. Пушкина». Такой подход был вполне оправдан, так как на протяжении долгого времени, начиная с 40-х и по 90-е годы, в Пушкинском Заповеднике вели восстановительные работы, а в конце 90-х – начале 2000-х годов – работы по реконструкции музейных комплексов Михайловского, Тригорского, Петровского, Бугровской мельницы и по наполнению их экспозиционным материалом.

На восстановительном этапе и этапе реконструкции такой подход себя оправдал, и задача была выполнена: музейные экспозиции обеспечены первоклассными вещами, имеющими экспозиционное и коллекционное значение.

Не ставлю перед собой задачу описать все эти вещи, перечислю лишь некоторые из них. Это шкаф наборного дерева голландской работы (1730-е годы); буфет из ореха (1750); раздвижной стол в стиле голландского барокко, изготовленный из морёного дуба. Это редчайшие образцы стекла: кубок середины XVIII века с вензелем императрицы Елизаветы Петровны; кружка-квасник «с мухами» 1790-х годов с монограммой владельца (обе вещи русской работы); бокал XVII века богемского стекла; четырехчастный кувшин; рюмки-ремеры. Это усадебные портреты псковских помещиков Юрневых (конец XVIII века), родственников хозяйки Тригорского Борзовых (конец XVIII – начало XIX века), портрет Е.Е. Керн, дочери А.П. Керн, раритетный портрет Бориса Годунова работы неизвестного художника (конец XVII – начало XVIII века), французские гравюры с оригиналов Мартена Младшего – изображения Полтавской баталии и битвы при деревне Лесной.

Наибольшую ценность представляют мемории, в разное время приобретённые у потомков А.С. Пушкина, Вульфов, Ганнибалов и ставшие основой экспозиций Михайловского, Тригорского, Петровского.

Интересной представляется коллекция вещей пушкинского времени из Тригорского и Голубова: мебель, посуда, картины, предметы убранства, фотографии, экспонируемые в настоящее время в доме Осиповых и Вульфов в Тригорском. Серия мемориальных вещей вернулась в Михайловское из Вильнюса (Маркучай), куда в своё время увёз их младший сын А.С. Пушкина Григорий, в 60–90-е годы XIX века живший в Михайловском.

В последние десятилетия в музее наряду с экспозиционными решают и собирательно-коллекционные задачи комплектования.

Поскольку в планах заповедника прописано создание художественной галереи, активно комплектуется коллекция произведений современного искусства. В её состав входят работы таких художников, как А. Батулин, А. Давид, С. Репин, Л. Гервиц, К. Преттро, В. Звонцов, Б. Диодоров, И. Шаймарданов, и многих других.

На 1 июля 2010 года музейный фонд Пушкинского Заповедника насчитывал 45 168 предметов: 32 303 предмета основного фонда и 12 865 предметов научно-вспомогательного фонда. Самый большой по количественному составу – фотонегативный фонд – насчитывает 29 762 предмета основного и научно-вспомогательного фондов. Ежегодно в музейных экспозициях используется около 3 тысяч и на выставках – около 700 музейных предметов.

В последние годы перед музеем остро стал вопрос размещения музейных предметов, находящихся вне экспозиций, то есть вопрос о не-

обходимости расширять площади фондовых хранилищ. Нужно сказать, что дирекцией предприняты все зависящие от неё меры для организации хранения музейных предметов и музейных коллекций на современном уровне: хранилища оснащены новым, соответствующим нормам оборудованием, внедрены системы кондиционирования, видеонаблюдения, электронного ограничения доступа в помещения фондов, установлено противопожарное оборудование.

Одной из главных проблем остаётся перегруженность фондовых хранилищ, из-за чего невозможно полностью выполнять требования противопожарной безопасности. В отдельных хранилищах нагрузка на межэтажные перекрытия достигает своего максимума. Перегруженность помещений не позволяет в полной мере осуществлять раздельное хранение музейных предметов по материалам. В связи с нехваткой помещений нет возможности оборудовать дезокамеру и реставрационную мастерскую.

Фондовые хранилища музея размещены в здании Научно-культурного центра, где постоянно проводятся культурно-массовые и научные мероприятия. Более того: помещения фондовых хранилищ граничат со сценой концертного зала на 600 мест, что само по себе создаёт повышенную пожарную опасность. В этом же здании работают службы и отделы, не связанные с хранительской деятельностью, что значительно осложняет обеспечение безопасности музейных предметов и музейных коллекций.

Полностью отсутствуют резервные и манёвренные площади для размещения музейных предметов на период реконструкции экспозиций. Предельная заполненность фондовых хранилищ создаёт серьёзные проблемы для дальнейшего комплектования музейных коллекций.

То, что вопрос расширения площадей фондовых хранилищ необходимо решать, отметила и экспертная комиссия Министерства культуры РФ (комиссия проверяла наличие музейных предметов и музейных коллекций в Пушкинском Заповеднике в октябре 2009 года).

В существующих зданиях музея нет возможности расширять фондовые хранилища. Решить эту проблему можно, только построив для них новые здания. Строительство таких зданий возможно на федеральных землях, которые переданы в пользование Пушкинскому Заповеднику. При соответствующем финансировании первоочередной задачей станет проведение проектно-исследовательских работ и составление проектно-сметной документации на это строительство.

Татьяна Иванова

**ДОКУМЕНТЫ, ВОЗВРАЩЁННЫЕ В 1945 ГОДУ
ИЗ ГЕРМАНИИ, В СОСТАВЕ КОЛЛЕКЦИИ
«ДРЕВНИЙ АРХИВ» ОСНОВНОГО ФОНДА
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА**

Документальный фонд Пушкинского Заповедника невелик по объёму. На сегодняшний день его численность составляет 640 единиц хранения. В фонде хранятся документы, чрезвычайно интересные для музейных сотрудников, краеведов, посетителей музеев Пушкинского Заповедника. Однако из-за специфики хранения (закрытости, необходимости жёстко соблюдать условия хранения – световой и температурно-влажностный режим), а также, прежде всего, из-за руинированного состояния самих документов и вследствие этого из-за невозможности экспонировать оригиналы этот фонд в основном остаётся доступным лишь его хранителю.

Трудно судить о количественном составе довоенного документального фонда. Возможно, собирательство документов началось, когда в избе-читальне при Святогорском монастыре появился первый музейный фонд Пушкинского уголка, где среди небольшого количества вещей, подаренных паломниками, для записей посетителям предоставлялась книга «Память Александра Сергеевича Пушкина Св. Горы Псковской Губернии» (1898–1926 годы). Среди подписей посетителей – автографы сына поэта Г.А. Пушкина и его жены В.А. Пушкиной, Л.Н. Павлицева, потомков друзей и соседей А.С. Пушкина по Михайловскому – Назимовых, Шелгуновых, Яновичей, Затеплинских, а также фотографа К. Буллы, художника В. Максимова, писателей И. Новикова, В. Острогорского, пушкиниста Б.Л. Модзалевского и других. На сегодня это самый ценный предмет документального фонда¹.

Известно, что в начале 10-х годов XX века кроме музея в Михайловском существовало и хранилище, но всё было уничтожено пожаром в 1918 году. В 1920-е годы музейный фонд Пушкинского Заповедника

---

¹ ПЗ-КП-4677/49/ «ДА» (инвентарный номер документа; аббревиатуры означают: ПЗ-КП – Пушкинский Заповедник. Книга поступлений; «ДА» – «Древний архив»).

был создан в Пушкинском Доме АН СССР в Ленинграде. В заповеднике также вели работу в этом направлении, особенно когда в 1935 году директором сюда был назначен профессиональный пушкинист В.З. Голубев. Он возглавил в заповеднике подготовку к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. Именно при Голубеве впервые за основу музейной работы в заповеднике были взяты исторические источники, имевшие и имеющие главенствующее значение.

Во время Великой Отечественной войны в Пушкинский Заповедник пришли фашистские войска. О судьбе большей части музейных предметов, среди которых были и документы, и по сей день ничего не известно. Об этом трагическом периоде жизни страны и Михайловского, о вывезенных немцами и возвращённых в 1945 году музейных ценностях, среди которых были и архивные документы, пишет Е.В. Шпинёва в статье «Судьба музейных ценностей»¹.

Именно с двух ящиков с чудом сохранившимися бумагами XVIII – начала и середины XIX века и с канцелярских документов заповедника 20-х годов и началось формирование документального фонда.

Сегодня фонд состоит из следующих коллекций:

- *Документы древнего архива (381 единица хранения)*: документы к истории Михайловской губы (XVIII–XIX века), завещания, купчие крепости, прошения, письма прадеда А.С. Пушкина А.П. Ганнибала. В эту же коллекцию входит и уже упомянутая книга регистрации посетителей могилы поэта.

Вероятно, коллекция «Древний архив» получила своё название на этапе систематизации и учёта, когда в неё вошли документы преимущественно XVIII – начала XIX века, относящиеся к генеральному межеванию 1786 года, а также церковные бумаги (все они составляют большую часть собрания, 266 наименований из 381). Несмотря на это, коллекцию впоследствии дополнили другие документы XVIII – начала XX века, в том числе и документы XX века описательного характера: об эпохе А.С. Пушкина, о пушкинских местах на Псковщине – либо документы о предках и потомках поэта.

- *Документы 20–30-х годов XX века (82 единицы хранения)*: документы об организации Пушкинского Заповедника в начале 20-х годов и канцелярские бумаги 20–30-х годов, воспоминания о торжественных мероприятиях 1924 года, когда отмечали 100-летие со дня ссылки А.С.

---

¹ Шпинёва Е.В. Судьба музейных ценностей // Михайловская пушкиниана. Вып. 1. М., 1996. С. 52–59.

Пушкина в Михайловское, а также документы, имеющие отношение к юбилею 1937 года – к 100-летию со дня смерти поэта.

• *Документы и воспоминания участников Великой Отечественной войны (177 единиц хранения)*: записи воспоминаний участников освобождения и местных жителей, а также очерки об оккупации и освобождении пушкинских мест. К этой коллекции относится рукописная опись музейного имущества, отправленного в Германию в феврале 1943 года, сделанная К.В. Афанасьевым, управляющим музеем в то время.

Далее представлен краткий обзор документов, являющихся основой коллекции «Древний архив», – документов генерального межевания и документов местных церквей, возвращённых из Германии в 1945 году. Эти уже действительно древние документы отображают локальный характер комплектования фондовой коллекции документов Пушкинского Заповедника, для его сотрудников являвшейся, наряду с материалами других архивов, основой для исследования жизни и творчества А.С. Пушкина в годы его пребывания в Михайловском, а также для создания экспозиций, воссоздания парков – как в довоенное (в частности, при подготовке к 100-летию со дня смерти поэта), так и в послевоенное время.

Условно эти документы можно было бы разделить на две группы:

- Документы, относящиеся к генеральному межеванию 1786 года.
- Документы местных церквей начала и середины XIX века.

К первой группе относятся *геометрические планы и межевые книги 1786 года и рукописные копии с них*.

Генеральное межевание, длившееся в России около 100 лет, в Псковской губернии проводилось с 1781 по 1796 год. За 15 лет были составлены планы на 16 603 дачи, обмежёвано 4 002 459 десятин земли.

На основании планов отдельных дач (земельных владений) составляли генеральный план на весь уезд, а на основе уездных планов – атласы губерний. Подлинники планы отправляли в Москву на хранение, копии имелись в губернии и у владельца.

Ныне подлинники планы хранятся в Москве в РГАДА. В фонде Пушкинского Заповедника есть единичные экземпляры планов, а также прилагавшиеся к планам межевые книги из бывшей Опочецкой межевой конторы.

Первым из сотрудников Пушкинского Заповедника, изучавшим планы и межевые книги с целью практического применения содержащихся

в них сведений, был В.З. Голубев. Так, в 1937 году были произведены ремонтные и восстановительные работы в парках, расчищены озёра. Голубев обнаружил «Остров уединения» в парке Михайловского. В его статье «Из истории Пушкинского заповедника»¹ мы читаем:

«Геометрические планы и межевые книги 1786 г. являются документами значительной исторической ценности, так как они дают возможность представить полную картину ганнибаловских владений, их границ, название деревень, количество крепостных крестьян, планировку усадеб и рельеф местности. <...> Эти планы нами были найдены в земельном отделе Пушкинского районного исполнительного комитета Калининской области, куда они попали по случаю перевода центра волости из Воронича в Пушкинские Горы.

Весной 1937 г. все уцелевшие геометрические планы 1786 г. были переданы в Пушкинский заповедник Академии наук СССР, где они хранятся по настоящее время».

Далее в статье даны общая характеристика планов и принципы их начертания:

«Все геометрические планы написаны на хорошей прочной бумаге. Чертежи сделаны в красках с обозначением селений, пашни, сенокоса, леса, болота, рек, ганиц, озер и т. п. В верхней части плана поставлена печать Межевой комиссии с девизом «Каждый при своём». Возле печати подписи чиновников, составлявших и заверявших план. Под печатью находится картуш – описание владения, т.е. указание на время составления плана, владельца, количество и качество земли, а также количество крепостных людей по деревням, а по сторонам его описаны смежные владения, указано «изъяснение знаков» и перечислены лица, присутствовавшие при составлении плана.

В самой нижней части планов помещен масштаб».

В статье В.З. Голубев также приводит сделанные им расшифровки верхних частей пяти геометрических планов владений Ганнибалов: «сельца Зуева что ныне Михайловское с селцом генварским издеревнею рысцовой владение флота артиллери второго ранга капитана осипа абрамова сына Ганибала», «апочецкого уезда воронечкой части Михайловской губы деревни Морозовой здеревнями... Осипа абрамовича Ганнибала», «сельца Петровскаго спринадлежащими кооному деревнями... господина генерал майора Петра Абрамовича Ганибала», «Вороницкой части

---

¹ Голубев В.З. Из истории Пушкинского заповедника // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. ; Л., 1941. С. 382–397.

Михайловской губы деревни Щебатовой здеревнею Рудиной владение флота артиллери капитана Исака Абрамова сына Ганибала», «апочецкого уезда воронецкой Части Михайловской губы деревни больших и малых дуллей здеревней Денисовой... исака абрамовича сына Ганибала». В публикации упомянуты и рукописные копии с планов «озера Кучаново» и «озера Белагуля» с межевыми книгами и межевая книга «Псковской губ., Опочецкого уезда, Рождественской губы, пустоши Масловка, влад. Исаака Абрамовича Ганнибала».

В статье о В.З. Голубеве из Пушкинской энциклопедии «Михайловское» мы читаем о том, что межевые планы и книги он передал в Пушкинский Дом до Великой Отечественной войны. Однако сам Голубев пишет, что «все уцелевшие геометрические планы 1786 г. были переданы в Пушкинский заповедник Академии наук СССР, где они хранятся по настоящее время» (то есть по 1941 год – это дата написания его статьи, начало войны). Кроме того, в книге С.Д. Яковлева «Пред солнцем бессмертным ума...»¹ в статье о В.З. Голубеве дано описание экспозиции Дома-музея поэта в 1936–1937 годах, над которой работал Василий Захарович. Среди мемориальных вещей Осиповых и Вульфов, пушкинских книг и их копий, картин и художественных фотографий экспонировались документы Вороничской церкви и копия межевого плана Михайловского 1786 года. Остается не ясным, оставались ли эти документы в заповеднике до войны и вместе с другими вещами были вывезены немцами и, не доехав до Германии, попали сначала в Лиепая, потом в октябре 1945 года – в Москву, затем – в ИРЛИ (Пушкинский Дом), а оттуда по акту от 1 февраля 1946 года – обратно в Пушкинский Заповедник. Либо они всё же были отправлены в ИРЛИ до войны и присоединены к возвращённым вещам уже в 1946 году.

В графе «Способ поступления и предыдущая история» инвентарной книги «Древний архив» рукой С.С. Гейченко написано: «Перечисленные в этой описи №№ 1–266 возвращены из Германии в 1945 г.».

Рукой С.С. Гейченко подписаны многие старые папки, в которых хранились экспонаты документального фонда. Часто мы видим пометы, примечания, памятки, расшифровки; там, где документ или его часть рассыпалась, фрагменты бережно собраны в конверт и вложены в основную папку с соответствующим комментарием. Зачастую Семён

---

¹ Яковлев С.Д. Пред солнцем бессмертным ума... Пушкинский государственный заповедник на Псковской земле. Исторические очерки: В 2-х ч. Ч. 1. Пушкинские Горы, 1994. С. 101.

Степанович сам вносил записи в инвентарные книги, расшифровывал документы (основная масса их – трудночитаемые), делал поправки, примечания, дополнения, записывая эти пометы на памятки и вкладывая в папку с основным документом. Научные сообщения по изученному материалу Гейченко готовил как для сотрудников заповедника, так и для самых разных слушательских аудиторий.

И сегодня в экспозициях музеев мы видим копии межевых планов и копии других документов, на которые может опираться экскурсовод в своём рассказе. Но всему этому предшествовала большая исследовательская работа. Кроме С.С. Гейченко с этой частью коллекции «Древний архив» в разные годы, комментируя межевые планы и книги, работали В.Я. Шпинёв, Т.Ю. Мальцева, М.Е. и Л.А. Васильевы. Их научные работы о геометрических планах также хранятся в фондах Пушкинского Заповедника. Многие из планов откомментированы В.Г. Никифоровым.

Не все из хранившихся в заповеднике до войны планов и межевых книг с более подробными описаниями, прилагавшимися к планам, в том числе и из тех, о которых пишет В.З. Голубев, были возвращены в 1945 году. В частности, отсутствуют упомянутые им планы Михайловского и Петровского.

В настоящее время в коллекции «Древний архив» 13 межевых планов и 18 межевых книг (или, увы, лишь их фрагментов) из довоенного собрания документов.

Не менее интересны и документы местных церквей, которые, на наш взгляд, к сожалению, не имеют значительного практического применения. Но, изучая их, мы можем ощутить язык, стиль общения, окунуться в реалии той жизни – понять то, что составляло самобытность пушкинской эпохи.

В числе этих документов – письма с просьбами о венчании, адресованные священникам, а также брачные обыски (свидетельства о венчании), ведения (то есть сведения, справки о разрешении вступить в брак), свидетельства о рождении. Большинство писем-ведений адресовано знакомому Пушкина, священнику Воскресенской церкви на Ворониче Иллариону Раевскому, также мы встречаем имена священников Петра Ивановича (служившего, судя по датировкам, до Раевского в Воскресенской церкви), «Печанского погоста священника Иоанна (Антонова) Скоропостижного», «Новоржевского уезда Погоста Столбошина (в других случаях пишется Столбушино. – *Т.И.*) священников Петра Дмитриева, Семёна Антонова», «Пригорода Вороничь Георгиевской церкви»

священника Андрея Великотного, священнослужителей Святогорской Пятницкой церкви священника Фёдора Святогорского и дьякона Александра Раевского, священника Староникольского погоста Алексея Владимирского.

С просьбой повенчать крестьян окрестных деревень (некоторые из названий уже давно утрачены) к священникам обращаются из сельского прихода Вороничского удельного приказа, Утрецкого волостного правления Вороничской волости, помещики Опочецкого и Новоржевского уездов и их управляющие. Среди имён помещиков – имена статской советницы Прасковьи Александровны Осиповой, Дарьи Герасимовны Шелгуновой, статского советника и обер-прокурора Сергея Ивановича Пущина, помещика Михаила Ивановича Пущина, помещика коллежского асессора Николая Саввича Бороздина, помещиков Василия Капитоновича Афросимова, Сергея Сергеевича Ланского, майорши Екатерины Григорьевны Жеребцовой, помещиков Глоубича и Медера.

Ниже приводятся некоторые из таких писем (сохранена орфография оригиналов).

Письмо письмоводителя Воронежского сельского приказа В. Верещагина священнику Воскресенской церкви Петру Иоанновичу о разрешении брака крестьянину Степану Максиму из деревни Барзилово:

«Изъ вороницкаго сельскаго приказа пригорода воронича воскресенския церкви священнику Петру Иоанновичу Позволено женится ведомства сего приказа деревни Барзилова крестьянскому сыну Степану Максиму онагожь ведомства деревни Зимари накрестьянской дочери девки авдотьи силиной того ради вашего благословения вороницкой приказъ просить совокупить законнымъ бракомъ Между кои никакова родства изаконнаго препядствия неть ноября 11 дня 1804-го года. затлучкой казенной печати, въгородъ апочку съ удельными доходами въместо приказнаго выборнаго подписался Письмоводитель василей верещагинь»¹.

Сведение Воронежского удельного приказа священнику Воскресенской церкви Иллариону Евдокимову о разрешении брака Дмитрию Тарасеву из деревни Куялы, 5 февраля 1816 года:

«Изъвороницкаго удельнаго приказа... священнику Илариону Евдокимову зъдьячкомъ и причетниками Сведение благоволите ваше свя-

¹ ПЗ-КП-4677/94 «ДА».

щенство ведомства сего приказа деревни Куяль Крестьянского сына дмитрия Тарасьева совокупить первымъ законнымъ бракомъ съкрестьянской дочерью девкой оной же вотчины деревни демиткова матроной Логиновой Ибо жениху Тарасьеву 15-ть аневесты 13-ть летъ посемену ипросимъ повенчать сего 1816-го года февраля 5-го дня занезнаниемъ... приказнаго старосты грамоты Прилагается Печать»¹.

Письмо опочецкой помещицы Дарьи Шелгуновой священнику Иллариону Раевскому о разрешении вступить в брак крестьянину Петру Андрееву, дворовому человеку вотчины Дериглазово, 6 ноября 1825 года:

«Свещенно Иерей Ларионъ Евдокимовичъ Ись Церковно Служителями Поволи моей позволила явступить въ 1-й законный бракъ прихода вашего благословения вотчины моей Селца дериглазова крепостному моему дворовому человеку Петру Андрееву накрепостнойже моей деревни (нрзб.) крестьянской дочери анны Максимовой... оне между между собой никакого родства ихъ браку сочетанию препядствия неимеють тоиблаговолите ваше священство оную свадьбу повенчать ноябрю 8 дня 1825-го года вчемъ иподписуюсь Опочецка Помещица дарья Шелгунова»².

Письмо Вениамина Петровича Ганнибала священнику Иллариону Раевскому о разрешении вступить в брак крестьянину деревни Дорохово Ивану Михайлову, 10 мая 1820 года:

«Ваше благословение отец Ларионъ, прошу вас покорно сию свадьбу совокупить законнымъ бракомъ крепостнаго моего крестьянина деревни Дорохова Ивана Михайлова на крепостной моей девке тоиже деревни авдотьи Ивановой полюбовному между ихъ согласию, имежду ими родства никакова неимеется. Веньемин Ганнибаль»³.

Тематически к этим документам относятся церковные указы, инструкции, предписания священникам, а также письма (справки, свидетельства), выданные церковнослужителями.

Свидетельство, выданное 1 мая 1872 года причтом Георгиевской церкви крестьянину деревни Аполева Павлу Ефимову, в том что он за-

---

¹ ПЗ-КП-4677/90 «ДА».

² ПЗ-КП-4677/71 «ДА».

³ ПЗ-КП-4677/47 «ДА».

писан в метрической книге за 1854 годом (подписано священником Андреем Великотным):

«Мы нижеподписавшиеся Опочецкого уезда священнослужители Георгиевския церкви Пригорода Воронич, симъ свидетельствуемъ, что ведомства государственныхъ имуществъ деревни Аполева крестьянина Сергея Ефимова сынъ Павелъ родился въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертомъ году ноября 4, крещень 6 дня и въ метрике записан подь №41. Восприемниками были: тойже деревни крестьянинъ Матфей Ильин и крестьянская девица Пелагея богданова. 1872 года Маи 1 дня означеннаго пригорода Вороничъ священникъ Андрей Великотный Дьяконъ Феодоръ Муравейский Дьячекъ Матфей Орловъ»¹.

Свидетельство Священнослужителей Пятницкой церкви Святогорского монастыря священнику Воскресенской церкви Иллариону Евдокимовичу Раевскому о том, что Евдокия Афанасьевна – дочь крестьянина деревни Кирова Афанасья Васильева Кузнецова, или Боброва, – в метрических книгах не значится и у исповеди бывает ежегодно. Письмо не датировано.

«Его Высокоблагословению, Пригорода Воронича Воскресенския церкви Священнику Иллариону Евдокимовичу Раевскому Пятницкой церкви, что при Святогорскомъ Монастыре Священноцерковно служителей Свидетельство. Приходанашего, Вороничкаго Сельскаго приказа крестьянина деревни Кирова Кузнецова, или Бобровъ, Афанасья Васильева дочь, девица Евдокия Афанасьевна въ метрическихъ нашихъ книгахъ незначится, когда родилась, т.е. какого года, месяца и числа; По духовнымъ же росписямъ въ 1803 году подь № 760 значится одного года. У исповеди и Св. причастия каждагодно бывает Во уверении чего иподписуемъ Священникъ Григорий Смирновъ Дьячекъ Николай Садовский Пономарь Николай Петровъ»².

Сохранилось также несколько описей (ведомостей) церквей с изложением краткой истории постройки и ремонтов церкви, с описанием церковных владений, штата и прочего. Это – описи Рождественской церкви Рождественского погоста Опочецкого посада 1850 года, церкви Архангела Михаила в селе Велье Псковской епархии Опочецкого уезда за 1864 год, а также ведомость (вероятно, фрагмент) церкви Воскресе-

---

¹ ПЗ-КП-4677/102 «ДА».

² ПЗ-КП-4677/266 «ДА».

ния Христова при городе Ворониче Псковской епархии 1904 года. Последнюю приведём здесь по описаниям Т.С. Гейченко.

«Воскресения Христова Псковской Епархии Опочецкого уезда пригорода Воронич за 1904 год.

1. Церковь построена в 1789 году, как видно из прежних клировых ведомостей, тщанием прихожан, по какому случаю сколько употреблено капитала на постройку и из каких источников – не известно. В 1866 году перекрашена и снаружи обита тесом на деньги, собранные от прихожан и жертвователей и записанные в приходно-расходные книги на сумму 336 руб. В 1869 году усердием помещика генерала Шелгунова в церкви сделан вместо ветхого новый иконостас, стены внутри обшиты тёсом, полы перестланы и окрашены масляною краскою, стоимость оной ремонтной работы неизвестна. В 1872 году на деньги, пожертвованные церковным старостою и прихожанами, церковь покрыта железом и окрашена медянкою. В 1893 году крыша церкви покрашена медянкою, а стены церкви (слово «церкви» вычеркнуто в рукописи. – Т.Г.) снаружи покрашены кобальтом со слоновою костью на деньги, пожертвованные церковным старостою на сумму 225 рублей. В 1900 году на деньги, пожертвованные крестьянином Феодором Феодоровым Л[уж]ковым (стерто. – Т.Г.) в количестве 200 руб., а также и на деньги, поступившие от крестьян прихожан и добротных жертвователей, произведена окраска белилами церковных стен, полов и крыши церкви, колокольни и ограды кругом кладбища; стоимость всех произведённых работ исчислена в 504 руб. 95 коп.

2. Зданием деревянная с такою же колокольнею, находящеюся в связи с храмом, тверда и не представляет в себе никаких исторических, археологических и архитектурных особенностей. Колоколов до 1904 года было четыре: большой 13 пуд. 2 ф. надпись на нем: «Ли[ть] сей колоколь Воск[ресен]скую ц[ерко]вь Па[в]ла Шел[гу]нова», 2 с надписью: «въ 6 пуд. 5 фун.» и два малые без надписи и обозначения веса. В начале же 1904 года получен и утверждён на месте пятый колокол весом 50 пуд. 13 фун., приобретённый на Валдайском заводе бр. Усачёвых на деньги, пожертвованные генерал-майором Павлом Никоноровым Шелгуновым в количестве 200 руб. и другими прихожанами и радателями храма Божия – всего 955 р. 22 коп. На колоколе изображена икона Воскресения Христова и надписи: «Иисусе Воскресший воскреси души наша» и «25 декабря 1903 года».

3. Престол один – во имя воскресения Христова холодный. Древние и месточтимые иконы: Храмовая во имя Воскресения Христова, Архистратига Михаила, празднуемого 8 ноября, и Пророка Божия Илии, празднуемого 20 июля, письменных сказаний и устных преданий о сих иконах не существует. Близ церкви кладбище обсажено деревьями и обнесено каменною оградю – устроено оно в 1886 году на деньги, пожертвованные церковным старостою и прихожанами на сумму 450 руб., покрыта тесом и окрашена мумлей (землёй?); грунт земли на кладбище глинистый.

4. Сторожки и лавок для ярмарки при церкви нет. Кроме Богослужбных книг в церкви находятся: 7 книг учительных, 4 руководственных и 5 исторических, для чтения и продажи прихожанам не имеется. Церковные и Епархиальные ведомости выписываются.

5. До введения штатов в 1876 года положено: Священник, диакон, дьячок, пономарь и просфорня. По штату 1885 года положено: священник, диакон и псаломщик. В должности состоят: священник, диакон и псаломщик.

6. Земли как пахотной так и сенокосной, кроме усадебной, при сей церкви нет. О нарезке земли для церкви дело производилось с 1825 по 1872 год. В 1872 году для нарезки земли по распоряжению Губернского начальства был командирован опочецкий губернский землемер Г. Вильчевский, но прихожане, как помещики, так и крестьяне, не согласились нарезать земли. В 1902 (поверху цифры 2 карандашом поставлено 4. – *Т.Г.*) году причт, вынужденный своею необеспеченностию, вышел в Псковскую Духовную Консисторию с ходатайством о нарезе под церковь земли, принадлежащей казне и находящейся в Опочецком у. близ села Велья, но за неимением ввиду свободных земель причту отказано, о чём указом Консистории от 29 ноября 1904 года за №13084 и объявлено¹.

Многие документы заверены печатями церковей, давно уже не существующих.

Особый документ – книга брачных обысков Егорьевской церкви в пригороде Воронице Опочецкого уезда Псковской губернии 1824–37 годов. Такие шнурозапечатанные книги, существовавшие в каждой церкви начиная с 1802 года, представляли собой собрание письменных актов, обычно составлявшихся причтом церкви перед венчанием каждого брака и удостоверявших наличие условий, требуемых законом для

¹ ПЗ-КП-4677/11 «ДА».

совершения брака. Книги выдавались из духовной консистории за подписью одного из членов консистории. Брачные обыски (так же как и предшествующие венчанию и упомянутые выше письма о разрешении на брак) содержали сведения о звании, состоянии, вероисповедании и месте жительства жениха и невесты, об их возрасте и здравом умственном состоянии, о том, что между ними нет степени родства, препятствующей по закону их браку, а также о том, которым браком они сочетаются, по доброй ли воле и имеют ли согласие на брак со стороны родителей и лиц, согласие которых требуется по закону, были ли они у исповеди и святого причастия. Эта книга представляет особую ценность, так как в неё внесены брачные обыски о венчании Е.Н. Вульф с Б.А. Вревским и А.Н. Осиповой с П.Н. Беклешовым.

В 1957 году коллекция «Древний архив» пополнилась двумя книгами брачных обысков Успенской церкви Столбушинского погоста Ново-ржевского уезда: 1803–1808 и 1838–1846 годов, найдёнными С.С. Гейченко в деревне Терebene. В книгах упоминаются фамилии помещиков Львовых, Ланских, Голенищевых-Кутузовых, Елагиных, Бороздиных, Лихаревых, Неёловых, Буахвостовых, Пещуровых, Карамышевых, Клокачёвых, Субботиных, Хомутовых, Валицких, Загурских и других.

В одной из статей С.С. Гейченко мы читаем: «...Пушкин подчёркивал, что для потомков должна быть дорога каждая мелочь жизни великого человека. Крупица за крупицей собираем мы – хранители земной жизни Пушкина – сведения о годах ссылки его в Псковскую деревню. Мы ищем, но, может быть, не найдём никогда, потому что оно кануло в Лету. Многие нам непонятно, потому что изменился ход времени и смысл вещей...»¹. Знания о старинных вещах, изучение писем поэта, его друзей и знакомых, немногочисленные сохранившиеся документы помогают постичь это «непонятное» и, увы, становящееся всё более далёким для нас.

---

¹ Гейченко С.С. Статьи, интервью, очерки (1945–1993). Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 223.

КОЛЛЕКЦИЯ СКУЛЬПТУРЫ В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Основной фонд декоративно-прикладного искусства Пушкинского Заповедника поделён на 11 коллекций. Об одной из них – самой небольшой по количеству предметов, но от этого не менее значимой, – коллекции скульптуры, и пойдёт речь. Коллекция насчитывает около 70 единиц основного фонда, примерно столько же предметов скульптуры включено в состав научно-вспомогательного фонда (в основном это копии оригинальных работ известных скульпторов).

Скульптурные изображения из довоенного собрания музея, к сожалению, были почти полностью утрачены в годы немецко-фашистской оккупации. После войны вернулись единицы. Среди них – копия установленного в Кишинёве бюста А.С. Пушкина работы скульптора Александра Михайловича Опекушина (1838–1923) и копия памятника поэту, выполненного этим же автором и установленного на Тверском бульваре в Москве. Эти два предмета, переданные в Михайловское в первых числах февраля 1946 года через Институт русской литературы АН СССР, и легли в основу коллекции скульптуры Пушкинского Заповедника.

В том же году коллекцию пополнили бюсты М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, изготовленные различными авторами и экспонируемые в настоящее время в доме-музее в Тригорском. В основном это копийные работы. Погрудный скульптурный портрет Екатерины II (копия произведения скульптора Шубина, работавшего в Петербурге в последней трети XVIII века) представлен в Парадной зале Петровского.

В следующем, 1947 году в музей Михайловского поступил (также через ИРЛИ АН СССР) бюст А.С. Пушкина работы русского художника, скульптора князя Павла Петровича Трубецкого. Скульптура выполнена из глазурованного фарфора.

Трубецкой родился в 1866 году в Италии в семье русского дипломата и американки. Детство и юность его прошли в этой стране; в Россию, на родину отца, Павел Петрович приехал только в 1897 году. В этот период скульптор плодотворно работает, заводит дружбу со многими представителями русской интеллигенции.

По свидетельству секретаря Льва Николаевича Толстого, писателю нравились в Трубецком его простая открытая душа, правдивость, ненависть к светским условностям, любовь к животным, вегетарианство.

Трубецкой принял участие в конкурсе на создание памятника Александру III в Петербурге и вышел его победителем. Помимо крупных скульптур Павел Петрович создавал много портретных бюстов и статуэток. Работы Трубецкого находятся в собраниях многих музеев мира: в частности, в Русском музее, в Третьяковской галерее, в Римской академии художеств, в Венецианской академии, в Берлинской национальной галерее, в Дрезденской галерее и в других собраниях.

Умер скульптор в 1938 году в Италии.

Следующее пополнение коллекции скульптуры пришлось на юбилейный 1949 год – год 150-летия со дня рождения поэта. Тогда в музей была передана копия скульптурного портрета А.С. Пушкина, выполненного русским скульптором, профессором Академии художеств Иваном Петровичем Витали (1794–1855). Оригинал автор делал по заказу друга поэта П.В. Нащокина весной 1837 года, вскоре после кончины Пушкина. Известно, что Витали встречался с Александром Сергеевичем в Москве в 1836 году, и, возможно, результатом этой встречи явились наброски, зарисовки, послужившие в дальнейшем материалом для создания бюста. В мае 1836 года Пушкин писал жене: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское моё безобразие предано будет бессмертию во всей своей мёртвой неподвижности».

Почти одновременно с копией работы Витали в Михайловское поступает копия посмертной маски А.С. Пушкина, выполненная в бронзе. Оригинал её был изготовлен скульптором Самуилом Ивановичем Гальбергом (1787–1839), а гипсовый слепок исполнил формовщик Полиевкт Балин. По поводу изготовления маски 15 февраля 1837 года Василий Андреевич Жуковский писал в Москву Сергею Львовичу Пушкину: «К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его ещё не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но все мы имеем отпечаток привлекательный; это не смерть, а сон»¹.

В 1949 году через ИРЛИ в Пушкинский Заповедник был передан скульптурный портрет А.С. Пушкина, выполненный из чугуна и изображающий поэта в полный рост. Предположительно, это авторская

---

¹ Жуковский В.А. Письмо к С.Л. Пушкину // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т. 2. СПб., 1998. С. 435.

работа скульптора Александра Ивановича Теребенёва (1815–1859), выполненная в 1837 году. Автору в этот период было всего 22 года, о его прямом знакомстве с Пушкиным документальных свидетельств нет, но, как предположил Александр Давидович Гдалин в своей книге «Памятники А.С. Пушкину», художник вполне мог встречаться с поэтом в доме или книжной лавке своего отчима, книгопродавца и самодеятельного поэта И.В. Сленина¹. Молодой скульптор Теребенёв стал известен как раз благодаря своей пушкиниане – фигуркам поэта, выполненным из различных материалов; позже он прославился как автор фигур атлантов в портике Нового Эрмитажа.

Ещё одним крупным (как по своим размерам, так и по значимости для музея) поступлением в коллекцию в 1949 году стал гипсовый отлив бюста А.С. Пушкина работы известного ленинградского архитектора и скульптора, профессора художественных мастерских Ильи Яковлевича Гинцбурга (настоящее имя Элиаш Гинзбург; 1859–1939). Скульптор работал в основном в пластике малых форм, но занимался и монументальной скульптурой, создавал художественные надгробия. Наиболее известны выполненные им памятники Н.В. Гоголю в Сорочинцах, И.К. Айвазовскому в Феодосии, Г.В. Плеханову и Д.И. Менделееву в Ленинграде. Работы Гинцбурга высоко ценил Илья Репин.

В нашем фонде хранится этот отлив, копия с которого в настоящее время установлена в скверике у Культурно-досугового центра Пушкинских Гор. Она была изготовлена из бетона мастерами Художественно-производственных мастерских города Великие Луки в 1959 году.

В 1950-е годы в последующие десятилетия фонд Пушкинского Заповедника, в том числе и коллекция скульптуры, интенсивно пополняется. В этот период заповедник сотрудничает со многими известными скульпторами, приобретает их работы, изображающие А.С. Пушкина и современников поэта из его окружения, а также макеты памятников Пушкину, установленных в различных городах. Многие работы авторы передают музею в дар.

В 1954 году по инициативе С.С. Гейченко руководство Пушкиногорского района обратилось к министру культуры СССР Г.Ф. Александрову с просьбой о создании памятника А.С. Пушкину неподалеку от места его погребения. Положительное решение было принято на уровне ЦК КПСС, договор на изготовление памятника заключили с ленинградским скульптором Екатериной Фёдоровной Белашовой (1906–1971),

---

¹ См.: *Гдалин А.Д.* Памятники Пушкину. СПб., 2001.

профессором, народным художником СССР¹. Екатерина Фёдоровна с энтузиазмом взялась за работу, в письмах она писала, что работает над Пушкиным много, с интересом и даже, по воспоминаниям Гейченко, говорила: «Пушкин неисчерпаем, в нём вся моя жизнь»².

В 1959 году памятник был готов и в июне открыт в Пушкинских Горах. Монумент отлили из бронзы. Его пьедестал выполнен из неполированного гранита инженером-архитектором Львом Моисеевичем Холмянским. В 2009 году исполнилось 50 лет со дня открытия памятника, который органично вписался в окружающий пейзаж и стал одной из визитных карточек посёлка и Пушкинского Заповедника. В фондах музея хранится несколько гипсовых эскизов памятника, выполненных Е.Ф. Белашовой на подготовительном этапе работы над монументом.

В так называемом «Зелёном зале» Дома-музея в Тригорском экспонируют ещё одну работу этого автора – погрудный бюст юноши Пушкина, выполненный из гипса в том же 1959 году. Таким Екатерина Фёдоровна представила юного поэта, впервые приехавшего на Псковскую землю.

На протяжении многих лет своеобразным украшением Тригорского парка являлся погрудный, белого мрамора бюст А.С. Пушкина, выполненный Е.Ф. Белашовой в 1969 году. Эту работу автор передала в дар Пушкинскому Заповеднику. Дарами являются и почти все остальные её работы в музейной коллекции скульптуры.

Идея о создании памятника А.С. Пушкину в Михайловском или в его окрестностях родилась ещё в 1920-е годы; позже, в 30-е годы, было принято решение о создании и установке такого памятника именно в усадьбе. В траурные дни, когда отмечали 100-летнюю годовщину со дня смерти поэта, на месте предполагаемой установки памятника был заложен монумент. Он представляет собой четырёхгранник из белого мрамора с золочёным текстом: «Здесь будет сооружён памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. Заложен 18 февраля 1937 года». Осуществить проект помешала Великая Отечественная война. Закладной камень уцелел, хотя и пострадал во время оккупации, хранится в фондах.

---

¹ Уже позже, в 1960-х годах, Е.Ф. Белашовой было присвоено звание члена-корреспондента Академии художеств.

² Цит. по: *Гдалин А.Д., Иванова М.Р.* Памятники А.С. Пушкину на Псковской земле // *Михайловская пушкиниана*. Вып. 27. Пушкинские Горы ; М., 2003. С. 179, 180.

На территории усадьбы Михайловское, в яблоневом саду, памятник А.С. Пушкину установлен был гораздо позднее – в июне 1981 года. Впрочем, по жанру это скорее садовая скульптура. Фигуру поэта в 1969 году выполнила молодой ленинградский скульптор, наша современница, Галина Васильевна Додонова: это была её дипломная работа. Автор изобразила молодого Пушкина полулежащим в траве, выполнила скульптуру в бронзе.

На территории Пушкинского Заповедника, в усадьбе Петровское, установлен бюст прадеда поэта, Абрама Петровича Ганнибала, выполненный в бронзе Еленой Александровной Косовой. Известный московский скульптор, с 1984 года член Союза художников России, Косова никогда не была профессиональным скульптором, ваянием увлеклась уже в зрелом возрасте. Елена Александровна была профессиональной разведчицей, офицером советской разведки, сотрудником органов госбезопасности, состояла в резидентуре внешней разведки. Вместе с мужем она проработала несколько десятилетий в различных странах Европы и в Соединенных Штатах Америки. Ещё одна её работа – бюст А.С. Пушкина – находится в фондах Пушкинского Заповедника: автор передала её в дар музею.

Кроме перечисленных скульптурных изображений А.С. Пушкина и лиц из его окружения, в фондах заповедника хранятся работы многих известных мастеров. Например, погрудное гипсовое изображение А.С. Пушкина, выполненное к 100-летию со дня его гибели членом Ленинградского пушкинского комитета Василием Васильевичем Козловым (1887–1940), было передано в дар музею вдовой скульптора А.С. Томашевич в 1965 году.

Правнучка народного художника Николая Никитовича Федотова подарила заповеднику бюст А.С. Пушкина, созданный её прадедом в 1860 году из белой тонированной глины.

Многим пушкинистам известно имя скульптора, художника, реставратора Николая Васильевича Дыдыкина. Выполненный им памятник А.С. Пушкину стоит во внутреннем дворике последней квартиры поэта на Мойке, 12. В послевоенные годы скульптор принимал участие в воссоздании фигур Большого каскада в Петергофе, Лакового кабинета во дворце Монплезир. Автор книги о Николае Дыдыкине Нонна Фёдоровна пишет, что он «создал скульптурную группу «Пушкин с няней Ариной Родионовной» и вылепил композицию в рельефе на декоративной тарелке «Лукоморье». Под пышной кроной могучего дуба скульп-

птор изобразил Пушкина»¹. Названные Фёдоровой работы скульптора Н.В. Дыдыкина, как и бюст поэта, выполненный этим же автором, хранятся в фондах заповедника.

Оригинальной является работа скульптора Вячеслава Клокова (1928–2007) – поясной портрет А.С. Пушкина, выполненный из дерева. Скульптуры этого художника украшают площади многих городов нашей страны, представлены в Государственной Третьяковской галерее.

Крупнейшим специалистом в области создания конных монументов был советский скульптор, член Союза художников, анималист, Анатолий Иванович Посядо (1908–1987). Пушкинский Заповедник в 1980-х годах приобрёл две работы этого художника. Одна из них – бронзовая скульптура под названием «Пушкин верхом» – сейчас экспонируется на выставке «История моего дома есть история моего Отечества» в усадьбе Петровское, вторая – «Пушкин на прогулке» – хранится в фондах заповедника.

В 1986 году в фонд музея были приобретены два барельефных изображения Пушкина, выполненные московским скульптором Натальей Георгиевной Мотовиловой. Она – представитель династии русских скульпторов, дочь Георгия Ивановича Мотовилова, профессора, лауреата Государственной премии, создавшего в Советском Союзе школу монументально-декоративной скульптуры. Наталья Георгиевна повторила и развила пластические и композиционные идеи отца, выработав в то же время свой неповторимый художественный стиль. Плодотворными были её поиски и в области медальерного искусства. Обе дочери художницы пошли по стопам деда и матери, также работают в жанре монументально-декоративной скульптуры.

Представитель другой художественной династии – Михаил Владимирович Переяславец, профессор, преподаватель факультета скульптуры Московской государственной академии художеств имени В.И. Сурикова, народный художник России, академик, действительный член Президиума Российской Академии художеств. В фондах музея хранится его произведение – бюст правнука А.С. Пушкина Григория Григорьевича.

Скульптор Василий Павлович Астапов родился в городе Грозном в 1918 году, воевал на фронтах Великой Отечественной, был награждён

---

¹ Фёдорова Н. Даль времён – рукам послушна. СПб., 2008. С. 49–50.

орденами и медалями. После войны получил возможность заняться искусством, которым увлекался с юных лет, – станковой скульптурой. Работая в Ленинграде, Астапов был принят в члены Петровской Академии наук и искусств, в члены Союза художников России, удостоен звания заслуженного художника России. Его главной темой стал портрет. Пример скульптурного портрета, выполненного В.П. Астаповым, – мраморный бюст С.С. Гейченко, хранящийся в фондах Пушкинского Заповедника.

Пополнение коллекции скульптуры продолжается. Например, в 2009 году, к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, Пушкинский Заповедник приобрёл коллекцию его скульптурных изображений. Автор работ – екатеринбургский скульптор, график, член Союза художников России Николай Петрович Предеин. Две скульптуры автор передал музею в дар.

Незадолго до этого у вдовы скульптора Василия Васильевича Гущина был выкуплен барельеф А.С. Пушкина, выполненный в технике «выколотка на меди». Гущин – наш земляк, родился он в Великих Луках в 1929 году, позже жил и работал в Ленинграде, был принят в члены Союза художников России. Ведущий жанр в его творчестве – портрет, работы скульптора находятся во многих музеях и художественных галереях нашей страны.

Скульптура в коллекции Пушкинского Заповедника разнообразна и по материалам, из которых она изготовлена (медь, бронза, гипс, глина, мрамор), и по размерам – от небольших статуэток до монумента работы Белашовой у Святогорского монастыря, а также по исторической и музейной значимости, по художественной ценности.

Дарья Плотникова

МИХАЙЛОВСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА (Графика 1930-х годов)

В фондах музея сложилась значительная коллекция видов Пушкинского Заповедника. Особое место среди них занимает оригинальная и печатная графика довоенного времени. Это уникальные материалы по иконографии пушкинских мест.

1930-е годы в жизни Пушкинского Заповедника – особое время. Это годы реконструкции и связанной с ней борьбы идеологии и науки; это время формирования музейной экспозиции; наконец, это время рождения музейной мифологии. 30-е годы прошли под знаком подготовки пушкинского юбилея. В декабре 1935 года в связи с грядущим столетием со дня смерти А.С. Пушкина был образован Всесоюзный пушкинский комитет. Ему было поручено разработать мероприятия «по увековечению памяти поэта. Основное в этой работе – реставрация мест, связанных с пребыванием в них Пушкина, их культурное благоустройство, реорганизация старых музеев и создание новых, сооружение памятников, установление мемориальных досок и др.»¹.

Изобразительная пушкиниана того времени развивалась в трёх основных направлениях: портреты поэта, иллюстрации к его произведениям и виды пушкинских мест. Материалы Временников Пушкинской комиссии дают представление о художественной жизни заповедника. Так, М.Д. Беляев в статье «Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве» отмечал: «Наибольшее количество пейзажей относится к Михайловскому и Тригорскому»².

В 1935–1936 годах заповедник посетили многие художники. Их имена находим на страницах изданий. Позднее, словно объясняя цель их приездов, Константин Георгиевич Паустовский 11 июля 1937 оставит запись в «Книге посетителей» (сейчас она хранится в Научном архиве Пушкинского Заповедника): «Михайловские рощи, холмы и парки – весь комплекс здешней мягкой и по-северному немного печальной при-

¹ *Александров А.* Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 3. М.; Л., 1937. С. 497.

² *Беляев М.Д.* Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 510.

роды – полны громадной лирической силы, и в этом, в значительной мере, лежит разгадка прелести пушкинских стихов, написанных здесь. Сейчас от Пушкина здесь осталось самое дорогое – не дома и ограды, мосты и беседки – а природа, только природа»¹.

В статье А. Александрова «Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР» находим имена художников, связанных с историей Пушкинского Заповедника: «В 1935 году и летом 1936 г. группа ленинградских художников-графиков работала в пушкинских местах б. Псковской губернии со специальной целью – показать в своём творчестве сохранившиеся «уголки Пушкина». Л.С. Хижинский, Н.Э. Радлов, Н.К. Шведе-Радлова, Шибанов, Т.М. Правосудович, А.В. Каплун, а из москвичей – П.Г. Пастухов сделали большое количество зарисовок, акварелей, гравюр, пейзажей маслом и пастелью»².

Многие из созданных в тот период работ находятся в собрании музея. Представим краткий обзор этой части коллекции видов пушкинских мест, выполненных в 1930-е годы (более 70 графических листов).

В 1934 году заповедник посетила Елизавета Сергеевна Кругликова (1865, Петербург – 1941, Ленинград), мастер гравюры и силуэта, автор живописных и графических портретов, пейзажей, жанровых сцен. Этот год был для художницы юбилейным: в апреле исполнилось 40 лет творческой и 25 лет педагогической деятельности. Созданный ею серия работ, посвящённых пушкинским местам, получила неоднозначные оценки. Так, М.Д. Беляев писал: «Е.С. Кругликова сделала сухой иглой несколько недурных видов Михайловского («Савкина Горка», «Поле со снопами» и др.). Но и у неё пейзажи – одно, а Пушкин – другое»³.

Два офорта поступили в фонды музея в 1966 году. Это дар Елены Ивановны Смирновой, кандидата искусствоведческих наук, бывшего старшего научного сотрудника Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Камерные листы – «Савкина Горка» (110x175 мм; ПЗ-КП-1607) и «Деревня Косохново» (85x180 мм; ПЗ-КП-1606) – решены удивительно живописно. Обе работы отличает интерес к переходным состояниям природы: пасмурное или предгрозовое небо и связанная с ним игра света и тени. Виды подписаны рукою художницы. Так, на одном из листов под изображением слева значится: «д. Косохново. Пушкин. р-н. Псков. губ.». Надпись синими чернилами

¹ Научный архив Пушкинского Заповедника (далее в сборнике – НА ПЗ). Д. 159, л. 13. Книга для записи впечатлений Дома-музея в Михайловском. 1937.

² Александров А. Подготовка и проведение... С. 509.

³ Беляев М.Д. Отражение юбилея Пушкина... С. 512.

на обороте исполнена рукой С.С. Гейченко: «В доме (налево) жил худ Кончаловский / В доме, который в центре изображения, жила Кругликова». Таким образом, можно говорить о том, что в заповедник в том же году приезжал и Пётр Петрович Кончаловский. Интересно, что в 1936-м (можно предположить, после посещения Михайловского) художник переработал картину «Пушкин» (1932).

Вместе с офортами Кругликовой в фонд музея поступили акварельные работы Николая Эрнестовича Радлова (1889–1942), художника-графика, иллюстратора, карикатуриста, художественного критика. Он редко работал маслом, отдавая предпочтение книжной и сатирической графике. Радлов был одним из известнейших карикатуристов страны, сотрудничал в юмористических и детских журналах Москвы и Ленинграда («Бегемот», «Смехач», «Ёж», «Чиж», «Крокодил», «Литературный Ленинград», «Красная газета», «Мухомор», «Дрезина»). Учился в Петербургской Академии художеств у Е. Лансере, Я. Циоглинского, Д. Кардовского. В 1921 году Радлов начал преподавать рисование в Академии художеств и в качестве профессора проработал там с перерывами до 1937 года – до своего переезда в Москву. Параллельно он был председателем правления в Ленинградском союзе советских художников. Известно, что в 1930-е годы художник в основном занимался иллюстрацией. Лето 1936-го он провёл в Тригорском. Напоминание об этом – три акварели, находящиеся в собрании музея: «Деревня Воронич» (290x380 мм; ПЗ-КП-1605), «Тригорское. Пруд» (280x400 мм; ПЗ-КП-1604) и «Вид на Тригорское со стороны деревни Воронич» (290x400 мм; ПЗ-КП-102).

Вместе с Радловым в заповедник приехала его вторая жена, художница Надежда Константиновна Радлова (Шведе-Радлова; 1894–1944). Она была ученицей Е. Лансере и М. Добужинского в «Новой художественной мастерской», окончила Петербургскую Академию художеств (1923), где со своим будущим мужем училась у Д. Кардовского. Входила в группу «16» и «Общество живописцев». В 1930-е годы создала серию картин о жизни Пушкина. Её имя часто упоминается на страницах Временников. «Одним из самых значительных юбилейных мероприятий оказался пушкинский конкурс Ленинградского союза советских художников. На конкурс было представлено 208 работ различных жанров (графика, живопись, скульптура). Хотя жюри конкурса не присудило никому первой премии, всё же ряд представленных работ удостоились высокой оценки. Вторые премии присуждены художникам В. Фёдорову («Похороны Пушкина»), В. Горбову («Дуэль») и И. Павлову (офорт «Пушкин

в книжной лавке Смирдина»). Третьи премии присуждены художникам Шведе-Радловой и В.А. Звереву за портреты Пушкина и скульптору Н.Я. Данько за фарфоровую статуэтку «Пушкин на диване»¹. Работ Шведе-Радловой сейчас в фонде музея нет, но они были представлены в довоенной экспозиции.

«Много работали в этих местах художники А. Каплун, Т. Правосудович, М. Орлова-Мочалова, автолитографии которых охватывают едва ли не все Пушкинские места б. Псковской губернии. Наиболее удачными среди них являются, на наш взгляд, работы А. Каплуна, которые мы склонны поставить среди просмотренных нами работ подобного рода на второе место после работ Шиллинговского», – читаем у М. Беляева². Адриан Владимирович Каплун (1887–1974) – график, живописец и педагог. С 1910 года он – участник выставок, член и экспонент объединений «Мир искусства» и «Четыре искусства». С 1922 года Каплун жил и работал в Ленинграде. Занимался рисунком, монотипией, литографией, офортом, ксилографией, линогравюрой. Писал пейзажи маслом и акварелью. Каплун связан с художественными традициями ленинградской школы графики, художников круга «Мир искусства». Его работы отличаются любовью к пластической форме, к конструкции, красота цвета и фактуры, сдержанность в выражении чувств. По впечатлениям от творческих поездок художника выпущены альбомы автолитографий: «Грузия», «Крым», «Бухара» (1920–1930-е годы). Каплун оформлял и иллюстрировал книги для издательств «Прибой», «Книга», «Жирья», «Начатки знаний», Литиздат, «Мысль», для Государственного издательства художественной литературы. В 1926–1937 годах он был художественным редактором ИЗО-ГИЗа. Для этого издательства и был подготовлен альбом с видами Пушкинского Заповедника. В серию вошло 28 листов. «Внимательно изучив биографию поэта, Каплун дал зарисовки дер. Бугрово, Подборье, Савкино, Вороничи, места в монастыре, где стоял гроб Пушкина, и мн. др.»³. Сложно назвать «пушкинский уголок», который не нашёл бы воплощения в литографиях художника. Его работы – это своеобразный путеводитель по заповеднику 1930-х. Особую ценность представляют два листа с изображением «Домика няни» (ПЗ-КП-68, ПЗ-КП-2119), единственной мемориальной постройки, существовавшей до 40-х годов XX века.

Серия гравюр «Пушкинские места» Леонида Семёновича Хижинского (1896–1972), выполненная в середине тридцатых годов, стала

¹ Александров А. Подготовка и проведение... С. 509.

² Беляев М.Д. Отражение юбилея Пушкина... С. 512.

³ Александров А. Подготовка и проведение... С. 509.

наиболее известной среди лучших работ художника. «В Ленинградском Доме кино открылась выставка произведений одного из талантливейших ленинградских графиков – Л.С. Хижинского. Последние два года художник отдал исключительно пушкинским местам, где он проводит много времени. Им уже закончены две большие серии, составляющие ядро выставки. 15 гравюр вошли в книгу «Пушкинские места», выпущенную Ленгослитиздатом под редакцией Д.П. Якубовича. 20 акварелей на ту же тему составили альбом Ленизогиза»¹.

Автор книги «Пушкинские места» Дмитрий Петрович Якубович определил значение графических листов, выполненных Хижинским, так: «Гравюры впервые стремятся отразить с исчерпывающей полнотою современное состояние Пушкинских мест, преимущественно пейзажей, существенно не изменившихся за истекшее столетие (Аллея Керн, Еловая аллея, Дуб в Тригорском, Тригорское над Соротью, Надгробный памятник Пушкина и др.)»². Работал Хижинский преимущественно в технике ксилографии, 16 его гравюр хранятся в фондах музея. Владимир Андреевич Фаворский в письме к Леониду Семёновичу Хижинскому назвал его гравёрное творчество «изящным и тонким искусством». Андрей Дмитриевич Чегодаев, известный российский искусствовед, в очерке о творчестве художника писал об этих работах: «Эти полные света, воздуха, простора, подлинно поэтические пейзажи Михайловского и Тригорского сделаны на прочнейшей основе не только точного наблюдения и знания неповторимых примет места, времени года, состояния неба и земли, но и на основе глубочайшей любви к Пушкину, глазами которого художник старался увидеть этот дорогой поэту мир. Поэтому живое чувство прекрасной среднерусской природы не подчиняется здесь строго соблюденной топографической точности, а преобразует, казалось бы, просто иллюстративно-документальные виды пушкинских мест в глубокое и сильное постижение и истолкование не одной лишь красоты русской природы, но и всей пушкинской лирики. Эти гравюры явились достойным сопровождением антологии лирических стихотворений Пушкина, написанных им во время ссылки в Михайловском. Вся серия «Пушкинские места» – очень ровного высокого уровня, но, быть может, её самыми прекрасными листами можно назвать «Михайловское, два озера» и «Тригорское, парк над Соротью» – с любимой скамейкой Пушкина над высоким берегом реки. В этих гравюрах достигнуто, как мне кажется, наибольшее слияние глубокого лирического чувства с ма-

¹ Александров А. Подготовка и проведение... С. 509.

² Якубович Д.П. Пушкинские места. Л., 1936. С. 156.

стерским построением пронизанного живым дыханием и погружённого в сияющую светоносную среду пространства»¹.

«С целой большой серией акварелей выступил художник Л.С. Хижинский, издав их затем особым альбомом», – читаем в обзорной статье М. Беляева². Альбом «Пушкинский заповедник» (Л.: Огиз-изогиз) вышел в 1937 году. В него вошли 20 работ. Три акварельных рисунка с видами Святогорского монастыря, могилы поэта и уголка Тригорского парка хранятся в собрании Пушкинского Заповедника. Они поступили в фонды в 1950 году. Об этих акварельных работах читаем у М. Беляева: «Хижинский чувствует пушкинский пейзаж и умеет передать его. Если краскам его несколько и недостаёт той прозрачности, которая так пленительна в акварели, то всё же общая гамма их приятна»³.

В 2008 году от племянницы художницы Татьяны Михайловны Правосудович в музей поступили литографии с видами Пушкинского Заповедника послевоенных лет (1940-е годы), а также серия иллюстраций к поэме А.С. Пушкина «Домик в Коломне». Но Правосудович побывала в пушкинских местах ещё в 1930-е. Людмила Николаевна Назарова, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кандидат филологических наук, вспоминала: «В деревне Вороницы Псковской области, между Михайловским и Тригорским, Пушкинское общество приобрело дом и устроило в нём экскурсионно-туристическую базу, которой летом 1936 г. заведовала я... <...> Экскурсионная туристическая база взяла культурное шефство над колхозом им. Пушкина. <...> Выпущен был номер стенной газеты, посвящённый окончанию уборки и 112-й годовщине со дня ссылки Пушкина в Михайловское. Заметки и статьи десяти колхозников оформили художницы М.Н. Орлова-Мочалова и Т.М. Правосудович, члены Общества, находившиеся тогда на экскурсионной базе»⁴.

Листы, исполненные в то лето, после экспонировались на пушкинской выставке 1937 года в Казани. Среди них литографии: «Домик няни», «Вид на Тригорский парк», «Липовая аллея в Тригорском», «Могила Пушкина». В собрании музея есть недатированная работа. Это «Кладбище в деревне Вороницы»: каменная ограда кладбища с деревянной калиткой,

---

¹ Чегодаев А.Д. О творчестве Хижинского. 1973 // Чегодаев А.Д. Страницы истории советской живописи и графики. М., 1984. С. 347–348.

² Беляев М.Д. Отражение юбилея Пушкина... С. 511.

³ Там же.

⁴ Назарова Л.Н. Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С. 219–220.

за ней – густая купа деревьев, справа вдали извивы Сороти и луга. Побуревший лист в паспорту значительно превосходит по размеру работы 1940-х. Есть основания полагать, что исполнен он в 1936 году.

Вместе с Правосудович летом 1936-го в пушкинские места приехала и Мария Николаевна Орлова-Мочалова (1898–1958). В 1923 году она окончила мастерскую Павла Александровича Шиллинговского (1881–1942). Её учитель вместе с архитектором Некрасовым летом 1923 года исполнил серию карандашных зарисовок «Пушкинские места»: пейзажи Михайловского, Тригорского и Пушкинских Гор. В 1924 году художник вновь обратился к этой теме и повторил рисунки «Пушкинских мест» в литографиях. В собрании есть две литографии этого года. В 1936–1937 годах к столетнему юбилею гибели поэта Шиллинговский вновь повторил их в той же технике. Мария Николаевна обратилась к пушкинской теме в 1930 году. Совместно с В.М. Конашевичем, С.М. Мочаловым и Н.К. Фан-дер-Флит она создала очень удачные иллюстрации к «Сказкам Пушкина» (книга вышла в серии «Дешёвая библиотека классиков»). Позже, в 1948 и 1950 годах, она вновь обратилась к сказкам поэта («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о царе Салтане»). В технике ксилографии Орлова-Мочалова исполнила иллюстрации к книге В. Широкого «Пушкин в Михайловском».

Два графических листа Марии Орловой-Мочаловой 1936 года, изображающие уголки Тригорского парка – «Дуб в Тригорском парке» (автолитография, 320x290 мм; ПЗ-КП-468) и «Парк в Тригорском» (автолитография, 450x410 мм; ПЗ-КП-469), – находятся в собрании музея. В этих пейзажах всё овеяно тонкой лиричностью, погружает в созерцательное состояние.

В 1949 году вышла книга П.Г. Пастухова «На берегах Сороти. Заметки о пушкинских местах»¹. Павел Георгиевич Пастухов (1889–1960) – график. Входил в Киевский союз художников (1915–1918). Сотрудничал с издательством «Academia», которое в 1930-е годы занимало ведущее место среди издательств, выпускавших художественную и мемуарную литературу, а также книги по изобразительному искусству.

«Заметки» П.Г. Пастухова – рассказ о жизни и творчестве Пушкина в Михайловском, а также путевые наблюдения художника. Издание украсили 13 работ. Это натурные зарисовки, исполненные графитным карандашом: виды Тригорского, Михайловского и могилы поэта. В собрании музея хранится десять графических работ Пастухова, большая часть которых в альбом не вошла. Один из листов – «Сосна над Соро-

¹ Пастухов П. На берегах Сороти. Заметки о пушкинских местах. М., 1949.

тью» (400x320 мм; ПЗ-КП-22) – был представлен в экспозиции музея до войны. Единственная акварель – «Домик няни» (410x300 мм; ПЗ-КП-1546) – изображает вид на крыльцо флигеля из светёлки. Иконография её сходна с аналогичной работой Л.С. Хижинского.

Итогом творческой поездки художников стала выставка. «Временник Пушкинской комиссии» сообщал: «...29 и 30 августа 1935 г. впервые в районе (тогда – Пушкинском, сейчас Пушкиногорском. – *Прим. ред.*) открыта была выставка работ на пушкинские темы ленинградских и московских художников, написанных ими в заповеднике в течение лета (Н.Э. Радлов, Н.К. Шведе-Радлова, Л.С. Хижинский и др.). В 1936 г. для музея-заповедника приобретён и заказан ряд картин: «Смеющийся Пушкин» и «Пушкин и Керн в Михайловском», Н.К. Шведе-Радловой; «Могила Пушкина», А.А. Осьмёркина; несколько акварелей Л.С. Хижинского и др.»¹. Часть этих работ вместе с работами Пастухова, Каплуна впоследствии была включена в экспозицию Дома-музея в Михайловском.

Вероятно, одновременно с этими художниками, в августе 1936 года, Михайловское и Тригорское посетила ленинградская художница Нина Васильевна Кузнецова. Её карандашные зарисовки представляют несомненный интерес. О творческом пути художницы ничего не известно. В августе 1936 года она посетила заповедные места. В 1958-м передала в дар живописную работу 1949 года «Тригорское. Место, где была банька Осиповых» (холст, масло, 31,8x40,5; ПЗ-КП-719/Ж-51) и три работы графических: «Погост Вороницы» (210x280; 250x345 мм; ПЗ-КП-720), «Деревня Вороница» (185x280; 244x418 мм; ПЗ-КП-722) и «Восстановление дома Пушкина по проекту арх. К.К. Романова» (200x280 мм; ПЗ-КП-721). Это листы из альбома, наклеенные на картон. Все работы имеют точные даты их исполнения.

Один из ценнейших листов изображает восстановление Дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском. На нём запечатлён вид со стороны Сороти на фундамент Дома-музея, на который наложены первые венцы сруба. За ними видны крыша «Домика няни» и купы деревьев парка. В правом нижнем углу надпись: «Н.К. 14/8-36». Так рисунок приобретает значение документа. Нина Васильевна стала свидетелем начала восстановления дома поэта. Следует отметить, что проект Константина Константиновича Романова не был осуществлён в полном объёме. «Стремление Романова опереться на иконографию пушкинского времени

¹ *Калаушин М.М.* Пушкинские места // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. М.; Л., 1936. С. 392.

встретило сопротивление Е.Ф. Розмирович, секретаря Пушкинского комитета по подготовке программы к столетию со дня гибели поэта. <...> Проект был признан идеологически вредным. Специальная комиссия во главе с наркомом просвещения А.С. Бубновым прибыла в заповедник 18 октября 1936 г. Новый проект, отвечавший идеологии политического момента, был утверждён 2 января 1937 г.»¹.

Необычайно интересен рисунок «Деревня Воронич». Это вид с вала городища на улицу, проходящую на юг от Воскресенской церкви. На переднем плане – поле, изрезанное тропинками; в центре – сама улица, ближе к правому краю – купол церкви, утопающей в зелени. На заднем плане – Сороть, на противоположном её берегу, за полями – деревни.

Ценность данного листа – в изображении Воскресенской церкви. В отличие от Георгиевской церкви на городище Воронич, фотографии Воскресенской церкви в Пушкинском Заповеднике нет. Первые упоминания об этой приходской церкви села Михайловского относятся к XVI веку. В последний раз церковь возобновили на старом фундаменте в 1789 году. Она была деревянной, в один престол; колокольня в одной связи с храмом. Церковь содержалась на средства прихожан, в числе которых в разные периоды состояли местные помещики, владельцы Петровского, Михайловского и Дериглазова: Ганнибалы, Пушкины, Шелгуновы, Княжевичи. «Отделка храма с течением времени претерпевала, как обычно, некоторые изменения в деталях, в целом оставаясь, по-видимому, относительно простой. Хотя судить об архитектурном облике довольно сложно. Последнее известное описание церкви относится к 1910 году: «...Воскресенская церковь – деревянная, на каменном фундаменте, снаружи обита тёсом и покрашена масляной краскою, внутри оштукатурена; покрыта железом, окрашенным зелёной масляной краскою. Длина церкви, считая и колокольню, 11 саж., наибольшая ширина – 4 саж., высота до верха карниза 2 ½ саж.; на церкви имеется одна большая глава и одна малая (над алтарём); Колокольня в 1 ярус, общей высотой до верха карниза 6 саж. Ближайшая к церкви чужая малая постройка пономарской вдовы Акулины Скоропостижной находится с западной стороны на расстоянии 13 саж.»². Таким образом, на рисунке изображена колокольня, являющаяся высотной доминантой деревни Воронич. Церковь была разрушена в годы Великой Отечественной войны. На данный момент рисунок Н.В. Кузнецовой – единственное её изображение.

---

¹ *Христофорова Е.В.* Романов Константин Константинович // Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: В 3-х т. Т. 1. Михайловское ; М., 2003. С. 380–381.

² Там же.

Евгения Макарова

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ НУМИЗМАТИКИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Коллекция предметов нумизматики в Пушкинском Заповеднике начала формироваться в 1945–1946 годах, в период восстановления музея, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны. Первыми поступлениями в коллекцию были монеты, найденные при проведении строительно-восстановительных работ на объектах музея, например, при раскопках фундамента Успенского собора Святогорского монастыря и при реставрации Домика няни в Михайловском. В дальнейшем пополнение коллекции происходило в основном за счёт даров и закупок у частных лиц: у сотрудников Пушкинского Заповедника, жителей окрестных сёл и деревень, а также у гостей Заповедника, приезжавших в музей со всех концов страны. Часть коллекции (около 20 единиц хранения) поступила в фонд от директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко. Несколько предметов были переданы из других музеев (Государственного Литературного музея, Государственного Исторического музея, других) по приказам Министерства культуры. Кроме того, несколько предметов являются дарами братских литературных музеев и пушкинских обществ: Музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке, 12 (Санкт-Петербург, на момент дарения – Ленинград), музея-заповедника в Болдино Нижегородской области, музея А.С. Грибоедова (село Хмелита, Смоленская область), Литературного музея А.С. Пушкина (Вильнюс, Литва), Пушкинского Дома Академии наук и других организаций и учреждений. В настоящее время коллекция нумизматики Пушкинского Заповедника активно пополняется новыми предметами из разных источников.

В соответствии с концепцией комплектования музейных фондов Пушкинского Заповедника все предметы, входящие в собрание музея, в той или иной степени имеют отношение к А.С. Пушкину, ко времени его жизни, к ближайшему окружению поэта, к периоду пребывания А.С. Пушкина в Михайловском и так далее; также в собрание входят предметы, иллюстрирующие историю Пушкинского Заповедника.

Если проанализировать состав коллекции нумизматики, то можно проследить те же общие принципы. В коллекцию включены предметы, найденные на территории музея-заповедника и хронологически соот-

ветствующие пушкинской эпохе, а также предметы с изображениями самого А.С. Пушкина или с изображениями мест и памятников, связанных с поэтом, а также некоторые образцы сувенирной продукции, выпущенной Пушкинским Заповедником в последние годы (медальоны и медали). Кроме того, здесь есть несколько изготовленных в 1970-е годы для экспозиции музея-усадьбы «Петровское» муляжей и гипсовых слепков с оригинальных медалей XVIII века, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

Несмотря на общее название коллекции – «Нумизматика», исторически сложилось так, что в состав коллекции входят также и предметы бонистики, предметы медальерного искусства, сфрагистики и фалеристики:

- 45 монет, самые ранние из которых датированы XVII веком (в том числе три монеты-чешуйки времён царя Михаила Фёдоровича), а самые поздние – юбилейные монеты конца XX века (например, юбилейные монеты к 200-летию со дня рождения А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина);

- 81 предмет медальерного искусства;

- 2 бумажных ассигнации 1819 года;

- 39 предметов сфрагистики, как старинной (XIV – начала XX века), так и современной – в эту часть коллекции входят две старые, погашенные печати Пушкинского Заповедника 1950-х годов и современные, не действующие в связи с изменением наименования музея, печати музея-заповедника;

- 75 нагрудных сувенирных значков разных лет, в основном пушкинской тематики (изображения А.С. Пушкина и мест, связанных с именем поэта, сюжеты из сказок А.С. Пушкина);

- 21 награда СССР (ордена и медали), сюда же включён орден Трудового Красного Знамени, которым музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» был награждён в год празднования 50-летия со дня образования (1972); кроме того, имеется и современная общественная награда – орден Ломоносова, которым музей был награждён в 2007 году;

- 7 муляжей медалей и гипсовых слепков с медалей.

Отметим также достаточно широкие хронологические рамки коллекции – от предметов XIV–XVII века (медные перстни-печатки, найденные на территории Пушкинского Заповедника, поступившие в фонд в 2009 году; серебряные монеты-чешуйки времён царя Михаила Фёдо-

ровича) до современных произведений медальерного искусства (памятные нагрудный знак и настольная медаль 2006 года выпуска – в память издания первого номера журнала «Современник»; медаль в честь 250-летия со дня рождения няни А.С. Пушкина Арины Родионовны 2008 года выпуска). Особенно хотелось бы отметить, что вышеупомянутые знак и медаль «В память 170-летия издания первого номера журнала «Современник», выпущенные Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям ограниченным тиражом, переданы в фонд руководителем этой организации М.В. Сеславинским, а медаль «Няне А.С. Пушкина» поступила в дар от филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Общая численность коллекции предметов нумизматики Пушкинского Заповедника в настоящее время составляет около 300 предметов.

МЕМОРИИ В ЭКСПОЗИЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ

Основой каждого музея являются мемориальные вещи, то есть мемории, от латинского «memoria», что означает «память». В нашем случае мемория – это вещь, хранящая память об А.С. Пушкине.

История мемориальных вещей очень сложна, часто она овеяна легендами. Кроме того, информация о мемориальной вещи часто носит противоречивый характер.

Собирать пушкинские реликвии начали ещё при жизни поэта. Друзья и современники Пушкина внесли в этот процесс элемент музейного бережного отношения к мемориям. Их потомки переняли эту бережность, сохраняя бесценные предметы, связанные с памятью о поэте. Первый музейный фонд Пушкинского уголка возник в 1899 году в избечитальне при Святогорском монастыре. Там было собрано несколько десятков предметов, подаренных первыми посетителями. Там же хранилась первая книга впечатлений с записями, которые сделали сын поэта Григорий Александрович Пушкин, его жена, племянник Лев Павлищев, потомки деревенских знакомых...

1910–1911 годы – время создания музея в Михайловском. Кроме вещей, находящихся в экспозиции Дома поэта, в домике на усадьбе было создано хранилище, где стали накапливаться вещи пушкинской поры, однако во время пожара в 1918 году они погибли.

В 1920-е годы собирать музейные ценности начали снова. Музейный фонд заповедника был создан в Ленинграде, в Пушкинском Доме Академии наук. В эти годы благодаря Б.Л. Модзалевскому, М.Л. Гофману, другим пушкинистам, благодаря потомкам друзей Пушкина – потомкам Осиповых, Вульфов и Вревских – удалось сохранить многие раритеты и обогатить музейное собрание.

В 1941 году началась Великая Отечественная война, фашистские войска пришли на Псковщину, и большинство музейных предметов погибли или пропали без вести.

В статье Е.В. Шпинёвой «Судьба музейных ценностей», опубликованной в первом выпуске «Михайловской пушкинианы», упоминается, что в архиве Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» хранится документ, напоминающий о трёхлетней фашист-

ской оккупации. Это «Опись музейного имущества», выполненная в феврале 1943 года Кузьмой Васильевичем Афанасьевым, бывшим лесоводом заповедника. Документ был составлен по требованию коменданта Пушкиногорской военной комендатуры Трайбхольца для подготовки к эвакуации в Германию музейного имущества Пушкинского Заповедника.

«Опись...» представляет собой простую ученическую тетрадь в серой картонной обложке. Сегодня это единственный документ, который даёт полное представление о ценностях довоенного музея, открытого 10 февраля 1937 года. Судя по «Описи...», экспозиция музея в основном была посвящена жизни и творчеству Пушкина в Михайловском, но, кроме этого, включала в себя и Царское Село, и Крым, и Кавказ, и Петербург. В конце, на обложке рукою К.В. Афанасьева сделана запись карандашом: «Отъезд отложен». Действительно, «Опись...» составлена в феврале, а вывоз вещей в Германию состоялся только осенью 1943 года.

В названной «Описи...» автор указал только то имущество, которое находилось в экспозиции Дома-музея. В ней не учтены архивные документы, библиотечные книги, предметы графики, живописи и фотографии, хранившиеся в музейном фонде. В январе 1946 года часть возвращённых из плена музейных вещей поступила в Пушкинский Дом Академии наук СССР, а оттуда в Михайловское.

Огромная заслуга в формировании фонда мемориальных предметов принадлежит С.С. Гейченко. Он же первым начал представлять истории мемориальных вещей в виде литературных рассказов, делая их доступными для широкого круга читателей.

Поиск мемориальных вещей, реликвий пушкинской поры ведётся постоянно. Не много вещей из пушкинского обихода сохранилось до наших дней. Поэтому особенно дороги для нас вещи даже друзей и знакомых Пушкина.

Работая в Михайловском, пытаюсь систематизировать уже накопленную информацию и отыскать новые факты, описания, легенды, связанные с историей мемориальных вещей, мы столкнулись с рядом проблем. Многие из них были разрешены благодаря профессионализму работников отдела фондов, однако на часть из вставших перед нами вопросов ответов у нас так пока и нет.

При описании истории той или иной мемории нам приходилось преодолевать трудности, не знакомые столичным музейщикам. Судьбе было угодно распорядиться так, что почти все мемории из Михайлов-

ского оказались в частных собраниях, в музеях Москвы и Петербурга. Удалённость от столичных городов в значительной степени усложняла работу. Пока не удалось в полном объёме ознакомиться с документами Пушкинского Заповедника. Помогли газетные публикации 1970–1980-х годов: в этот период в прессе часто давали информацию о новых поступлениях в фонды Пушкинского Заповедника. Это статьи Е.В. Шпинёвой, В.Я. Шпинёва, И.Ю. Парчевской, О.Н. Сандалюк, Т.С. Гейченко, С.С. Гейченко и других сотрудников Пушкинского Заповедника.

В музее-усадьбе «Михайловское» насчитывается около тридцати мемориальных предметов, девять из них происходят из частных коллекций их владельцев. Так, например, акварель О.С. Пушкиной-Павлицевой «Две собаки» поступила от Е.Ф. Богдановой в 1975 году. В каталоге выставки, выпущенном к 100-летию со дня рождения С.С. Гейченко, авторы указывают, что акварель «Две собаки» поступила от Евгении Фёдоровны Овсянниковой. Это разночтение объясняется тем, что при передаче акварели «Две собаки» в фонды Пушкинского Заповедника Евгения Фёдоровна решила взять фамилию мужа, Леонида Сергеевича Богданова.

Из Государственного литературного музея в Михайловское поступили мемории первостепенной важности:

1. Икона «Троица Новозаветная». На обороте иконы сверху справа надпись чернилами: «1843 года октября 14 дня. Дано благословение на брак сыну Льву Сергеевичу Пушкину с девицей Елизаветой Александровной Загряжской Сергеем Львовичем Пушкиным». Поступила из ГЛМ в 1965 году.

2. Чашка кофейная с блюдцем С.Л. Пушкина (?), 1840-е годы, Россия. Фабрика Якова Храпунова-Нового была основана в 1850-х годах в Бронницком уезде Московской губернии. Первоначально фабрика принадлежала его супруге Авдотье Новой. Из ГЛМ кофейная чашка пришла с легендой о датировке, согласно которой могла принадлежать вероятнее всего брату поэта – Льву Сергеевичу.

3. Подсвечник серебряный А.С. Пушкина, 1831 год. Поступление 1973 года. Эта мемория была приобретена директором Государственного литературного музея Бонч-Бруевичем 10 февраля 1936 года от лекционера Н.П. Олферьева.

Мы были бы очень признательны, если бы нам удалось узнать более подробную информацию о последних владельцах этих бесценных меморий; возможно, существуют легенды, сопровождающие эти вещи.

Шесть предметов поступили в наш музей из Пушкинского Дома. Не проследживается до конца история такой мемории, как «ручка от кареты из Михайловского». В учётной картотеке имеется запись: «ручка от кареты А.С. Пушкина медная, посеребрённая в виде узкого листка с 4-гранным отверстием в основании». С другой стороны, в акте поступлений от 29 мая 1949 года указана «ручка от кареты из Михайловского» – без указания на принадлежность. Кроме того, хотелось бы уточнить, от кого поступил этот предмет.

Похожая история у «подножной скамеечки А.П. Керн» – именно так мемория зафиксирована в учётной картотеке основного фонда, а в акте поступлений от 29 мая 1949 года – как «подножная скамеечка из Михайловского». Д.Ш. Сот в своей публикации под названием «Скамеечка А.П. Керн» рассказывает, что при поступлении в Пушкинский Дом эта вещь была обозначена как «скамеечка из Михайловского», далее она предлагает искать документ, с которым дарительница, внучка А.П. Керн, А.А. Кульжинская препроводила скамеечку в Пушкинский Дом. Однако документа могло и не быть. Пока мы имеем лишь косвенное доказательство: для потомков Керн всё связанное с памятью о Пушкине и Анне Петровне ассоциировалось с их встречей в Михайловском¹. Кстати, об этом противоречии упоминает и С.С. Гейченко в своих рассказах.

Такие мемории, как «железная трость» поэта и «стол из Тригорского», поступили из Всероссийского музея А.С. Пушкина и находятся в настоящее время на временном хранении. История трости известна, а вот о том, кто был последним владельцем этого стола, каким образом он оказался у владельца и что является доказательством того, что эта вещь именно из Тригорского, хотелось бы узнать.

Четыре предмета поступили к нам из имения Маркучай, последнего места жительства младшего сына поэта Г.А. Пушкина. О владельцах и истории «блюда фаянс первой трети XIX в.» и «бокалов для шампанского первой трети XIX в.» нам также ничего не известно.

Особо хочется остановиться на истории этажерки красного дерева первой половины XIX века. В акте поступлений от 25 сентября 1951 года значится: «книжная стенная полка красного дерева о трёх досках между точёными колонками». В учётной карточке основного фонда дано следующее описание: «Полка книжная, старинная из досок, скреплённых четырьмя точёными стойками по углам». Но бытует название

---

¹ Сот Д. Скамеечка А.П. Керн // Лукоморье: Рижский журнал русской культуры. Рига. 1997. № 2. С. 53–56.

«этажерка сына поэта Г.А. Пушкина», и вопрос о принадлежности вещи остаётся открытым.

Достоверно известно, что незадолго до своей кончины, в 1935 году, Варвара Алексеевна Пушкина, жена сына поэта, обратилась в Полпредство СССР в Литве с предложением приобрести пушкинские реликвии, хранившиеся у неё в Маркучае: две книжные полочки, четыре стула из Михайловского и акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной. К сожалению, эта покупка не состоялась вследствие смерти Варвары Алексеевны. После войны группа работников Пушкинского Заповедника совершила поездку в Вильнюсский Дом-музей А.С. Пушкина. После экскурсии сотрудники заповедника обнаружили на складе обломки книжной полки из красного дерева и установили, что это и есть одна из тех двух книжных полок А.С. Пушкина из Михайловского, о которых говорила Варвара Алексеевна в письме в Советское посольство.

Как уже говорилось, во время фашистской оккупации большинство музейных предметов погибли или пропали без вести, часть из них была вывезена. Несколько меморий удалось вернуть из Германии в первые послевоенные годы. Это:

- 1) кий бильярдный, кленовый;
- 2) бильярдные шары А.С. Пушкина;
- 3) литография П.А. Александрова по рисунку И.С. Иванова 1837 года.

Поэтому по праву можно сказать, что вещи, вернувшиеся из Германии, все без исключения хранят память и о Великой Отечественной войне.

В настоящее время всё ещё возможно появление новых меморий. Доказательством этому служит икона «Воскресение Христа» из семьи Пушкиных. Её подлинность подтверждена экспертными заключениями Пушкинского Дома и Государственного исторического музея.

Икона «Воскресение Христа» (конец XVIII века) поступила в Пушкинский Заповедник в 2000 году. Она написана на доске, в традиции западно-европейской живописи, с изображением Христа, вылетающего из гроба. Вероятно, святыня хранилась у Марии Александровны Пушкиной-Гартунг, умершей в 1919 году. На обороте надпись, выполненная рукой Натальи Николаевны Пушкиной: «Благословила Надежда Пушкина при смерти своей, внуку Марию Пушкину».

Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта, умерла в воскресенье 29 марта 1836 года, в первый день Пасхи – праздника Христова Воскре-

сения. Икона, которой умирающая благословила свою первую внучку Марию, родившуюся 19 мая 1832 года и названную в честь Марии Алексеевны, матери Надежды Осиповны Пушкиной, выбрана не случайно. С праздником Воскресения в жизни матери поэта связаны несколько событий: в церкви Воскресения в селе Суйда Надежда Осиповна венчалась с Сергеем Львовичем Пушкиным; в этой же церкви, скорее всего, Надежда Осиповна была крещена вскоре после рождения; к приходу Воскресенской церкви пригорода Воронич относилось Михайловское, родовое имение Ганнибалов, владелицей которого была Надежда Осиповна.

Каждый год 21 июня, в день рождения Надежды Осиповны, эту икону экспонируют в гостиной Дома-музея А.С. Пушкина. Мы пока не знаем о судьбе этой иконы с 1919 по 1999 год, так как прежний её владелец пожелал остаться неизвестным и ни в каких документах его фамилия не зафиксирована.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что мемориальные вещи играют в музее особую роль. При повествовании их называют в первую очередь, так как именно эти вещи несут на себе основную смысловую нагрузку в экспозиции. Мемории помогают окунуться в эпоху, отражением которой они являются, и, как «свидетели, хранящие тайны», рассказывают нам об образе жизни, привычках и нравах тех, кому они принадлежали. Наша задача состоит в том, чтобы как можно дольше продлить жизнь этих вещей, так как именно мемории служат «мостиком» между сменяющимися друг друга поколениями людей.

Татьяна Гейченко, Елена Шпинёва

КАРТИНЫ ИЗ СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ ТРИГОРСКОЕ

Собрание картин западноевропейской живописи было, видимо, уже у Александра Максимовича Вындомского (1750–1813) – отца доброй знакомой Пушкина Прасковьи Александровны Осиповой. М. Семевский в публикации «Прогулка в Тригорское» (1865–66) пишет об А.М. Вындомском как о человеке весьма образованном, «находившемся в сношении с Новиковым, едва ли даже не масоном...». «Вындомский был прекрасный хозяин, любил читать и весьма хорошо рисовал»¹ – таково свидетельство, что Александр Максимович был отнюдь не чужд художественным интересам. Вместе с тем в России ещё при Петре I сложилась традиция собирательства западных предметов искусства, в частности картин.

Первый материальный след даёт нам опись движимого имущества Тригорского 1881 года (по смерти Алексея Николаевича Вульфа).

В ней упомянуты следующие картины:

«230. 2 ландшафта, писанные масляной краской на дереве, в деревянных рамах.

233. 2 ландшафта, писанных маслом на дереве, в старых позолоченных рамах.

234. 2 морских вида, писанные масляной краской на дереве.

235. Картина, писанная масляной краской на дереве, где изображены крестьяне, складывающие овощи перед избой.

236. 3 картины, писанные масляной краской на холсте, где изображены сельские виды.

237. Крестьянин с кувшином, писанный на дереве масляной краской.

Все последние в золочёных рамах».

Таким образом, упомянуто одиннадцать картин: восемь на дереве, три на холсте, причём девять из одиннадцати в старых позолоченных рамах.

На фото «Гостиная в Тригорском», сделанном в начале XX века и воспроизведённом Гаррис в «Уголке Пушкина»², видим 10 живописных

¹ *Семевский М.* Прогулка в Тригорское. СПб., 2008. С. 57.

² *Гаррис М.* Уголок Пушкина. М.; Л., 1923. С. 79.

работ. Гаррис пишет: «...на третьей стене несколько старых масляных картин фламандской школы».

Здесь обычная путаница: «голландская – фламандская». Картины имеют отношение к голландской школе живописи (к так называемым «малым голландцам»), но об этом позже. Есть и другие фото примерно этого времени. На них картин меньше, и висят они иначе. Некоторые сюжеты едва прочитываются.

В 1935 году от Наталии Павловны Вревской¹ – жены внука Евпраксии Николаевны Вульф-Вревской Михаила Степановича – поступили в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) девять картин «голландской школы XVII в.» и одна раскрашенная гравюра Морланда (с оригинала). Описание всех имеется в Книге поступлений ИРЛИ. Семь картин и гравюра были отправлены в Пушкинский Заповедник², две переданы во Всесоюзный (ныне Всероссийский) музей Пушкина³, где и хранятся.

В книге «Пушкинские Горы. Очерк истории Пушкинского района и экономико-географическое описание района» И. Леонтьева и В. Костенко сказано, что для реорганизуемого музея-заповедника «...приобретён ряд старинных гравюр и копий с жанровых картин фламандских (вновь путаница: голландских – фламандских. – *Авт.*)

---

¹ Оставила подробные воспоминания о жизни тригорских друзей Пушкина.

² Переданы в 1937 году для экспозиции к 100-летию со дня смерти поэта. Значатся в описи ПЗ 1939 года, хранящейся в ИРЛИ. Вот они:

1. Сидящий юноша в шляпе с пером и кувшином в руках. 16,8x19 см. Дерево, масло.

2. Стадо коров в поле. 20x25 см. Дерево, масло.

3. Коровы в поле. 25x20 см. Дерево, масло.

4. Морской берег. 21x31,5 см. Дерево, масло.

5. Женщина и мужчина, разговаривающие перед домом. 40,5x50 см. Холст, масло.

6. Семья крестьянина у своего дома. 40x47,8 см. Холст, масло.

7. У берега моря большое парусное судно и лодка. 21,5x29,5 см. Дерево, масло.

I. Морланд. Молодая женщина и девочка, несущие хворост. Раскраш. грав. 32x35,5 см.

³ Это:

а) Семья крестьянина у дома, за уборкой овощей. 46x60 см. Дерево, масло.

б) У склона холма стадо коров и овец; возле них сидящий на земле мужчина. 50x40,7 см. Холст, масло.

художников, украшавших стены Тригорского дома»¹. Это что касается предвоенной истории.

Со времён Великой Отечественной войны до нас дошёл важнейший документ – так называемая Опись Кузьмы Афанасьева (хранится в фондах музея). Это опись имущества дома-музея Пушкина в селе Михайловском, составленная 3 февраля 1943 года под руководством К.В. Афанасьева, управляющего заповедником в период гитлеровской оккупации. Вещи отправляли в Германию. В списке значатся только пять картин из семи (или восьми, считая Морланда). Назовём их (первая цифра – порядковый номер, вторая – инвентарный):

178. 285. Картина крестьянский двор, голл. жив., масло – 100 р.

179. 286. Картина крестьянский двор, голл. жив., масло – 100 р.

181. 287. Море – 50 р.

180. 288. Сельский пейзаж – 50 р.

182. 290. Сельский пейзаж, коровы, голланд. живопись, масло – 100 р.

Объяснение находим в Акте Чрезвычайной комиссии: «Представитель немецкой военной комендатуры оберфельдфебель Фосфинкель неоднократно приезжал в музей и увозил из него всё, что ему нравилось – картины, мебель, книги». Видимо, таким образом ушли две картины, судя по описаниям в КП ИРЛИ – один из морских видов и сидящий юноша с кувшином в руках, а также гравюра с оригинала Морланда.

В музей после Великой Отечественной войны вернулась только одна картина. Это «Сельский пейзаж» («Пейзаж с белой лошастью»). Описание её в КП ИРЛИ: «Направо женщина и мужчина, разговаривающие перед домом, две лошади у ясель, второй дом; налево – сидящий на земле мужчина и собака; в глубине – холмы». В описи Кузьмы Афанасьева она значится под инвентарным номером 286. Картина была сильно повреждена, имелись разрывы, красочный слой осыпался. Реставрировал картину в 1948 году Владимир Бреннерт. Он сделал вывод по атрибуции: «...характер голландской живописи (как мне кажется, французское подражание) и может быть отнесён к середине 18 в.». И.В. Линник, проводя в Эрмитаже атрибуцию по фото в 1997 году, подтвердила мнение Бреннерта.

Благодаря работе Архивной группы Департамента по сохранению культурных ценностей при Министерстве культуры Российской Федерации была обнаружена (с почти стопроцентной вероятностью) ещё одна

¹ *Леонтьев И., Костенко В.* Пушкинские Горы. Очерк истории Пушкинского района и экономико-географическое описание района. Калинин, 1937. С. 62.

картина из Тригорского. След её нашелся по списку карточек собственности на предметы искусства Центрального коллекционного пункта в Мюнхене¹. Одно из полотен² имеет такое описание в карточке собственности: «Крестьянский дом, во дворе дома – женщина, кормящая кур, курящий мужчина и маленькие дети, в глубине батрак с коровами, справа виднеются горы». Для сравнения приведём описание картины из переданных Н.П. Вревской: «Семья крестьянина у своего дома; женщина кормит кур; возле неё мальчик; мужчина с трубкой сидит у дома; другой мужчина гонит коров»³. Размер (48х41 см), сюжет и инвентарный № 285 говорят за то, что это одна и та же тригорская картина. Сейчас она находится в Псковском музее-заповеднике, куда попала, видимо, из хранилища в городе Пушкине, откуда комиссия под руководством А. Кучумова распределяла по музеям предметы, возвращённые из Германии или из зон оккупации. Рассортировка и передача вещей происходила очень быстро.

* * *

Настало время сказать несколько слов о характере голландской живописи, в традициях которой были картины из тригорской коллекции, и немного об отличиях голландской и фламандской школ.

Первое, что характерно для голландской школы, – ориентированность на земную реальность, земную деятельность. Будничность как Божественное дело.

Так называемые «малые» жанры – бытовая картина, пейзаж, натюрморт – становятся ведущими в голландском искусстве. Само слово «живописный» звучит у голландцев как «достойный живописи». И достойным становится всё: простая житейская сценка, простолюдины за трапезой, крестьяне за работой, вид природы, накрытый стол. Голландская живопись, особенно бытовой жанр⁴, – демократична по бытованию и по сути. Заказчиками картин были и крестьяне, и бюргеры, и аристократы. Демократизм живописи проявляется не только в сюжетах, но и в способности отказаться от схемы, от канона. Условность схемы чужда голландской живописи – она всегда стремится к характерности: типажей, жестов, коллизий. Термин «малые голландцы» не просто характеризует

¹ Федеральный архив ФРГ, Кобленц, ВАК, В 323 № 729.

² № п/п 1073, МИ № 23732, ANSBACH 514, инв. № 285.

³ КП ИРЛИ № 30544.

⁴ Название «жанр» для сцен повседневной жизни прозвучало в XVII веке у Дени Дидро.

«малый» жанр, не просто отражает формальную особенность картин – их малый, кабинетный размер. Это и внутренняя интерпретация изображаемого: интимность, теплота, обращённость от лица к лицу. И ещё одна типическая черта – естественность. Персонажи, а равно природа и вещи не позируют перед зрителем, их жесты, их вид – непритворны. «Художник запечатлевал на холсте некий зеркальный микрокосм естественного макрокосма природы и бытия, сотворённого Богом, и поэтому стремился к правдивому изображению элементов мира»¹. А ко времени расцвета голландского искусства – середине XVII века – всякое явление материального мира толковалось эмблематически, а изобразительное искусство говорило на языке символов, толкуя этические понятия,ставляя, рождая мысли о бренном и вечном.

Живописным свойством голландской картины была своего рода обобщающая атмосфера. Всегда или почти всегда в отношении голландской картины можно говорить о некоторой подчинённости цветového строя тональному, о некоем единстве колорита, в котором большое значение имеют валёры – оттенки тона. Эти черты мы видим на четырёх дошедших до нас картинах из коллекции Тригорского².

Если говорить кратко о фламандском искусстве, в нём, как правило, есть преобладание декоративного начала. Всегда более ощущается живописное движение, лёгкость кисти. Помимо того, в отличие от голландцев фламандцам присуща пестрота красок. «Фламандской школы пёстрый сор» – очень изящная характеристика, хотя предыдущая строка – «Тьфу! прозаические бредни» – скорее о голландцах. В композициях фламандских художников сильна эмоциональность, романтическая взволнованность, приподнятость – или гротескность. Драматургия фламандских композиций много сильнее, нежели в голландских картинах. Кроме того, фламандскому искусству более присуще аллегорическое, нежели символическое начало.

В конце этого раздела скажем: мода на голландскую живопись, на «малых голландцев» возникла уже в XVIII веке, и рынок изобразительного искусства наполнился копиями либо картинами «в стиле» голландцев. Собиратели не пренебрегали ими, напротив, охотно покупали.

---

¹ *Верижникова Т.* Малые голландцы. СПб., 2004. С. 38.

² Напомним: одна – в гостиной тригорского дома; две – во Всероссийском (ранее Всесоюзном) музее Пушкина; ещё одна – в Псковском музее.

* * *

Обратимся к нынешней коллекции Тригорского.

Когда формировался музей и создавался образ усадьбы, решался вопрос и о том, как будет представлено собрание живописи. При реконструкции учитывалась как типология (что могло быть в усадебном доме у образованных людей), так и тематический аспект экспозиции.

Картины были большей частью получены из Музея Академии художеств в Ленинграде. На двух из них («Буря» и «Анахореты у реки») на обороте стоит печать Кушелёва-Безбородко с графской короной и девизом «Единому предан». Это явилось поводом подробно ознакомиться с материалами коллекции А.А. Безбородко (затем Кушелёвых-Безбородко).

Скажем несколько слов об основателе коллекции.

Светлейший князь, граф Священной Римской империи, канцлер Александр Андреевич Безбородко (1747–1799) – один из крупнейших политических деятелей России. Имел блестящие способности, необыкновенную память. В 1775 году назначен секретарём Екатерины II. Сопровождает государыню в путешествии по империи. Ему поручено дело о высылке в Данию членов Брауншвейгской фамилии. Представляет Екатерине II «мемориал по делам политическим». В 1781 году назначен начальником почтового департамента. Тесно связан со всеми действиями русского двора в царствование Екатерины II. В Совете занимает положение исключительное. Дипломат. Участвует в первой турецкой войне. Затем войны вторая турецкая и шведская: труды по прекращению их. Ясский мир. По кончине императрицы на службе у Павла I¹.

М.И. Пыляев отмечает: «В последние годы царствования Екатерины стал в Петербурге греметь своими пирами дом канцлера Безбородко. Дом князя Александра Андреевича стоял на Ново-Исаакиевской улице... блистал как внутренним, так и наружным великолепием – на одну его картинную галерею, как выражался по-татарски канцлер: «чек акча вирды», т.е. много денег пошло. <...> В каталоге галереи Безбо-

---

¹ По кончине императрицы, как пишет А.И. Тургенев в своих заметках на полях «Записок» Грибовского, «гнусный Безбородко обнаружил всю подлость и коварство свойств, соврождённых малороссам: он не сенату, а Павлу, наследнику Екатерины, предъявил завешание» (цит. по: *Карнович Е.П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884. С. 287). Напомним: Екатерина по завещанию передавала престол любимому внуку Александру Павловичу.

родко было 330 оригинальных картин»¹. Следующие данные и дальнейшую историю собрания находим в издании «Каталог галереи графа Н.А. Кушелёва-Безбородко»². Историю приобретения картин Безбородко изложил сам в письмах 1795 года к Воронцову: «Случай разорений французских благоприятствовал мне достать несколько отличных штук, наипаче из школы фламандской. Я получил три картины из коллекции Орлеанского герцога, три из кабинета Шуазелева и несколько других. ... Дошли до меня весьма добрые картины итальянские. Словом, с моим жарким старанием... менее трёх лет составил я хорошую коллекцию, которая числом и качеством превзошла Строгановскую. ... Жду несколько картин из Варшавы и штуки четыре из Италии. ... Есть у меня Сальвадор Роза, какого и в Эрмитаже нет»³.

После князя А.А. Безбородко, умершего бездетным, его собрание картин разделено было между племянницами: графиней Кушелёвой и княгиней Лобановой-Ростовской. Долю графини Кушелёвой разделили впоследствии её сыновья, графы Александр⁴ и Григорий Григорьевичи. Александр потом купил почти всю галерею своей тётки, приобрёл массу произведений живописи. Дом его в Петербурге на Гагаринской набережной представлял собой настоящий музей. По смерти Александра Григорьевича его галерея была разделена между его сыновьями, графами Григорием и Николаем. Часть, принадлежащая первому (Григорию), была после его смерти распродана с аукциона в Париже в 1869 году. Часть же второго, умноженная новыми приобретениями, после смерти его перешла по завещанию в собственность Императорской Академии художеств. Покойный оставил духовное завещание и выразил свою волю словами: «Картины и статуи передаю я в Академию художеств для

¹ *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы: Репринт. воспроизв. изд. А.С. Суворина, 1889. СПб., 1990. С. 292–296.

² Каталог галереи графа Н.А. Кушелёва-Безбородко. Под наблюдением А.И. Сомова. Составил Б.К. Веселовский. СПб., 1886.

³ Каталог галереи... С. I–II.

⁴ Старший сын первого графа Кушелёва (Григория Григорьевича, адмирала, 1754–1833) и супруги его графини Безбородко. После смерти графа Ильи Андреевича Безбородко Высочайшим указом повелено графу А.Г. Кушелёву «в уважение к отличному служению покойного князя Безбородко, на пользу и славу отечества всю жизнь посвятившему, именоваться впредь графом Кушелёвым-Безбородко, дабы знаменитая заслугами фамилия сия с кончиной последнего в роде не угасла, но паки обновясь, пребыла навсегда в незабвенной памяти российского дворянства». *Русский биографический словарь*: В 25 т. Т. 9. СПб., 1900. С. 701–703.

составления публичной галереи, открытой постоянно для художников и публики, допускаемых без стеснения в форме одежды»¹.

Работая над атрибуцией картин из собрания Тригорского, мы ознакомились с четырьмя каталогами галереи Кушелёвых-Безбородко² и обнаружили, что не только две картины из нынешнего Тригорского собрания, имеющие печать, относятся к галерее Кушелёвых-Безбородко, но и несколько ещё.

Приведем их с теми названиями и данными, что значились при поступлении в музей-заповедник:

Карел Дюжарден. Пейзаж с пастухом и пастушкой;

Неизвестный художник школы Сальватора Розы. Анахореты у реки³;

Темпестино. Буря;

Андреа Скачьяти. Цветы⁴;

неизвестный художник. Гвоздики в вазе;

Ян ван Гойен. Морской вид.

* * *

Последнюю часть статьи посвятим самому важному – атрибуции. Здесь нам помогала Ирэна Владимировна Линник, сотрудник Эрмитажа, крупнейший специалист по западноевропейскому искусству.

Итак, Карел Дюжарден (дю Жарден). Пейзаж с пастухом и пастушкой.

В правом нижнем углу подпись:

---

¹ Каталог галереи... С. II.

² Каталог картинной галереи его сиятельства графа Александра Григорьевича Кушелёва-Безбородко. СПб., 1851; Каталог коллекции художественных произведений, поступивших по завещанию графа Н.А. Кушелёва-Безбородко в собственность императорской Академии художеств. СПб., 1863; Каталог картинной галереи графа Кушелёва-Безбородко, ныне принадлежащей императорской Академии художеств. СПб., 1868; Каталог галереи графа Н.А. Кушелёва-Безбородко. Под наблюдением А.И. Сомова. Составил Б.К. Веселовский. СПб., 1886.

³ В каталогах 1851 и 1868 годов названа «На реках Вавилонских седоком и плахаком».

⁴ В каталоге 1886 года входит в часть списка вещей, имеющих «менее чем второстепенное значение». С. 174.

Латинское написание имени Karel du Jardin никак не соотносится с монограммой. Карел дю Жарден (1622–1678), голландский художник, «был великим мастером в искусстве», как говорит исследователь Хаубракен¹. Бывал в Италии, изучал там живопись, а с 1675 года и обоживался. Разработал своеобразный тип итальянских пастушеских сцен, полных света, воздуха, свежести.

Нашу картину особенно мастеровитой не назвали бы. Не лишена она лёгкого жеманства. Вероятнее всего, это французское подражание итальянизирующим голландцам конца XVII – начала XVIII века. Определим картину так: *Неизвестный художник. Франция. Пейзаж с пастухом и пастушкой. Конец XVII – начало XVIII века.*

Неизвестный художник школы Сальватора Розы. Анахореты у реки.

Картина ближе всего манере Алессандро Маньяско (Alessandro Magnasco, 1667–1749). Он итальянский мастер, сын художника Стефано Маньяско из Генуи. Жил во Флоренции, в Милане. Испытал влияние французского офортиста Ж. Калло и, прежде всего, Сальватора Розы.

Сальватор Роза – крупнейший итальянский живописец XVII века. Создатель романтического пейзажа. В его искусстве переплелись традиции барокко, классицизма, фантастика, мистика и черты нового реализма – полусатирического-полупоэтического видения мира. Он провидит мироощущение будущей эпохи – XIX века.

Маньяско развивает романтическую линию Сальватора Розы, но в отличие от последнего в его работах нет благородно-возвышенной красоты; его герои часто неуклюжи, грубы, иногда суетливы, правда, тем и прелестны.

Алессандро Маньяско изумительно быстро работал. Ему присуща особая ритмичность кисти. Мазок стремительный, разнообразный: длинный, короткий, зигзагом, параллельный, то прозрачный и лёгкий, то крепкий и материальный. Грунтовал Маньяско светло-коричневым слоем, затем писал более тёмными красками. Потом наносил лессировки, дав им высохнуть, начинал работу, называемую «pittura di tocco», – мазки, которые несут свет и сообщают как бы непрерывное движение всем элементам композиции. Как и Сальватор Роза, Маньяско часто изображал ночные сцены и сцены, где присутствуют светотеневой драма-

---

¹ Цит. по: *Тарасов Ю.А.* Голландский пейзаж XVII в. М., 1983. С. 136.

тический эффект¹. Вспомним Пушкина из «Путешествия в Арзрум» (о графе Паскевиче): «Мы нашли графа на кровле подземной сакли перед огнём. К нему приводили пленных. Он их расспрашивал. Тут находились и почти все начальники. Казаки держали в поводьях их лошадей. Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы, речка шумела во мраке» (VIII, 470).

Определим картину так: *Алессандро Маньяско. Анахореты у реки. После 1720-х годов.*

Темпестино. Буря.

Во время реставрации 1993 года холст, бывший дублированным, раздублировали, и на обороте авторского холста открылась надпись: «18.2 Montagna». Эта надпись, а также характер живописи позволили атрибутировать картину как работу Монсу Монтаня (Monసు Montagna²) или Рено де ла Монтаня, также Ринальдо делла Монтаня – нидерландского мариниста (предположительно из Голландии). Сведения о нём противоречивы. Вероятно, в юности прибыл он в Италию и поселился в Венеции. Совместно с Пьетро Либери создал для церкви Санта Марии Маджоре в Бергамо большое изображение всемирного потопа, сохранившееся до наших дней. Изображал штормы и корабли. Умер в 1644 году в Падуе. Работы Монсу Монтаня часто путают с работами Пьетро Темпесты, знаменитого «Кавалера Темпесты», «Рыцаря Штормов», – крупнейшего итальянского мариниста нидерландского происхождения. Монсу Монтань предвосхитил манеру Темпесты. Наиболее частая путаница с Мэтью ван Платтенбергом – французским художником нидерландского происхождения, называемым Plate Montagne³. В силу жанрового сходства происходит атрибуционная путаница и с Доменико Марки или Темпестино (итальянский живописец и гравёр, работавший в конце XVII – первой четверти XVIII века)⁴.

Определим картину так: *Монсу Монтань. Буря. Первая половина XVII века.*

---

¹ См.: *Знамеровская М.* Сальватор Роза. М., 1972; *Дьяков Л.* Алессандро Маньяско, М., 1978.

² Гора (итал.).

³ Плоская гора (франц.).

⁴ См.: *Roethlisberger Bianco Marcel.* Cavalier Pietro Tempesta and his time. University of Delaware Press. 1970. S. 90–92. Cat. 74–85.

Андреа Скачьяти. Цветы.

Андреа Скачьяти (Andrea Scacciati, 1642–1704) – итальянский художник, работавший в духе голландского искусства, мастер цветочного натюрморта. Этот жанр был развит в Европе. В художественных кругах имели хождение альбомы штудий с изображениями растений, и один и тот же цветок, точно воспроизведённый, кочевал из картины в картину разных мастеров.

При всей реалистичности изображения букет нереален. Цветы, в нём собранные, никогда не цветут одновременно. В букетах бывало до 30 растений, цветущих в разное время года. Букет – это символ, точнее символический аккорд: красная роза – символ небесной любви, белая роза – символ смерти, тюльпан – достоинства и так далее, ваза с цветами – быстротечность земной жизни, предвестье вечной.

Такова картина: *Андреа Скачьяти. Цветы. XVII век.*

Неизвестный художник. Гвоздики в вазе.

Внизу картины хорошо читается надпись: J. M. At 1675, которую расшифруем как «Якоб Маррел (Jacob Marrel, Marrell, Morrel). В 1675».

Годы жизни Маррела: 1614–1681. Голландский художник, известный как виртуоз в изображении цветов. В Нидерландах существовал (и по сей день существует) своего рода культ цветов, их изображение имеет эстетическую, символическую ценность, а также прикладную ценность ботанического пособия. В исследовании Ингвара Бергстрёма¹ сказано, что в одном из собраний в Харлеме есть книга изучения тюльпанов – тюльпаниада – работы Маррела.

Символика изображённых цветов – обращение к зрителю с возвышенной моральной идеей, поучением, предостережением, философской сентенцией. В атрибуционном плане цветы многозначны, но почти всегда они говорят о Божественном начале. «Гвоздика, чьи листья напоминают гвозди, олицетворяет страдания Христа»². Расположение цветов на нашей картине крестообразно. Но гвоздика, в первую очередь красная, – это и символ обручения. Что-то значат и лягушки, улитки, мухи, бабочки и ящерики. Например, улитка – сокровенность, скромность; бабочка – душа...

Определим картину так: *Якоб Маррел. Гвоздики в вазе. 1675.*

---

¹ *Bergström Ingvar. Dutch still-life painting. London, 1956.*

² *Верижникова Т. Малые голландцы. СПб., 2004. С. 206.*

Ян ван Гойен. Морской вид.

На паркетированном подрамнике карандашом, печатными буквами: Jan van Goyen 1652.

Даты жизни Я. ван Гойена, знаменитого голландского пейзажиста: 1596–1656. Арнольд Хаубракен отзывается о Я. ван Гойене так: «Он писал большей частью спокойные водные пейзажи с милыми его сердцу торговыми и рыболовецкими судами, церковью или какой-либо деревней на заднем плане, которые он большей частью зарисовывал на природе»¹. Для мастера характерен жидкий лёгкий мазок, единый сероватый или желтовато-коричневый тон. Ведущая роль тональности у ван Гойена очевидна. И эта всё охватывающая дымка, как бы флёр от близкого моря, и «растворённость» человека в природе.

«Произведения 1640-х – 50-х годов – кульминация художественных достижений пейзажиста», – пишет Татьяна Верижникова. И далее: «Мастерство ван Гойена воссоздает мощную энергию световоздушной среды, объединяющей небо и землю. <...> Впервые в этом союзе небо выступает как доминирующее художественное и эмоциональное начало...»².

Следует сказать, что ван Гойен имел много подражателей ещё при жизни, и хороших подражателей. В фундаментальном издании «Jan van Goyen»³ есть похожие на наш мотивы, но именно такого пейзажа нет ни в живописи, ни в набросках. Тем не менее о картине можно сказать: *Ян ван Гойен. Морской вид. 1650-е.*

Мы перечислили все картины, которые возможно было идентифицировать по каталогам собрания Кушелёвых-Безбородко.

Упомянем ещё о трёх, поступивших из Музея Академии художеств.

Одна из них – «Руины» неизвестного художника. Её трудно соотносить с какой-либо работой из каталогов, хотя в них присутствует несколько подобных сюжетов.

На нашей картине изображён пирамидальный обелиск с барельефом, руины и фигуры справа.

Вероятнее всего, это работа Антонио Перезинотти (1708–1778; по другим данным – 1710–1787), художника итальянского происхождения,

---

¹ Цит. по: *Тарасов Ю.А.* Голландский пейзаж XVII в. М., 1983. С. 63.

² *Верижникова Т.* Малые голландцы... С. 93, 94.

³ *Beck, Hans-Ulrich.* Jan van Goyen. 1596–1656. Amsterdam. Bd. 1–2. 1972–73.

избранного академиком Императорской Российской академии. Писал он пейзажи с мотивами античных руин.

Назовём картину так: *Антонио Перезинотти (?)*. *Руины*. XVIII век.

Вторая: Жан Батист Грёз. Женская голова. Копия.

Ж.-Б. Грёз (Jean Baptiste Greuze; (1725–1805) – французский художник, представитель сентиментализма, прославился изображением детских и женских головок, в эпоху сентиментализма бывших особым видом портретного жанра. Головки Грёза трогательны, миловидны, бывают грустны и всегда пленительны. В них часто есть молитвенное начало. Восторженный отзыв Дидро гласит: «Что говорить, Грёз мой художник. <...> Уже сам жанр мне по душе: это нравоучительная живопись. И так уже предостаточно и слишком долго в живописи смаковали сцены распутства и порока! Не должны ли мы теперь порадоваться, увидев, что живопись наконец-то соревнуется с драматической поэзией, трогая, просвещая и тем самым исправляя нас и призывая к добродетели? Грёз, друг мой, смелее прославляй в живописи мораль и не изменяй этому веке!»¹. Грёза часто копировали. Наша копия – с эрмитажной картины «Голова девушки».

И в заключение упомянем интереснейшую картину нашего собрания – «Натюрморт с черепом», XVII век, пришедшую из Музея Академии художеств как работа Андейтена.

Сразу отметим, что такого художника не существует, а принадлежит картина кисти голландского мастера XVII века Хендрика Андриессена (Hendrik Andriessen) и относится к жанру Vanitas (буквально «пустота» или «суета сует»). Но о нём мы скажем позже в отдельной статье.

Некоторая дополнительная (к указанной в сносках к тексту статьи) литература по теме

1. Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. В 2 т. М., 1957.

2. *Грицай Н.* Фламандская живопись XVII века. Л., 1989.

3. *Даниэль С.* Нидерландская живопись. Две ветви одной кроны. СПб., 2001.

4. *Даниэль С.* Французская живопись. СПб., 1996.

---

¹ *Дидро Д.* Салоны. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 83.

5. Картинная галерея Императорской Академии художеств. II. Каталог произведений иностранной живописи (оригиналов и копий). Составил А. Сомов, почетный вольный общник академий. СПб., 1874.

6. *Линник И.* Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин. Л., 1980.

7. *Сальникова И.И.* Мы были... (Из истории государственного и частного собирательства произведений русского искусства XVIII – первой половины XIX в.). СПб., 2003.

8. *Ходаковский Е.* Итальянская живопись XIII–XX веков. Судьбы классической традиции. СПб., 2002.

9. Amsterdam Rijksmuseum Catalogue of Paintings. Ams., 1960

10. *Bénézit E.* Dictionnaire critique et documentaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs. Paris, 1976.

11. *Thime H., Becher F.* Künstler-Lexikon. Leipzig. BD XIV, XV, XVII. 1930.

Вячеслав Козмин

МУЗЕЙ В БУГРОВО: ПРИНЦИПЫ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Музей «Водяная мельница в деревне Бугрово» был открыт в мае 1986 года. Открытию предшествовала большая и кропотливая работа по формированию экспозиции. Создателем фондовой коллекции музея в Бугрово стал С.С. Гейченко.

В ту пору, когда в стране началась «иконная» лихорадка, директор собирал и коллекционировал предметы, значимость которых для понимания эпохи будет осознана лишь много лет спустя: кованые гвозди, замки, керамические кувшины и так далее. Часть этого деревенского антиквариата, наряду с самоварами, была выставлена на знаменитой веранде дома в Михайловском. Причём предметы не только отражали эстетические вкусы хозяина, но и служили своеобразным презентационным стендом будущих экспозиций: в «Домике няни», «Кухне-людской», «Конторе управляющего» в Михайловском. В том же ключе предполагалось обустроить две избы в Тригорском. Однако «крестьянские экспозиции» в музеях-усадьбах плохо согласовывались с исторической правдой. Общеизвестно, что быт дворовых принципиально отличался от быта крестьян. Общеизвестно и то, что народные песни поэт записывал не в самом Михайловском, а в близлежащих деревнях: Бугрове, Гайках, Богомолах...

Крестьянский музей в деревне Бугрово позволил вернуться в «отчий дом» вещам, найденным ранее в псковских избах, на чердаках и в подызбицах. Деревенский уклад консервативен, и большинство из этих вещей мало чем отличалось от предметов пушкинского времени. Кроме того, дистанция в одну версту, разделявшая Михайловское и Бугрово, в музейной системе координат прочитывалась как литературная тропа, пройденная поэтом от кабинетной книжности к сокровищницам устного народного творчества.

«Дом мельника» образца 1986 года представлял собой крестьянский двор: дом-пятистенки, хлев, баня. В середине 1990-х годов начали строить рубленый амбар.

Экспозиция дома состояла из двух тематических блоков. Изба «рассказывала» о жизни крестьянской семьи. «Летник» представлял собой

тематическое «ассорти» с дивным разнообразием возможных сюжетных линий. Здесь были представлены и «контора мельника», и жерновой постав, и ручное чесало для льна, и несколько витрин, посвящённых мельницам и интересу Пушкина к народной жизни.

Экспонаты поступили в музей из фондов Пушкинского Заповедника и частной коллекции С.С. Гейченко (впоследствии Семён Степанович передал в музей все её предметы). Частично вещи «пришли» из «Конторы» и «Кухни-людской».

Тогда Гейченко, используя минимум средств, создал в Бугрово художественный образ русской деревни и псковской избы. Не случайно в «Книге впечатлений» чаще всего встречалась пушкинская цитата: «Здесь русский дух!» И – главное! – посетители понимали, что новый музей занял в Пушкинском Заповеднике свою и только свою лауну. В экспозиции первого «дома» в Бугрово находилось чуть больше двухсот предметов. Все вместе они формировали яркий образ, однако, взятые по отдельности, не все соответствовали исторической правде быта. Наряду с замечательными псковскими льняными скатертями, занавесями и полотенцами, уникальными пряничными досками, прялками, ступами и ковшами в экспозиции присутствовали легко узнаваемые предметы обихода непряхотливого советского человека. В топографической описи они так и обозначались: «бутылка (совр.), чайник заварочный (совр.), роза кованая (совр.) и так далее. Таких «совр.» вместе с «б/н» и «новоделами» набиралось около трети. Поэтому проблема наполнения музея качественными экспонатами стояла достаточно остро уже в то время. Даже несмотря на проделанную подготовительную работу по сбору экспонатов.

В архиве Пушкинского Заповедника сохранились отчёты заведующего фондами В.Я. Шпинёва об этнографических экспедициях по Псковской области. Отчёты замечательные, прекрасно иллюстрированные графическими набросками. Но их немного. Причина понятна: не было средств на бензин и на закупку вещей. Поэтому редкие вылазки за пределы «михайловского кольца» становились настоящим приключением. Запомнилась поездка в усадьбу Воскресенское, где в то время находилась большая многопоставная мельница. Администрация района разрешила сотрудникам заповедника «брать всё что угодно», так как постройка стала ничьей и никому не была нужна. По-пушкински «развалившейся» назвать её было нельзя, но замков на дверях уже не было. Бери, что хочешь. А там было всё, что необходимо на подобных

сооружениях: жернова, поставы, подъёмники... Ветхий «зилок» осилил только ручной шерсточесальный станок. Перевезти оставшееся оборудование в заповедник было не на чем, да и некуда. Фонды ютились в скромном здании бывшего льнохранилища. Складских помещений не было. Станок кочевал из одного помещения в другое, пока в 2007 году не обрёл постоянную прописку в гумне музея «Пушкинская деревня». Его подремонтировали, и теперь посетители с восторгом вращают тяжёлые валы, созерцая при этом превращение клочков шерсти в тонкое «руно». Станок, подобно многим другим экспонатам музея, «настроен» на пушкинский лад – именно с него начиналось то, о чём поэт напишет в стихотворении «Няне» в 1826 году: «...И медлят поминутно спицы // В твоих наморщенных руках». А тихо сгнувшегося в перестройку мельничного оборудования всё-таки жаль...

Впрочем, нельзя объять необъятное. Принципы комплектования фондов такого музея, в котором первичной является литература, отличаются от тех, которых придерживаются классические музеи деревянного зодчества, как, например, новгородские Витославицы. Там первичен быт, история; для нас первостепенным становится литературный текст и способность экспозиции этот текст проиллюстрировать.

После ухода из жизни автора, С.С. Гейченко, музей остался наедине с вопросами и проблемами. Один из самых важных вопросов: что это за музей? В связи с тем что формирование экспозиции и порядок отбора экспонатов требовали чёткого определения: «чисто этнографический музей», «музей быта и ремёсел», «литературный музей»... – требовалось выработать определение для отбора и сужения круга необходимых экспонатов. В 1993 году нами была подготовлена работа «Методика и принципы построения музея литературного образа». В ней была предложена «иерархия приоритетов» предметного содержания экспозиции:

1. Образ мельниц в творчестве А.С. Пушкина.
2. Образ русской деревни в творчестве А.С. Пушкина.
3. Псковская деревня первой трети XIX века.
4. Мельница в деревне Бугрово.

«Первая тема является главной, определяющей, помимо информативной части, характер и настроение новой экспозиции. Источник первой и второй тем – литература, иначе – «поэтический чертёж»; третьей – «историко-этнографический чертёж»; четвертой – реальная история конкретного места и строений. Порядок перечисления тем отражает порядок приоритетов, т.е. в случае возникновения спорных ситуаций,

а они неизбежны, так как между образом и реальностью всегда существует художественный «зазор», предпочтение отдаётся Слову поэта, что и будет являться доказательством формулы, заданной в определении музея»¹.

Наиболее важными в экспозиции нам представлялись «опозитизированные экспонаты», то есть те, которые упомянуты в «деревенской» лирике Пушкина. Большинство этих предметов и объектов получили, хотя и временную, прописку в музее. Однако на практике круг пушкинских, «говорящих» предметов стал шире. «Нет худа без добра», – гласит русская пословица. «Худо» здесь – ограниченное количество экспонатов, «добро» – вынужденный поиск объектов показа, находящихся за пределами фондового хранения. Когда в 2007 году мы протопили курную печь, главным «экспонатом» музея стал... запах дыма. Это первое, на что реагировали посетители: «Какой запах, как в старину!» Сразу, с порога, формировалось доверие к исторической правде и задавались темы. Пушкинских «дымных кровель», грибоедовского «И дым Отечества нам сладок и приятен». Более пытливых интересовали принципы и конструктивные особенности отопления крестьянского жилища.

Другой находкой стало обыкновенное кольцо-задвижка на входной двери. Оно оказалось своего рода пружиной, раскручивающей интерактивный сюжет – комментарий к «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях»:

А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась...
(III, 545)²

Поэт по понятным причинам не стал вникать в технологические детали запоров на двери в крестьянской избе. Однако на самом деле между «взялася за кольцо» и «дверь тихонько отворилась» были ещё две операции: «постучала кольцом о дверь» и «повернула кольцо, чтобы открыть

¹ Козмин В.Ю. Методика и принципы построения музея литературного образа в деревне Бугрово 1993 г. // Михайловская пушкиниана. № 10–11. М., 2000. С. 193.

² Здесь и далее в сборнике цитаты из произведений А.С. Пушкина, кроме случаев, оговорённых особо, приведены по: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Номер тома указан римской цифрой, страницы – арабской. (Прим. ред.)*

засов». Посетители с удовольствием участвовали в предложенном им предметно-бытовом комментарии к пушкинскому произведению.

В той же работе мы выделили в отдельную группу «опоэтизированные сюжеты»: свадьбу, святки, сочельник, масленицу – то есть народные праздники, которые периодически могут быть представлены в экспозиции. В настоящее время в Бугрово проходят театрализованные экскурсии и программы, приуроченные к тем или иным событиям народного календаря, и «праздничный» фонд музея постоянно пополняется. От «Святок» остались маски, посуда для кутьи и соломенные игрушки. От «Масленицы» – качели в гумне и соломенные куклы. От «Сóрок» – ритуальная еда: «жаворонки». По завершении годового цикла, состоящего из семи представлений, в музее должен сформироваться предметный раздел, позволяющий разнообразить рассказ о праздниках псковской деревни пушкинского времени.

В 1998 году был подготовлен первый тематико-экспозиционный план реэкспозиции «Дома мельника» (автор М.А. Бесарабова) В плане была учтена заложенная С.С. Гейченко концепция построения экспозиции, внесены уточнения. ТЭП был составлен с опорой на уже имеющиеся фондовые предметы. Одновременно шла работа по созданию новых экспозиций в «Домике няни» и «Кухне». В связи с перепланировкой флигелей в соответствии с описью сельца Михайловского 1838 года потребовались принципиально новые решения.

«Михайловский» период оказался чрезвычайно полезным для понимания *свое-образия* и, соответственно, специфики предметного наполнения барской «Кухни», бани («Домика няни») и крестьянской избы в Бугрово. В процессе работы над экспозициями в Михайловском обнаружился недостаток этнографических экспонатов. Как следствие была проведена работа по отбору вещей и их последующей закупке. При этом подразумевалось и оговаривалось, что часть приобретаемых вещей впоследствии займёт своё место в экспозиции музея в Бугрово. В частности, «пивной» комплекс. О том, что в Михайловском пили и готовили пиво, свидетельств нет. А о том, что в деревнях, особенно во время свадеб, приготовление пива являлось обязательным атрибутом, свидетельств множество. Среди них – пушкинское, в драме «Русалка»:

...пива бочку пролили
Всю капусту полили...
(VII, 197)

В том же 1998 году в журнале «Псков» была опубликована статья М.А. Бесарабовой «Ни огня, ни чёрной хаты...»¹. В работе впервые была поставлена проблема планировочного решения построек музейного комплекса в Бугрово (впоследствии данная тема получила развитие в проектных обоснованиях Г. Гофман и И. Заяц). Большая часть статьи была посвящена не предметам, а крестьянским постройкам. На тот период проблема изучения типологии крестьянского жилища Псковской губернии XIX века находилась в зачаточном состоянии. Этнографического музея в губернском городе Пскове не было. Впрочем, нет его и поныне. Псковским учёным эта проблема казалась не актуальной, вторичной в сравнении с каменным крепостным зодчеством и храмовой архитектурой. Как следствие, отсутствовала на тот период и хоть сколько-нибудь достаточная библиография по данному вопросу.

В 2009 году в течение почти всего сезона в «Доме крестьянина» не было предметов крестьянского быта. Но посетители всё-таки шли в музей. Что они смотрели? Рубленые стены, соломенные крыши, печь по чёрному, встроенную мебель... Впрочем, с вещами как-то повеселее!

В 2002 году, после утверждения проекта реконструкции музейного комплекса, в Бугрово началась работа по созданию ТЭПа. В проекте предполагалось принципиальное увеличение экспозиционных площадей: с 50 квадратных метров в 1985 году до 630 – после реконструкции. Подобного скачкообразного укрупнения не знал ни один музей Пушкинского Заповедника. Соответственно потребовалось адекватное увеличение количества фондовых приобретений. В этом же году на основе проектного решения был составлен ТЭП музейного комплекса и список приобретений: 280 предметов!

В связи с возникшей нестандартной ситуацией в Пушкинский Заповедник для экспертизы имеющегося фонда предметов этнографии были приглашены специалисты из музея «Витославицы» (Великий Новгород): С.Л. Васильева, автор музейных программ и выставок по народной культуре в Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике, и М.И. Васильев, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Вывод экспертов был следующий:

«Предварительный осмотр фондов по крестьянской культуре по-

---

¹ Бесарабова М.А. «Ни огня, ни чёрной хаты, глушь и снег...» (К вопросу об архитектурном наполнении пушкинского пейзажа Псковского края) // Псков. 1998. № 9. С. 171–187.

казал крайне незначительный объём имеющегося материала для реконструкции музея «Мельница в Бугрово». Реализация проекта требует увеличения фондов по крайней мере в 10–20 раз. Естественно, подобное количество предметов, относящихся к первой половине XIX в., в настоящее время собрать невозможно, однако тупиковой ситуации нет, т.к. бытовые крестьянские вещи и более позднего периода имеют традиционный характер, что позволяет значительно расширить временной промежуток характеристики вещей». Вплоть до XX века, заметим. Соответственно многие потенциальные экспонаты всё ещё можно обнаружить в деревнях.

Одной из самых полезных стала экспедиция в Опочецкий, Бежаницкий и Красногородский районы Псковской области, предпринятая в 2000 году сотрудниками Пушкинского Заповедника В. Козминым, М. Васильевым и авторами проекта реконструкции музейного комплекса в Бугрово Г. Гофман и И. Заяц. Экспедиция продлилась три дня. Музейщики собирали вещи, проектировщики делали обмеры, необходимые для документации. Среди предметов были те, которые можно было напрямую встроить в будущую экспозицию. Например, старинный «доморощенный» верстак на подстоле, который должен был получить прописку в «Доме мельника» в соответствии с документом: «...При сей мелницы изба с сенями, крытые дранью, в которой избе двери на петлях железных, в которой избе два окна со стеклами твёрдыми, две лавки, две скамейки, один столик, один верстак ветхой без винта, печь кирпичная, в трубы вьюшка с двумя крышками чугунная»¹.

Тогда же из деревни Водобег Опочецкого района привезли замечательные бондарные изделия, станок для изготовления тележных спиц. В 2002 году в деревне Слепни Пушкиногорского района была выявлена кузница, сохранившая облик тех кузниц, в которых трудился ещё герой пушкинской повести «Барышня-крестьянка» Василий-кузнец. Кузница прибыла в заповедник в полном сборе, с ручными мехами, приводами, зубилами, наковальней, жигалом, клещами, – в общей сложности шестьдесят с лишним предметов, ждущих своего часа.

---

¹ Опись построенной от монастыря воденой мельницы и какое в ней находится мелничное имущество. Март 1805 года. ГАПО. Ф. 328, д. 16, л. 34–34 об. Цит. по: *Емелина О.В.* Летопись бугровской мельницы // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000. С. 232.

Проблема приобретения экспонатов представляется нам актуальной и сейчас. В то же время, по опыту работы музея с 2007 по 2010 год, круг необходимых экспонатов имеет тенденцию к сужению. В первую очередь, необходимы экспонаты с легендами, экспонаты, провоцирующие рассказ. В настоящее время, например, в «Доме крестьянина» экспонируется деревянная солонка. На крышке выцарапано: «1846» и цифры от «1» до «9». С чем связана дата? С днем покупки или изготовления солонки? А может быть, это день вселения в новый дом? Или день свадьбы, во время которого соль – обязательный ритуальный атрибут? А цифры? Может быть, это крестьянский способ обучения счёту. Потянулся за щепоткой – повторил цифры. А кто автор сей хитроумной затеи? Две цифры «1» и «9» имеют зеркальное изображение. Так пишут дети. До последнего времени нам казалось, что наша «говорящая» солонка уникальна. Но в краеведческом музее в эстонском городе Хаапсалу в экспозиции я обнаружил такую же солонку с датой «1849» и всё с той же перевёрнутой девяткой! А это уже типология! Вокруг подобной вещи можно проводить полноценный музейный урок.

Или другой пример. В светлице слева от входа висят армяк, пояс и соломенная шляпа, которые можно «прочитать» как будничную одежду псковского крестьянина. Но вкупе – это уже народный костюм Пушкина, в каком он прогуливался по Святогорской ярмарке в мае 1825 года. Почему шляпа соломенная, почему, по мнению «псковской дамы Дуриной», этот наряд – «безнравственный и безрассудный», почему у мужчин было принято завязывать кушак ниже живота и так далее? Ещё один урок и ещё один сюжет внутри традиционной экскурсии.

Новые формы экскурсионного обслуживания, театрализация и интерактив, повлекли за собой необходимость в копийных экспонатах. Партия таких предметов была изготовлена для музея в профессиональном лицее № 14 города Пскова. Сейчас эти вещи активно используются в праздничных мероприятиях и экскурсиях по музею. Точно так же свой колорит в «деревенский портрет» Бугрово внесли народные костюмы, представляющие из себя реконструкцию одежды псковских крестьян пушкинского времени.

Копии и новоделы понадобятся для реализации предполагаемых «сюжетных экскурсий». Пример подобной экскурсии – экскурсия «Наткала бы полотно...» на основе «Сказки о царе Салтане», предполагающая интерактивное технологическое сопровождение. В 20-х годах XX века в деревне Луговке была записана сказка: «Три сестрёнки чесали в

байне лён. Одна и говорит: «Вот если б меня государь замуж взял, я б весь мир бы одела одной ллиной...»¹. Вероятно, это народный вариант пушкинского произведения. Баня в музее «Пушкинская деревня» есть, лён выращивается на огороде. Осталось приобрести и изготовить: мялку, драчку, трепало, карзу, гребень, ткацкий стан.

Другой актуальный и востребованный сюжет – «Свадьба». Большая часть песен, записанных Пушкиным в Михайловском, – свадебные. Главное – это, конечно, исполнители, но фон песне должны составить сундуки, невестино приданое, свадебный наряд и предметы, имеющие глубокую символику: квашня, водолей, полотенца, солонка, кровать для новобрачных...

Экспозицию в «Доме поэта» в Михайловском называют «классической». Экспозицию в «Пушкинской деревне» я бы назвал «романтической». Она динамична, разнообразна и вовсе не претендует на истину в последней инстанции. В её состав входят фондовые предметы, постройки, копии, технологические устройства, музыкальные инструменты, народные песни и даже запахи деревни. Историческая правда – постоянна, но наш взгляд и способы нашего восприятия истории постоянно меняются. Отсюда поиск разных методов музейного рассказа о вечном. О Пушкине.

---

¹ Сказки и легенды Пушкинских мест. СПб., 2004. С. 44.

**ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ
(1971–1990)**

По материалам музейного научного архива

С момента своего образования в 1922 году Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник) проводит широкомасштабную работу среди местного населения и многочисленных гостей Пушкиногорья. Одним из важнейших видов деятельности музея является выставочная работа.

На жизнь Пушкинского Заповедника в целом и выставочную деятельность в частности всегда оказывали большое влияние политическая ситуация в стране, экономические условия, изменения в теории и практике музейного дела, эстетические приоритеты и дизайнерские достижения.

В 1970-е годы ощутимо возрос массовый интерес к гуманитарным знаниям вообще и к истории в частности. Заговорили даже о своеобразном музейном «буме». Чтобы удовлетворить возросшие потребности общества, в Пушкинском Заповеднике увеличили число экскурсий и лекций, больше стало и выставок. С 1971 по 1990 год в заповеднике было организовано 275 выставок самой разнообразной тематики, из собственных фондов и из частных коллекций, с использованием материалов пушкинского времени и работ современных художников. Эти выставки далеко не равноценны по своему масштабу и значению, количеству и значимости экспонатов, но они сделали музей более привлекательным для различных категорий посетителей.

Традиционно бóльшая часть выставок посвящена жизни и творчеству А.С. Пушкина, его эпохе, современникам, местам, связанным с именем великого поэта. В заповеднике придерживаются «пушкинского календаря», в котором выделяются три даты. Это день смерти А.С. Пушкина (февраль), день его рождения (июнь), в августе же проводят научные чтения, посвящённые очередной годовщине приезда поэта в михайловскую ссылку. Обычно выставки устраивают к этим памятным датам. Как важное культурное событие они освещаются в периодической печати, на телевидении. Издаются их краткие каталоги.

К 1971 году заповедник уже обладает достаточным количеством выставочных площадей: в Михайловском, в Доме-музее Осиповых и Вульффов в Тригорском, в Братском корпусе Святогорского монастыря-музея. Кроме того, в качестве шефской помощи научные сотрудники делают выставки на разные темы в школах, в Домах культуры, библиотеках и других организациях. Становятся регулярными выставки за пределами не только Пушкиногорского района, но и Псковской области и даже за рубежом. Все они пользуются большой популярностью, их с интересом посещают. Организация выставок сопровождается соответствующей документацией, которую тщательно собирают и хранят.

В 60–70-е годы прошлого века выставочные залы в Тригорском работали только во время экскурсионного сезона. На зимний период Дом-музей, а с ним вместе и выставки закрывали. Те, что пользовались наибольшей популярностью, продолжали свою работу и в последующие сезоны. Так, выставку гравюр А.И. Мищенко «Пушкинские места нашей Родины» демонстрировали в экскурсионные сезоны с 1968 по 1974 год.

С течением времени территория Пушкинского Заповедника увеличивается. В 1967 году в его состав вошёл филиал – музей-усадьба Н.А. Римского-Корсакова в Плюсском районе, сотрудники которого активно включились в выставочную деятельность. В 1971 году они оформили передвижную выставку «Н.А. Римский-Корсаков на Псковской земле», которая работала в Домах культуры Заплюсья и Плюссы.

Далеко не все желающие имели возможность приехать в Пушкиногорье, увидеть заповедные михайловские рощи, полюбоваться на восхитительные «подвижные картины», «деревенский кабинет» поэта, где зарождались характеры и зрели поэтические образы. Сотрудники заповедника ещё в 1960 году создали передвижную выставку «Пушкинские заповедные места», которая (позже – в несколько переработанном варианте) в течение многих лет путешествовала по территории нашей страны и за рубежом. Её демонстрировали в Латвийской ССР – в Резекне (Резекненский краеведческий музей, 1971 и 1972 годы), в городах Лудза, Карсава, Зилупе (1973); в Новгороде (Новгородский областной историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, 1971); в Азербайджанской ССР – в городе Кировабаде (Кировабадский историко-художественный музей имени Низами, 1972); в Дагестанской АССР – в Махачкале (Республиканский музей изобразительных искусств, 1972–1973); в Чечено-Ингушской АССР – в Грозном (Республиканский музей изобразительных искусств, 1973–1974); в Коми АССР – в Сыктывкаре

(Республиканский краеведческий музей, 1975); в Смоленске (Областной музей изобразительных искусств имени С.Т. Конёнкова, 1975); в Вологде и Калининграде (1976); в Пензе (1980) и других городах нашей страны. Везде она вызывала большой интерес у посетителей, о ней сообщали в СМИ. Выставку представлял заместитель директора по научной части В.С. Бозырев, проводивший по ней экскурсии и консультации.

С 1957 года в Пушкинском Заповеднике проходит творческая практика студентов I курса Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. И как итог – интереснейшие выставки работ начинающих художников, ставшие традиционными.

С 1973 года регулярно проводятся «дни открытых дверей с целью углублённого ознакомления сельских тружеников с музеями и фондами заповедника»¹. Работа на селе в это время – одна из важнейших, она стоит отдельным пунктом в планах и отчётах тех лет. Выставочная деятельность открывала здесь большие возможности. Для сельских жителей организовывали специальные выставки-передвижки на самые разные темы. В 1971 году возник проект «Выездной музей»: «Дирекцией Заповедника 12–14 марта был направлен автобус с экспонатами передвижной выставки и группой научных сотрудников в бригады коммунистического труда совхоза им. Кирова (Кожняки Полянского с/совета). «Выездной музей» работал также в совхозах «Исса» (п. Исса) и Зарецкий (д. Зимари) Пушкиногорского района, где демонстрировались кинофильмы о Пушкинском Заповеднике. В эти дни «выездной музей» и фотовыставку... посетило 260 рабочих совхоза»².

Сотрудники музея часто ездили в научные экспедиции по близлежащим территориям. Они собирали материалы для фондовых коллекций и знакомили местных жителей с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, с его эпохой, рассказывали о Пушкинском Заповеднике. В этом очень помогали передвижные выставки. Так, например, в 1971 году была организована экспедиция в Новосokolьнический район Великолукской области. Наряду с лекциями и рассказами местным жителям была предложена и передвижная выставка «Пушкинский Заповедник». За период её работы, с 15 по 20 марта, выставку посетило около 1 600 человек³. А в 1973 году «...осуществлена новая, ранее не применявшаяся заповедником форма работы: комплексная экспедиция большой группы научных

---

¹ НА ПЗ. Д. 1067, л. 57.

² НА ПЗ. Д. 955, л. 23.

³ НА ПЗ. Д. 955, л. 24.

сотрудников в сельские районы. В Лудзенском, Карсавском и Зилупском районах Латвии участники экспедиции выступали с лекциями, докладами и научными сообщениями в колхозах, совхозах, сельских школах, сельскохозяйственных техникумах и профтехучилищах. Сельским труженикам демонстрировались фильмы о Пушкине и Пушкинском Заповеднике... Одновременно широко экспонировалась передвижная выставка из фондов заповедника, рассказывающая о музеях и памятниках Пушкинского Заповедника. В дни пребывания экспедиции в этих районах (5 дней) местная печать дала специальные пушкинские страницы, подготовленные сотрудниками заповедника. Мероприятия проведены по просьбе местных партийных органов»¹. В таких случаях выставки служили своеобразной иллюстрацией и к поэтическим произведениям А.С. Пушкина, и к выступлениям научных сотрудников.

В своей выставочной работе Пушкинский Заповедник плодотворно сотрудничал с другими музеями. В 1972 году здесь экспонировали выставку «Пушкинский Петербург» из фондов русского отдела Эрмитажа. Выставка пользовалась очень большой популярностью, за период работы её посетило 30 тысяч человек². В книге записи впечатлений 35 отзывов положительного характера. Вот один из них: «Спасибо за выставку! В прекрасных работах современников Пушкина видишь Петербург Пушкина, его друзей и знакомых. Выставка имеет большое эстетическое и познавательное значение. 1.09.1972 г., г. Ленинград. Шукинская»³.

Ленинградский художник В.М. Звонцов – давний друг Пушкинского Заповедника. Произведения художника всегда пользовались большой любовью. Поклонники его таланта с нетерпением ждали каждой новой встречи с мастером и его работами. В 1973 году такая возможность у них появилась. На суд зрителей Василий Михайлович представил рисунки и офорты, посвящённые пушкинским местам Псковского края. «Работы художника – это не простое любование пушкинской эпохой, историей. С одинаковой любовью создаёт он и виды пушкинских мест, и глубоко содержательные иллюстрации к поэтическим произведениям великого поэта, к путеводителям и памятникам по заповедным пушкинским местам. Особо хочется отметить офорты – миниатюры художника, в которых нас поражает ювелирность каждой линии, каждого штриха. Произведения В.М. Звонцова сегодня находятся во многих музеях страны. Ряд

---

¹ НА ПЗ. Д. 1067, л. 56.

² НА ПЗ. Д. 988, л. 68.

³ НА ПЗ. Д. 1010, л. 2.

его работ представлен в постоянной экспозиции дома-музея Пушкина в Михайловском и дома-музея Осиповых-Вульф в Тригорском. Это 4-я выставка работ Звонцова в заповеднике», – писал С.С. Гейченко в каталоге к выставке. За рассматриваемый период В.М. Звонцов неоднократно выставлял свои работы в заповеднике: в 1973, 1974, 1975, 1977–1979, 1987 годах. Работы художника хранились и в фондах. Из них создавали персональные передвижные выставки, их включали в состав различных экспозиций.

Память о Великой Отечественной войне всегда живёт в наших сердцах. Много горя, бед и разрушений принесла война нашей стране. Ущерб, причинённый Пушкинскому Заповеднику, составил 22 миллиона 98 тысяч рублей¹. После освобождения «...Михайловское являло вид печальной развалины. По дорогам и памятным аллеям ни пройти, ни проехать. Всюду завалы, воронки, разная вражья дрянь. Вместо деревень – ряд печных труб. На «границе владений дедовских» – вздыбленные подорванные фашистские танки и пушки. Вдоль берега Сороти – развороченные бетонные колпаки немецких дотов. И всюду, всюду, всюду ряды колючей проволоки, повсюду таблички: «Заминировано», «Осторожно», «Прохода нет», – вспоминал в одном из интервью директор Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко. – Пять лет работали сапёры. Двое солдат погибли, очищая пушкинскую святую землю от скверны немецких мин... Одиннадцать тысяч мин – страшная взрывная сила, которой враги хотели преградить путь народу к Пушкину... Но уже 6 июня, через 27 дней после окончания войны, в Михайловском состоялся пушкинский праздник...»².

О подвигах советских людей по восстановлению заповедных мест и мирной жизни на Псковской земле, о разрушениях и победах рассказывала выставка, посвящённая 30-летию освобождения Пушкинского Заповедника от немецко-фашистских захватчиков. Её открыли в 1974 году в Тригорском. Выставка вызвала большой интерес у публики. Участник Великой Отечественной войны, ветеран дважды Краснознамённого Балтфлота В.Я. Ильин, посетивший выставку 23 августа 1974 года, записал в книге впечатлений: «Пятьдесят лет, как я хожу в Заповедник, за исключением военных лет. Первый раз был в 1924 г. в августе, нече-

---

¹ Кацнельсон Е. Документы о Пушкине в Псковском госархиве // На рубеже тысячелетий. Книга о людях культуры и искусства. Псков, 2002. С. 231.

² Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко (1945–1993): Сборник. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 226.

вал со школьниками и учителем Судоровским И.В. в школе городища Воронич. С тех пор и посещаю Заповедник. Очень впечатляет выставка «30 лет освобождения...». В боях я помнил о своих пушкинских местах. Это моя родина, и мне приходилось рисовать панорамы переднего края прорыва блокадного Ленинграда и снятия блокады, – всё представляется очень свежо и образно. Спасибо Вам, дорогие товарищи!»¹.

Видоизменяясь и пополняясь новыми материалами, меня названия, экспозиция, посвящённая Великой Отечественной войне и освобождению, существовала в течение всего рассматриваемого периода.

Музей активно участвовал в различных культурных программах. В 1975 году по «...программе культурного обслуживания трудящихся нечернозёмной зоны РСФСР, разработанной Министерством культуры, Пушкинский Заповедник организовал 2 художественные выставки из своих фондов в г. Сыктывкаре (Коми АССР) и г. Смоленске. Выставку в столице Коми открывал Министр культуры республики тов. Колечов, который подчеркнул большое значение выставки в культурной жизни столицы республики. <...> За большую и успешную работу по пропаганде наследия А.С. Пушкина и эстетическому воспитанию трудящихся Коми АССР, Пушкинский Заповедник награждён Почётной грамотой Министерства культуры Коми АССР»². С успехом прошла и выставка в Смоленске.

В 1974 году «...была осуществлена новая форма выставочной деятельности – выставка одной новой картины на Пушкинскую тему: в районном Доме культуры экспонировалась дипломная работа выпускника живописного факультета Академии художеств Л. Гервица «Пушкин в Михайловском»³. В 1976 году работу в такой форме решили продолжать. Зрителям была представлена картина А. Соколова «Пушкин в гостях у П.А. Ганнибала в Петровском»⁴. Одновременно с ней в Тригорском открылась и персональная выставка художника, посвящённая 177-й годовщине со дня рождения великого поэта и X Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. В книге впечатлений есть необычная для того времени запись. Ее сделал «Вл. Сосинский, искусствовед, литературовед, бывший сотрудник ООН, кавалер французского Военного креста с мечом», посетивший выставку 9 июня 1976 года: «Хороший художник А. Соколов. Дай Бог ему дальнейших успехов. Он давно уже не ученик,

---

¹ НА ПЗ. Д. 1005, л. 3 об.

² НА ПЗ. Д. 1128, л. 46.

³ НА ПЗ. Д. 1095, л. 14.

⁴ НА ПЗ. Д. 1207, л. 58.

имеет своё лицо. И вот на этой выставке он поразил меня ещё раз – что ухитрился Пушкину придать какое-то новое выражение – до сих пор не знакомое в бесчисленных его портретах и автопортретах. Bravo! Он блестяще справился с трудной задачей»¹.

4 июня 1977 года состоялось торжественное открытие Дома-музея в Петровском. В честь гостей XI Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии в восстановленном доме «открыт в полном убранстве приёмный зал»², а в выставочных залах – две «новых стационарных художественных выставки:

1. Выставка миниатюр на пушкинские темы, работы художника В.М. Звонцова.

2. Выставка офортов художника Энгеля Насибулина «Легенда арапа Петра Великого»³.

Дирекция Пушкинского Заповедника планировала постройку нового, хорошо оборудованного музейного центра, с большими выставочными площадями, фондохранилищами, концертными залами и другими необходимыми помещениями. В 1978 году «к XII-му Дню поэзии в Малом зале турбазы была развёрнута выставка материалов проекта сооружения научно-культурного центра в п. Пушкинские Горы, разработанного Московской архитектурно-строительной мастерской (Моспроект 16) под руководством академика Д.Н. Чечулина и В.А. Мазурина. На выставке представлены: макет сооружения, крупноформатные фотографии его, планы местности, детали сооружения»⁴. Выставка на турбазе действовала всего девять дней. В связи с тем что Псковский обком КПСС и облисполком утвердили проект, а также ввиду большого интереса публики к выставке её было решено продлить. Поместили выставку уже в Петровском, в малом зале верхнего этажа Дома-музея. Это событие вызвало большой резонанс. В обсуждении проекта центра «приняли участие и ведущие деятели культуры страны, и многочисленные ценители поэзии великого русского поэта. <...> На совещании в Совете Министров РСФСР было поручено Министерству культуры РСФСР принять активное участие в уточнении программного задания архитектурного решения центра», – писал в статье «Будущее Пушкинских Гор» С.С. Гейченко⁵.

---

¹ НА ПЗ. Д. 1171, л. 2.

² Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко... С. 276.

³ НА ПЗ. Д. 1248, л. 94.

⁴ НА ПЗ. Д. 1298, л. 76.

⁵ Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко... С. 289.

В 1979 году в нашей стране торжественно отмечали 180-летие со дня рождения А.С. Пушкина. К этой памятной дате в Пушкинском Заповеднике было открыто четыре выставки. В выставочных залах Тригорского совместно с Государственным художественным музеем БССР была размещена «художественная выставка работ народного художника РСФСР и БССР В.К. Бялиницкого-Бируля, на которой представлено свыше 40 произведений художника. Это самое полное собрание его работ, собранных в каком-либо из музеев страны»¹. Выставку высоко оценили и сами организаторы – сотрудники Пушкинского Заповедника: «Забываешь, что находишься в зале. Кругом – милая, родная природа. Столько воздуха, что захлестывает с головой – и не хочется уходить с выставки. Прекрасно!»².

В выставочных залах Петровского и Братского корпуса Святогорского монастыря-музея к этой годовщине также были открыты художественные выставки:

- художника-графика, члена-корреспондента АХ СССР, заслуженного художника РСФСР В.А. Ветрогонского;
- ленинградских художников Л. Гервица, А. Фильчакова, С. Репина, В. Алексеева;
- ленинградского живописца В. Кранца.

«Все эти выставки были торжественно открыты в присутствии писателей и поэтов – участников XIII-го Всесоюзного пушкинского праздника поэзии»³.

Публика активно посещала все выставки. Только за III квартал 1979 года на них побывало 55 тысяч человек⁴.

В 1980 году в выставочных залах Дома-музея Осиповых и Вульфов в Тригорском с большим успехом прошла выставка художников Е.И. и В.Е. Пашковых. На ней было представлено 48 работ на пушкинские темы. С 1 июня по 10 октября её посетило 87 тысяч человек. Один из посетителей, директор Пушкиногорского бюро путешествий и экскурсий Алексей Николаевич Иванов, написал в книге впечатлений: «Я с середины 60-х гг. лично знаю художников Пашковых. И всегда восхищался тем, как они любят и знают Пушкина, как умеют воплотить, пусть на совсем небольших миниатюрах то, что известно нам ещё со школьных лет. Я имею в виду прежде всего сказки Пушкина. Необычная яр-

---

¹ НА ПЗ. Д. 1365, л. 3.

² НА ПЗ. Д. 1328, л. 5.

³ НА ПЗ. Д. 1365, л. 3.

⁴ НА ПЗ. Д. 1365, л. 15.

кость, красочность, колоритность изображаемого напоминают работы палехских художников и буквально поражают. Кажется даже, ещё не прочитав пушкинскую сказку, по работам Пашковых можно сочинить свою сказку. И, наверное, эта твоя сказка будет близка по содержанию к пушкинской. Спасибо вам за ваш большой труд, за вашу любовь к великому гению Пушкина»¹.

С 5 по 14 мая 1981 года Пушкинский Заповедник был впервые представлен в городе Пловдиве (Болгария), на Международной ярмарке промышленных и продовольственных товаров. Выставка была «сделана по заданию Управления музеев Министерства культуры РСФСР совместно с Торгово-промышленной палатой СССР. Сопровождавший выставку зам. директора музея-заповедника провёл по экспозиции свыше 200 экскурсий и консультаций, а также выступил с лекциями и докладами в Пловдивском университете и гимназии, обществе болгаро-советской дружбы, в производственно-научном сельскохозяйственном объединении им. Г. Димитрова»².

В 1982 году исполнилось 60 лет Пушкинскому Заповеднику. К этой памятной дате сотрудники заповедника подготовили шесть выставок:

- Выставка «Пушкинский Заповедник – памятник социалистической культуры», которая открылась 9 марта 1982 года в Ленинграде, в консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, в фойе зала имени А.К. Глазунова.

- Два варианта выставки «Пушкинскому Заповеднику – 60 лет». Первая открылась 14 марта 1982 года в фойе актового зала Пушкиногорской турбазы, а вторая, путешествуя по Пушкиногорскому району, побывала в совхозе имени А.С. Пушкина, в Доме культуры колхоза «Победа», в сельских Домах культуры Велейского и Васильевского сельских советов.

- Выставка-передвижка «Пушкинский Заповедник вчера, сегодня, завтра», которую в течение года демонстрировали в колхозах, совхозах, сельских Домах культуры, школах, клубах, предприятиях Псковской области.

- Выставка «Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков», побывавшая за этот год в городе Резекне Латвийской ССР, в Псковской областной библиотеке имени В.И. Ленина и в Пушкиногорской районной библиотеке.

---

¹ НА ПЗ. Д. 1614, л. 5.

² НА ПЗ. Д. 1448, л. 10.

- Выставка-передвижка «Пушкинский Заповедник сегодня», работавшая в течение года в колхозах, совхозах, сельских Домах культуры, школах, клубах Псковской области.

Всего в 1982 году выставки, организованные сотрудниками заповедника, посетило 127 464 человека¹.

Практиковали в Пушкинском Заповеднике устраивать и кратковременные выставки для оформления торжественных вечеров, конференций, совещаний и так далее. Действовали они от одного до нескольких дней. Их основными зрителями и ценителями были участники этих событий. Например, с 1981 по 1983 год для оформления торжественных вечеров, посвящённых памяти А.С. Пушкина, 10 февраля, готовили выставки из новых поступлений в фонды и музейную библиотеку. В 1983 году «в фойе Пушкиногорского Дома культуры была устроена выставка материалов проекта строительства научно-музейного центра в посёлке Пушкинские Горы. <...> Выставка экспонировалась... для участников республиканской конференции строителей 23–26 марта сего года. По окончании конференции выставка была размонтирована, а материалы её отправлены в Михайловское»². 13 апреля 1984 года «к литературному вечеру, который устраивал Заповедник для областного совещания советских работников, в фойе актового зала Пушкиногорской турбазы была открыта выставка из фондов музея-заповедника. <...> Выставка была размонтирована по окончании вечера»³. Эти выставки пользовались не меньшим вниманием посетителей и являлись одной из важных форм выставочной работы.

1 июня 1985 года в Доме-музее Осиповых и Вульфов в Тригорском открылась очередная выставка работ Л.В. Гервица, посвящённая XIX Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. На ней было представлено 46 произведений художника. За время работы до 10 октября 1985 года она приняла 23 тысячи посетителей⁴. В книге записи впечатлений самые восторженные отзывы. Вот некоторые из них: «Сказать новое о Пушкине нелегко в наше время. Художнику это удалось. Большое спасибо за интересную работу. Юрий Иванов. Г. Калининград»⁵. На И. Рубчинского из Киева самое сильное впечатление произвела работа «Пушкин в Тригорском». Он пишет: «Несколько неожиданно – но

---

¹ НА ПЗ. Д. 1520, л. 14.

² НА ПЗ. Д. 1522, л. 34.

³ НА ПЗ. Д. 3051, л. 32.

⁴ НА ПЗ. Д. 3052, л. 204.

⁵ НА ПЗ. Д. 1679, л. 7 об.

приглядевшись – Пушкин! Именно таким ощущаешь его. Вам удалось запечатлеть образ, остановить мгновение! Незавершённость, акварельность что ли, только на пользу работе!»¹. И, как итог, отзыв А. Мининой: «К этой выставке тянет, на неё хочется прийти ещё и ещё раз. Всё, что здесь видишь, привлекает видением такого Пушкина, которого мы любим, чувства которого мы разделяем. Молодой, вдохновенный, открытый всем радостям жизни, и где-то... предчувствие... Спасибо вам. Больших успехов»². Несомненно, эта выставка была большой удачей как для посетителей, так и для организаторов и автора работ.

В 1986 году сотрудники Пушкинского Заповедника организовали девять выставок вместо запланированных пяти³. В рамках сотрудничества с другими музеями были организованы две тематические выставки – из фондов Государственного литературного музея (Москва) и Литературного музея ИРЛИ АН СССР (Ленинград): «Пушкин и его современники» и «Рукописное наследие А.С. Пушкина и его хранение в СССР». Выставки открыли в преддверии XX Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. Этот опыт был необычайно полезным и интересным. Вот что писала инженер из Куйбышева И. Константинова, посетившая экспозицию «Пушкин и его современники: «Спасибо за замечательную выставку! Как это важно для меня – заглянуть в глаза современникам Пушкина, представить, какими были его друзья и враги... Какая радость – ещё раз увидеть портреты декабристов, Д. Давыдова, Баратынского, Карамзина, молодого Гоголя, В.Ф. Одоевского и др. старых знакомцев! Пожалуйста, приезжайте ещё раз к нам в Куйбышев! У нас многие интересуются Пушкиным и будут рады выставке»⁴.

В 1986 году «музей-заповедник приобрёл 52 художественные крупноформатные фотографии с выставки В. Ахломова и получил в дар 60 графических работ В. Алексева»⁵. Выставка В. Ахломова стала передвижной, и в этом же году её демонстрировали в Домах культуры совхоза «Заревский» (29 октября – 9 ноября) и совхоза «Исса» (21 ноября – 25 декабря)⁶. Пушкинский Заповедник участвовал и в организации московской юбилейной выставки известного советского художника Б. Щербакова, предоставив работы мастера, хранящиеся в фондах⁷.

¹ НА ПЗ. Д. 1679, л. 8.

² НА ПЗ. Д. 1679, л. 9 об.

³ НА ПЗ. Д. 1769, л. 14.

⁴ НА ПЗ. Д. 1742, л. 2.

⁵ НА ПЗ. Д. 1769, л. 9.

⁶ НА ПЗ. Д. 3052, л. 108, 119.

⁷ НА ПЗ. Д. 1769, л. 9.

Во второй половине 80-х годов выставочная деятельность начинает меняться. Из планов и отчётов уходит стоящая «отдельным пунктом» работа на селе. Хотя заповедник продолжает оказывать различную помощь пушкинским уголкам и клубам в школах, в сельских Домах культуры и других организациях, но из перечня обязательных выставок-передвижек уходят такие, как «Пушкин – атеист», «Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском», «Музей «Домик няни» в Михайловском», «Пушкин и Арина Родионовна». Эти выставки в течение десятилетий делали в нескольких экземплярах для демонстрации сельским жителям и в школах районов Псковской области. Зачастую их дарили, после чего они становились основой экспозиций в пушкинских уголках и клубах. Идеологический уклон постепенно перестаёт быть обязательным приоритетом для авторов выставок. Экспозиции приобретают эстетическую целостность и стилистическое единство, в которых прошлое и современность говорят сами за себя языком исторического события, реликвий и произведений искусства, а цитаты вождей и партийные решения уже не самое важное при их создании. Огромное значение приобретает и своеобразие художественного решения в освоении выставочного пространства.

То же можно сказать и о Пушкинском Заповеднике. Уходят выставки на политические темы. Сотрудники стремятся показать пушкинскую эпоху, используя разнообразные, в том числе и современные материалы. Даже выставка, посвящённая 70-летию Великого Октября и открытая в Братском корпусе Святогорского монастыря-музея с 4 по 12 ноября 1987 года, больше отражала музейную жизнь и представляла новый проект под названием «Научно-музейный центр Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина», нежели утверждала преимущества идеологии Советской власти.

При этом по-прежнему важное место занимали художественные выставки из авторских собраний. 21 августа 1988 года в Братском корпусе Святогорского монастыря-музея открылась выставка произведений пяти художников, членов одной творческой семьи Шретер-Фильчаковых. В каталоге к выставке читаем: «Марианна Шретер и Геннадий Фильчаков учились в институте им. И.Е. Репина, проходили летнюю творческую практику в заповеднике. Пушкинская тема – одна из главенствующих в их творчестве. Они частые и желанные гости музея-заповедника А.С. Пушкина. Их сын – Пётр Геннадьевич – тоже художник. Он учится в Средней художественной школе при институте им. И.Е. Репина и часто бывает в Пушкиногорье. Известные архитекторы-художники Ле-

нинграда Логин Логинович Шретер и его супруга Ольга Александровна Иванова бывали в заповеднике «в разны годы»¹. На выставке были представлены произведения художников на пушкинские темы – всего около 50 рисунков и акварелей, которые чрезвычайно высоко оценили посетители.

Павел Бунин тоже был частым гостем Пушкинского Заповедника. В 1989 году открылась его выставка, посвящённая пушкинской драме «Борис Годунов». Произведения художника отличались большим своеобразием, хорошим знанием эпохи и человеческих характеров, глубоким проникновением в творческий замысел поэта. «Когда смотришь работы П.А. Бунина (это давнее моё ощущение), становится тревожно на душе: словно прояснилась поволока времени и сквозь неё смотрят на нас неведомые нам и в то же время узнаваемые (и это странно тем более!) русские типы. Как будто не сам художник рисует, а его рукой движет Время! И расплывы краски уведут нас в тот мир, а он опять возвращается к нам»² – такое впечатление произвела выставка на жительницу Ленинграда А.И. Корнееву.

В 1990 году в заповеднике открылись четыре выставки. Одна из них – памяти Владимира Александровича Самородского, 30 лет отдавшего работе в музее. На ней стоит остановиться особо. Начинал Владимир Самородский цветоводом. Но, как заметила корреспондент «Комсомольской правды» О. Васильева, «...зоркий глаз Гейченко вскоре углядел, что природа подарила парню золотые руки умельца. Так появился в заповеднике свой чеканщик. А у Володи Самородского появился свой Пушкин, своё Михайловское, своя Савкина горка»³. В статье, посвящённой Владимиру Александровичу, Элеонора Фёдоровна Лобанова пишет: «Общение с замечательными художниками, приезжавшими отовсюду в Михайловское, жизнь в живописной деревне Савкино окончательно повлияли на формирование профессиональных его интересов, так что очень скоро и естественно он определился как художник-реставратор. В атмосфере доверия набирал мастерство, занимался живописью и графикой, прикладным искусством»⁴.

В экспозиции всех четырёх музеев в то время находились вещи, сработанные Владимиром Самородским. Он изготовил и копию посмертной

---

¹ НА ПЗ. Д. 1900, л. 2.

² НА ПЗ. Д. 1871, л. 1.

³ НА ПЗ. Д. 1942, л. 2.

⁴ Там же.

маски Пушкина, для отливки которой разработал собственную технологию, гарантирующую высокое качество исполнения, и гипсовый барельеф Арины Родионовны, и ручку Е.Н. Вревской, и памятные медали, макеты мемориальных зданий, птичьи домики, голубятни... Многими этими вещами мы можем любоваться и по сей день. Картины художника неоднократно экспонировали на выставках в Пскове и Пушкинских Горах.

Художник оставил добрую память среди пушкиногорцев. О мастере напоминают и сад школы-интерната, разбитый по его плану, и мемориальная доска на улице Михайлова, и памятники на местном кладбище. Помогал он и в реставрации Казанской церкви.

В книге посетителей выставки памяти Владимира Самородского много записей. Вот отзыв сотрудников Пушкинского Заповедника Г.Ф. Симакиной и А.И. Давыдова: «Выставка памяти В. Самородского, замечательного одарённого человека, состоявшегося как личность, как художник в святых пушкинских местах, оставляет сильное впечатление. Щедрость широкой русской природы воплотилась в нём сполна. Живописные работы, поделки, фотографии, реставрации – лишь малая часть того, что он оставил после себя в благодарной памяти всех, знавших его. Спасибо большое за радость встречи с В. Самородским!»¹. Эта выставка оказалась одной из самых значимых для сотрудников заповедника.

Идёт время. Происходят глобальные изменения во всех сферах нашей жизни. Совсем неожиданно одной из актуальных проблем сегодняшнего дня стала необходимость сохранения национальной культуры в условиях разрушения традиционной системы ценностей и процессов глобализации. Выставочная деятельность всегда направлена на созидание. Пушкинскому Заповеднику удаётся собирать, сохранять и показывать историю и при этом быть современным – словом, жить, чувствуя время.

---

¹ НА ПЗ. Д. 3216, л. 1.

ОНТОЛОГИЯ «ВЕЩЕЙ» В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ЕЁ «БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ»
ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКОЙ

В статье, предлагаемой вниманию читателя, речь пойдёт об одном онтологическом принципе пушкинского стиля, до сих пор неправомерно остающемся в тени, не учтённом позднейшим литературоведением. Впервые на него указал В.В. Розанов, – возможно, опираясь на прижизненную критику пушкинских сочинений, где тот же принцип постоянно высвечивался, обнаруживая разные уровни онтологичности. Розанов имеет в виду «завершённость», характерную для пушкинского художественного мировидения, по позднейшему определению, «бытия слова и мира»¹. Центром внимания Розанова выступает феноменологическая, ранее не отмечавшаяся черта «духа» поэта: «В Пушкине есть одна мало замеченная черта: по структуре своего духа он обращён к прошлому, а не к будущему. Великая гармония его сердца и какая-то опытность ума, ясная уже в очень ранних созданиях, вытекает из того, что он существенно заканчивает в себе огромное умственное и вообще духовное движение от Петра и до себя»². В данном высказывании наиболее существенным нам представляется наблюдение Розанова относительно ранней «опытности ума» и «великой гармонии сердца», которые наличествовали в поэте словно бы изначально в виде качеств «натуры» и которые исключают приписываемые его сочинениям функции «пророчества» и предвидения³.

¹ Термин «онтологический» употребляется нами в том значении, какое традиционно придаёт ему филологическая наука. Сошлёмся на рассуждения Н.К. Гей в фундаментальном труде о прозе А.С. Пушкина (глава «Онтология пушкинского слова»): «Слово у Пушкина... обязательно больше себя самого. <...> Это онтология, бытие слова и мира, его бытийственность. Оно свободно от описательной и объяснительной предикативности... не требует жизненных, психологических объяснений, оценочных и интеллектуальных обоснований...» (*Гей Н.К.* Пушкин-прозаик. Жизнь – Творчество – Произведение. М., 2008. С. 46). Не менее продуктивно в свете нашей задачи применение термина «телеология» к философии творчества А.С. Пушкина (см.: *Фортуатов Н.М.* «Повести Белкина» как художественная структура (к вопросу о матричном принципе анализа) // *Болдинские чтения.* Н. Новгород, 2009. С. 200–209.).

² *Розанов В.В.* О Пушкине: Эссе и фрагменты. М., 2000. С. 193.

³ Там же. С. 298.

Если принять предположение В. Розанова о таящейся в самых глубинах мировосприятия первопричине этих свойств, можно уяснить черты поэтики, ускользающие при другом подходе: стяжение «времени» (от настоящего – к прошлому, «воспоминание *всех* мировых эпох»¹, синтез переживаний, в итоге равный «покою» и «гармонии», «завершённость» как основной онтологический принцип стилевой организации целого². В данном случае нас интересует тот аспект глубокого наблюдения Розанова, который проецируется на поэтику «вещей». Онтология «вещной» топики в произведениях Пушкина не может выпасть из концепции философа, поскольку заостряет проблему «слова» с точки зрения «бытийственной». Об этом свидетельствуют и подходы, намеченные прижизненной критикой, в первую очередь, беллетристами-нравоописателями, привлёкшими внимание к номинативному плану слова.

Ф.В. Булгарин, например, отметил определяющее, на его взгляд, свойство поэтики «Евгения Онегина»: преобладание в пушкинской «пестроте» описаний «наименования вещей». По поводу VII главы романа в рецензии Булгарина сказано: «...описания состоят только из наименования вещей, из которых состоит предмет, *без всякого распорядка слов*»³ (курсив наш. – Н.В.). Последнее замечание особенно знаменательно: рецензент настаивает на иерархии в распределении предметов, понимая её в риторическом смысле – как принадлежность предмета к закреплённой за ним области стилового выражения. В данном случае каноническое мышление Булгарина является основанием для постановки проблемы, которая станет со временем одной из самых востребованных исследователями-пушкинистами: проблемы соотношения в поэтике Пушкина разных стилиевых «систем» (Е.С. Хаев). Своеобразие булгаринской оценки (оно же – и обратная сторона её банальности) в том, что она нацеливает на восприятие буквально явленного в слове, и не в каком-либо (опосредованном) его преломлении и освещении, а в непосредственном соотнесении с предметом как таковым.

Булгарин, в котором не без основания видят критика необъективного, в своих суждениях, по-видимому, не был одинок. О том же и с

¹ Там же. С 192.

² См. об этом в нашей статье: «Завершённость» как онтологический принцип пушкинского стиля», отразившей содержание доклада на Болдинских чтениях (2009): Болдинские чтения 2010. Саранск, 2010. С. 75–83.

³ Булгарин Ф.В. «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 235.

опорой на те же текстовые примеры пишет критик антибулгаринской эстетической ориентации – Н.И. Надеждин. Его сарказм в известном смысле стóбит прямолинейности Булгарина. В ряду иронических похвал есть и такая: «Но – драгоценнейшее сокровище VII главы есть без сомнения – *описание* Москвы, которое, правду сказать, одно и составляет всю её поэтическую *реальность*». Ниже приводится тот же фрагмент, что и в «Северной пчеле»:

Уже столпы заставы
Белеют...¹

Булгарина не интересуют мотивации «сочетаний несочетаемого», которыми окрашен весь экспрессивно-образительный строй седьмой главы и романа в целом. Он видит и интерпретирует иронически то, что считает принадлежащим наличной данности («одномысленным моментам слова»²). Это и несоответствие «низких» предметов теме Москвы, предполагающей гражданскую патетику: «Читатель ожидает восторга при воззрении на Кремль, на древние главы храмов Божиих, думает, что ему укажут славные памятники сего *славянского Рима*, – не тут-то было. Вот в каком виде представляется Москва воображению нашего поэта:

Прощай, свидетель *падшей* (?) славы (?????)³,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несётся чрез ухабы.
Мелькают мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,

---

¹ *Надеждин Н.И.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII, сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830... С. 271.

² *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 87.

³ Комментаторы справедливо указывают, что строка первая, «вырванная из контекста», «преподносится» автором рецензии «как сомнение поэта в славе России» (Пушкин в прижизненной критике... С. 459). Следует отметить, однако, что «вырванная» из контекста строка отражает не только политический умысел Булгарина, но и ведущий принцип его методологии как нравоописателя-беллетриста: дискретность эмпирического преломления действительности дополняется абстрактно-моралистической сентенциозностью.

Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах».

И повсеместно наблюдаемые соседства разных степеней отвлечённой и конкретной лексики:

«Развозят Таню каждый день,
Представить бабушкам и дедам
Её рассеянную лень».

И даже речевые небрежности и помарки: «Что это за стихи:

И без *него* её заметя,
Об *ней*, поправя свой парик,
Осведомляется старик»¹.

Язвительная контаминация «Развозят *рассеянную лень!*», конечно, предполагает и другие аналогичные «неправильности» – в частности, предметную неоднородность поэтических рядов: «Мальчишки, лавки, фонари», «Бухарцы, сани, огороды», «Балконы, львы на воротах»; отсутствие «целого», трактуемого в риторическом смысле – как возведение частных к общей идее морально-просветительского толка. Так, относительно главы второй Булгарин пишет: «Из очерков и положенных в некоторых местах красок и теней мы узнаём кисть великого художника; узнаём её в некоторых искусно отделанных подробностях, снятых с натуры, но *не можем судить о целой картине...*»² (курсив наш. – Н.В.). С Булгариным солидарен Надеждин – по его мнению, «Евгений Онегин» и «Граф Нулин» «исполнены картинами, схваченными с натуры рукою мастерскою, одушевлённою и – даже иногда слишком – верною». Однако «верность» натуралистического типа не выкупает неправильностей излишне свободного диапазона отображаемой предметности:

---

¹ См.: Булгарин Ф.В. «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина... С. 235–236.

² Булгарин Ф.В. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава вторая // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 2001. С. 300.

«Мало ли в природе вещей, которые совсем не идут для показу?..
Дай себе волю... пожалуй, залетишь и – Бог весть! – куда!»¹.

Стихийность (В. Розанов) отмеченных словесных соединений представляется критикам избыточной, и тем примечательнее очевидный контраст с позднейшим суждением Л.Н. Толстого в письме П.Д. Голохвастову по поводу «Повестей Белкина»: «Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства»² (курсив наш. – Н.В.). Суждение это, безусловно, распространяется не только на «ученический» период пушкинской поэзии³ и не только на прозу Пушкина 30-х годов.

Последующие искания пушкинистики в той же области пошли по пути аналитического объяснения отмеченной Булгариным и Надеждиным *случайности* пушкинского поэтического лексикона. Разрабатывая теорию диалогизма, Е.С. Хаев, на примере «Домика в Коломне» и «Евгения Онегина», доказывает инородность стилевого монологизма относительно онтологических обоснований пушкинского художественного сознания: «Остановка, утверждение некоего стиля как своего ведёт к стилевому крещендо, форсированию стиля, а значит, к пародии и в конечном счёте опять же отчуждению. <...> Единственный устойчивый признак авторского сознания – его движение. *Позиция автора эквивалентна не одной из реплик диалога, а самому диалогу: процессу взаимодействия и взаимопревращения голосов*»⁴.

Выводы учёного, на первый взгляд, могут показаться прямым ответом искусственно упорядочивающим («беллетризующим») поэтику Пушкина критикам. Действительно, если пушкинское художественное слово динамично (а не статично, как полагают рецензенты) и фиксирует процесс взаимобратимых состояний жизни, то словесная «беспорядочность» отнюдь не случайна, а существенна и правомерна с формальной

¹ *Надеждин Н.И.* Две повести в стихах: «Бал» и «Граф Нулин» // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830... С. 119.

² Л.Н. Толстой о литературе. Статьи. Письма. Дневники. М., 1955. С. 144.

³ «Поэтика раннего Пушкина, – пишет Л.Я. Гинзбург, – не поэтика украшения вещей, но... поэтика отбора и тонкого сочетания прекрасных слов» (*Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л., 1974. С. 222).

⁴ *Хаев Е.С.* Болдинское чтение: Статьи. Заметки. Воспоминания. Н. Новгород, 2001. С. 47.

точки зрения. Между тем литературовед нашего времени и известный своей одиозностью издатель «Северной пчелы» говорят о разных вещах.

Для Булгарина ближайший аналог – описания «предметного мира» в его собственных романах (в них господствует *правильное*, расчисленное слово¹) и, бесспорно, в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, интерпретированном по меркам булгаринской эстетики. Словесный ряд при этом выступает самодостаточным в называющем вещи по имени «натурализме» нравоописательного типа. Но предмет в нравоописательных жанрах одновременно и «натурален», и аллегоричен, являя, по мнению Булгарина, целостный образ мира, который не теряет себя и в составе усложнённых структур (сравним с замечанием М.М. Бахтина о «борьбе с оговорённостью предмета» в эпохи становления и – что особенно важно – господства «романной прозы», о «возврате к первичному сознанию... к самому предмету в себе, к чистому ощущению... в руссоизме, натурализме, импрессионизме, акмеизме, дадаизме, сюрреализме и аналогичных направлениях»²).

Не «идею» ли «возврата к самому предмету в себе» искал и не находил в седьмой главе Булгарин? Если так, то эта позиция нуждается в объяснении и, по-видимому, не исчерпывается категорией диалогизма.

Слово Пушкина, онтологически тяготеющее к «завершённости», по мысли В. Розанова, не только запечатлевает «процесс», но и отражает «результат». Представитель постриторической и при этом ещё дореалистической словесной культуры, Булгарин постигает лишь внешнее присутствие того и другого, находя в поэтике Пушкина «незавершённость», фрагментарность, «невыведанность» на уровне бытия и стиля. Ни Бул-

---

¹ Типологическая и стиливая «правильность» отличает, например, изображение «заштатного» города в «Иване Выжигине» (1829), – города, увиденного глазами центрального героя: «Вот что видел я, бродя из конца в конец, по мосткам: оборванные мальчишки, голодные собаки, рогатый скот и домашние птицы дружно топтали грязь на середине улицы. Старухи, поджав руки, стояли у ворот бревенчатых домов и оговаривали соседок или перебранивались между собою. Взрослые мужчины толпились перед питейным домом, где заседали старики, а юноши с балалайками и варганами расхаживали перед окнами, из которых выглядывали иногда миленькие женские личики» (*Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990. С. 104*). В сущности, здесь нельзя говорить о единстве стиля: точно подобранная в избранном ракурсе предметность не столько впечатляет, сколько убеждает; не столько тяготеет к изображению, сколько упраздняет само понятие изобразительности.

² *Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 90.*

гарину, ни Надеждину не дано постичь «завершённости» пушкинского слова в том феноменальном значении, какое придает ему В. Розанов. Согласно Розанову, в слове Пушкина отображается то, что имело явную либо же «виртуально» (Е.С. Хаев) присутствующую предысторию, но уже «преодолело» её процессом жизни – отзвуки преодоленного при этом слышны, они проникают собой как детализацию предметности, так и её самый общий, универсализующий итог. «Рассеянная лень» Татьяны, как словесная формула, конечно, предполагает «нераздельность» «духовных сущностей» «образа автора» и «героев»¹, на которую указывает С.Н. Бройтман, но одновременно эта формула реализует себя и в обстоятельствах настоящего, не отменяющего метафизический уровень, – присущий классике «синкретизм», с которым не справляется типично «беллетристическое» творческое сознание болгаринского типа.

В этом смысле сущностно значимой является сквозная метафора *кружения, круговращения*, передающая мировидение автора-классика в том числе и на уровне заявленной предметности. «Вещественность» и метафизичность данной метафоры оказываются не только самостоятельными, но и взаимопроницаемыми, в чём-то едиными. Здесь налицо и качество, отмеченное ещё Надеждиным. «Не так ли точно, – спрашивает критик, – *нестреет* (курсив мой. – *Н.В.*) у нас в глазах, как если бы мы в самом деле мчались по *Тверской с Танею* (курсив автора. – *Прим. ред.*)?»². В черновиках душевное состояние Татьяны уподоблялось «кружению», создавая аналог «мелькающей» вещественности:

У Тани в шумной сей прогулке
Всё в голове *кругом* идёт.
(VI, 452; курсив наш. – *Н.В.*)

Определённым образом с той же онтологической метафорой связана и «вещественность», отмеченная Булгариным в I строфе седьмой главы: «поименование предметов без всякого порядка, как в описании Москвы и в выезде Тани из деревни». Строфа приводится в рецензии с пометами явно критического свойства:

«Её привозят и в собрание.
Там теснота, волнение, жар,

---

¹ Бройтман С.Н. Историческая поэтика: Учебное пособие. М, 2001. С. 280.

² Надеждин Н.И. «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII, сочинение Александра Пушкина... С. 272.

Музыки грохот, свеч *блистанье* (?!),
Мельканье (?!), *вихорь* быстрых пар (?!),
Красавиц легкие уборы,
Людьми п е с т р е ю щ и е (разрядка наша. – Н.В.) хоры,
Невест обширный полукруг,
Все чувства поражает вдруг (!!!).
Здесь кажут франты записные
Своё нахальство, свой жилет
И *невнимательный* лорнет (!?);
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, *прогремять* (?)
Блеснуть, пленить и улететь»¹.

В черновых вариантах: «вертятся наши прим<a>-доны» (VI, 46).

Одновременно в обозрение попадает и деревенский мир как вариация иной предметности, «не различаемой» Татьяной в реальности наличествующей:

Редает сумрак; но она
Своих полей не различает:
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.

(VI, 157)

«Движение», как видим, выглядит отнюдь не линейно, принадлежит не только сюжету в конкретном его звене: оно, по блестящей (хотя и несущей отрицательные коннотации) догадке Надеждина, – «панорамно». Анализируя «живопись» в «Графе Нулине», критик писал: это «панорама сельской, или лучше, *дворовой*, природы, раскинутая магическим ковром пред глазами Натальи Павловны...»².

«Круг» из вещественно-реального – применительно к Татьяне – превращается в «магический», обретая замкнутость в процессе «свободного» движения, которое, в своих итогах, предугадано, предreshено. Такой же – через призму «мельканья» и скрытой в нём предопределённости – предстаёт и судьба Онегина, не только на раннем, светском этапе:

Проснется за-полдень, и снова
До утра жизнь его готова,

¹ *Булгарин Ф.В.* «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина... С. 236.

² *Надеждин Н.И.* Две повести в стихах... С. 116.

Однообразна и п е с т р а (разрядка наша. – *H.B.*).
И завтра то же, что вчера.
(VI,20),

но и в эпоху зрелости, где из «магического» круга по-прежнему нет выхода:

И постепенно в усыпление
И чувств и дум впадает он,
А перед ним Воображенье
Свой п ё с т р ы й мечет фараон (разрядка наша. – *H.B.*).
То видит он: на талом снеге
Как-будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И *круг* товарищей презренных (курсив наш. – *H.B.*),
То сельский дом – и у окна
Сидит *она*... и всё она!.. (курсив автора. – *Прим. ред.*)
(VI, 183–184)

Для Пушкина эпитет «пёстрый» является ключевым: в отношении «фламандской школы» он удостоверяет некое эстетическое свойство, не подлежащее точной идентификации ни с «низким» бытом, ни с рубенсовской ветвью натурализации действительности. Это «сор» многообразия явлений жизни и «пестрота» его неуловимой многозначности. Возможно, именно в этом смысле «пёстрый» употреблялся Пушкиным применительно к романному (универсализующему) слову. Здесь «натуральность» характеризует «пёстрые строфы романтической поэмы» (XIII, 92) или «собрание пёстрых глав» (VI, 3)¹.

Конкретное и отвлечённое значения «кружения» становятся неразличимыми: они смешиваются в «пестроте» жизни, утрачивая одномер-

---

¹ О многообразном преломлении метафоры «фламандской школы пёстрый сор» (VI, 201) в поэтике А.С. Пушкина см. в нашей статье: «К проблеме «натурального стиля» в критике и филологических теориях 1820–1830-х годов («забытые» и непрояснённые аспекты)» // *Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков: Материалы научной конференции «Пятое Майминские чтения»*. 14–17 ноября 2004 года. Псков, 2005. С. 18–26.

ность, прямолинейность, тенденциозность. Именно это имел в виду В. Розанов, когда писал, что у Пушкина «нет осязаемо постоянной меры всем вещам», а есть «вообще *правда*, вообще *преlestь*»; но это «качества, а не имя предмета»¹, принципиально расходясь в данном вопросе с Булгариным. «Кружение» предполагает «беспорядочность», онтологически соответствующую вечному круговороту цветения и увядания, гибели и возрождения. «VII глава «Онегина», – как пронизательно заметил Надеждин, – назначалась самим творцом своим – повернуть пред нами *Москву* в поэтическом калейдоскопе...»². «Вещественный» ряд, по выражению Р. Якобсона, нерасторжим с «не вещественным»: эти ряды «оказываются... связанными друг с другом отношениями смежности, сходства и контраста»³.

Расположение предметов в итоге обнаруживает недопустимую с «беллетристических» позиций «неправильность», эстетическую парадоксальность, которую С.Н. Бройтман относит уже к области позднейших «неклассических структур»⁴. Булгарин сказал об этом по-своему: «...стихов прозаических и непонятно-модных бездна...»⁵, приведя в пример строфу XLIV главы VII. «Гармоническая правильность распределения предметов», таким образом, несёт в себе следы каких-то подразумеваемых перипетий, что автор и не стремится утаить, а зримо представляет читателю посредством стиля.

Онтологии Пушкина присущи не оппозиционность и, лишь с оговорками, диалогизм, а начало, нейтрализующее (и вместе с тем – утверждающее) нераздельность общего и частного, высокого и низкого, конкретного и отвлечённого, поэтического и прозаического (равнодостоинны «дворцы» и «балконы», «монастыри» и «стаи галок на крестах», «теснота» физическая и «волненье» чувств в «собрание», движение и неподвижность, часть и целое, одушевлённое и неживое и так далее). Сравнение редакций показывает, что гораздо более выраженный в черновиках «порядок» в словесной иерархии был замещён при окончательной доработке тем обликом предметности, который дал Булгарину повод продемонстрировать публике свою непогрешимую «правильность».

¹ *Розанов В.* Собрание сочинений: О писательстве и писателях. М., 1995. С. 43.

² *Надеждин Н.И.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII, сочинение Александра Пушкина... С. 273.

³ *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 232.

⁴ *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика. С. 280.

⁵ *Булгарин Ф.В.* «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина... С. 235.

Строфа XXXVIII, например, вызвавшая наибольшие нарекания в адрес седьмой главы, имела следующий вид:

Возок летит через ухабы
Мелькают [мимо] дети, бабы
Солдаты, девки, мужики
Бухарцы, немцы, казаки –
Лачужки, лавки, огороды
Дворцы, сады, монастыри
Бульвары, бутки, фонари
Аптеки, магазины моды
Балконы, львы на воротах
И стая галок на крестах
(VI, 451–452)

Здесь обнаруживают себя некие принципы словесной упорядоченности: люди отделены от неживой вещественности, предметы разделяются по социальному и даже национальному признаку: «Солдаты, девки, мужики», «Бухарцы, немцы, казаки»... В беловом варианте об иерархии в этом смысле не может быть и речи.

У Н.В. Гоголя были все основания сказать: «Читатель услышал одно только благоуханье; но какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоуханье, того никто не может услышать»¹. В этом смысле слову действительно придаётся «чистейший» – прошедший через горнило человеческого опыта и вернувшийся в насущную реальность – статус первозданности. Но о нём критик, подобный Булгарину, привыкший к прямолинейной назидательности и правдоподобию «натурализма», не может, по его собственному слову, «догадаться». Для Булгарина в пушкинском стиле не актуализуются силы *преодоления*, предощущения конечности в живом потоке действительности: пережитое не соединяется для него с переживаемым как взаимосвязанные начало и конец. Критик видит что-то вроде «балагурства», «мистификации», имеющее бессознательную или осознанную природу. Но сопротивление Булгарина пушкинской романной онтологии и соответствующей ей поэтике типологически значимо: оно высвечивает в классических стилях сущностные аспекты, которые и в настоящее время нуждаются в пристальном изучении.

¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М., 1959. С. 174.

Светлана Видякина

**ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ИКОНА В РИГЕ
«Бывают странные сближения...»**

В 1830 году Пушкин пишет стихотворение «В начале жизни школу помню я...». К этому времени поэт уже многое переосмыслил в своей жизни, духовно определился и, коря себя за беспечные ошибки и заблуждения молодости, всё чаще мысленно возвращался к годам отрочества и лицейской юности.

В лицейские годы не столь был Пушкин «духовной жаждою томим», напротив, он избегал и смущался христианской веры. Это было время пиров и наслаждений. На выпускном акте в Лицее Пушкин прочитал стихотворение на французском языке: «В моём сердце, то есть в глубине души, в моих чувствах, я Бога не чувствую, не нахожу, но ум мой с этим согласиться не может...»

Обращаясь к поре своей юности, зрелый Пушкин обращает особое внимание на свои мимолетные впечатления, когда его «смущала» вера и обращало в бегство величие святыни:

.....
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит....
(I, 245)

Одним из сильных впечатлений лицейских лет была для Пушкина его «встреча» с царскосельской иконой Божией Матери «Знамение». Вот пушкинские строки, посвящённые этой иконе:

Смиренная, одетая убого,
Но видом величаява жена
Над школою надзор хранила строго.

.....

Её чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в её беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

(III, 245)

В книге «Духовный путь Пушкина» Б. Васильев пишет: «...Имеются веские основания утверждать, что Пушкин, создавая образ «Величавой жены», исходил из древнерусской иконы Богоматери «Знамение». Она находилась в Знаменской церкви, построенной по указу Елизаветы Петровны в березовой роще близ Лицея. Эта роща была местом отдыха и игр лицеистов; там они были полными хозяевами, и каждый курс имел свои цветочные клумбы и дорожки. Здесь, близ церковной ограды, ещё первый лицейский выпуск поставил памятник «гению места» с латинской надписью: «Genio loci».

Царскосельская икона значится в приёмно-сдаточной описи Знаменской церкви 1748 года. Под порядковым номером 8 записано: «Над царскими воротами в иконостасе образ Знамения Пресвятыя Богородицы писан на доске оклад риза и венцы золота червонного...»¹.

Именно сюда, в Царскосельскую Знаменскую церковь, приходили по престольным праздникам все лицеисты, обычно посещавшие дворцовую Воскресенскую церковь. «Толпой», как пишет Пушкин, можно было приходиться не во дворцовую церковь, а в приходскую, где «толпу» привлекала чудотворная икона. Икона Матери Божией «Знамение» была действительно чудотворной. Её преподнёс царю Алексею Михайловичу Константинопольский патриарх – святой Афанасий. И с тех пор она сделалась особенно почитаемой в царском роду. Император Пётр Первый, перенёс столицу из Москвы в Санкт-Петербург, перенёс туда и особенно дорогие для себя святыни: икона «Знамение Богоматери-Оранты» оставалась при нём до конца его жизни. Затем образ перешёл в собственность его дочери – цесаревны Елизаветы, которая часто в уеди-

---

¹ *Васильев Б.А.* Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 186–187. Описание иконы сделала научный сотрудник Музея древнерусской живописи им А. Рублёва А.И. Иванова 15.09.1970 г. На с. 186 значится, что полный текст описи опубликован А. Бенуа в 1911 г.

нении молилась перед этой иконой, верила, что Матерь Божия совершит для неё знамение своего покровя и заступления. Ведь император Пётр Первый благословил этой иконой свою дочь как наследницу престола после Екатерины Первой.

И вот оно, знамение! В праздник святой иконы «Знамение», 27 ноября (по ст. ст.) 1741 года, столицу облетела радостная весть о восшествии на престол дочери Петра Великого Елизаветы Первой. Она украсила икону золотой ризой и драгоценными камнями, как видно из описи. В 1747 году Елизавета Петровна торжественно, крестным Архиерейским ходом, переносила икону из Санкт-Петербурга в Царское Село, в Знаменскую церковь, которую по указу Елизаветы строили для этой иконы. Императрица сопровождала весь крестный ход и время от времени сама несла святую икону.

В первоначальном своём виде икона «Знамение» изображала Богоматерь и Предвечного Младенца с двумя огнеобразными херувимами по обеим сторонам главы Пречистой Девы. Затем по повелению Елизаветы I по краям святой иконы были изображены в самых малых размерах: с правой стороны – святой Алексей, человек Божий, под ним праведная Елизавета; с левой стороны – святой апостол Пётр и праведный Захарий.

До сих пор царскосельская икона «Знамение» считается самой большой по размерам (210x140) и одной из ценнейших. Но не только поэтому производит она величественное впечатление на любого, кто обратит к ней свой взор. Пушкин признавался, что его «смущала строгая краса» Божией Матери. Описавший икону «Знамение» в Царском Селе магистр богословия Иоанн Цвинёв, в 1865 году бывший настоятелем придворной царскосельской церкви, отмечал одну особенность, которая, впрочем, характерна для древних чудотворных икон: «...лицо Богородицы почти в одно и то же время производит на молящихся разные впечатления: то оно кажется светлым и умильным, то вдруг «темнеет» и принимает строгий вид, хотя бы вы стояли в том же месте». Это чудесное свойство подметил и Пушкин.

Царскосельская икона «Знамение» считалась защитницей от холеры, Знаменской Божией Матери молились за детей, она не раз спасала Царскосельский дворец от огненной стихии. Любила совершать уединённые молитвы перед этой иконой и Екатерина II. За благодатную помощь русские императрицы украшали икону редчайшими драгоценностями.

Пресвятая Богородица утешала и помогала, обладая необычайной силой, спасала, казалось, непоправимое. Никто не знает, о чём молилась царско-сельской Божией Матери в день отречения Николая II царица Александра Фёдоровна...

Но как же оказалась икона в Риге? В 1900 году молодой латышский священник Иоанн Янсон после окончания Рижской Духовной семинарии отправился в Петербург и поступил в Петербургскую Духовную академию, которую в 1905 году окончил со степенью кандидата богословских наук. Иоанн Янсон возвратился в Латвию, служил по разным приходам, но уже в 1915 году, во время Первой мировой войны, вместе с женской гимназией эвакуировался в Гатчину. Там он преподавал Закон Божий в женской гимназии латышских беженцев, а в Царском Селе исполнял обязанности священника в Знаменской церкви, которую, будучи лицеистом, часто посещал Пушкин.

Известно, что 14 апреля 1924 года, когда патриарх Тихон был освобождён после ареста, он незамедлительно собственноручно наградил священника Иоанна Янсона золотым крестом с украшениями за заслуги перед Православной Церковью в тяжелейшие годы расколов и разгула «обновленческих» архиреев. Он собственноручно снял золотой крест с чудотворной царскосельской иконы и надел его на грудь отца Иоанна. Напомню, что священник Иоанн Янсон был одним из немногих, кто и на обновленческом лжесоборе оказался верен патриарху и церкви. С необыкновенной молитвенной теплотой и сердечностью, с глубоким почтением всю свою жизнь отец Иоанн Янсон вспоминал святого патриарха Тихона и его страдания за веру.

В 1944 году, при отступлении, гитлеровцы вывезли из Детского Села икону Богоматери «Знамение» вместе с ценной церковной утварью. Они отбирали и увозили всё ценное из церкви Вознесения и малой Знаменской церкви. Царскосельскую икону хотели доставить в Германию, но обоз застрял в Риге.

Икону обнаружили, когда стали разбирать ценности брошенного обоза. Опытал её бывший настоятель церкви Знамение в Царском Селе Иоанн Янсон.

До 1947 года эта икона находилась в Риге, в Кафедральном соборе Рождества Христова, в котором митрофорный протоиерей Иоанн Янсон 30 лет служил настоятелем. В 1947 году, когда икона была передана из Риги Ленинградской Духовной академии, пришлось восстанавливать

венцы на головах Богоматери и Младенца, и рижский снимок, сделанный протоиереем Янсоном, свидетельствовал о том, что венцы были сняты немцами.

В сентябре 1970 года Музей древней русской живописи имени Андрея Рублева в Москве командировал для осмотра и датировки этой иконы старшего научного сотрудника А.И. Иванову. Описание иконы совпадает с описанием чудотворной иконы «Знамение». В академии были восстановлены венцы на головах Девы Марии и Младенца. 27 сентября 1954 года латышский священник Иоанн Янсон почил в Бозе.

Всю свою жизнь протоиерей Иоанн Янсон служил в Риге панихиды по убиенному болярину А.С. Пушкину, о чём свидетельствует рижская периодика. Яркое представление о пушкинских торжествах 1937 года в Риге даёт 42-й номер газеты «Сегодня». В этом номере есть и корреспонденция о панихиде в Кафедральном соборе в день столетия со дня смерти Пушкина с подзаголовком: «Собор был переполнен». В газете приведена речь протоиерея Иоанна Янсона:

«Редко на долю какого-либо человека выпадает так много славы, чести и преклонения, как выпало на долю Пушкина. Огненную полосу прошла его жизнь и оставила по себе неизгладимый след. Насильственной рукой греховное человечество изъяло из своей среды Пушкина, этого пламенного проповедника свободы. Такого чудесного представителя земной и небесной красоты... Перед нами человек, – воскликнул прот. Иоанн Янсон, – перед нами сияющее солнечным светом любящее сердце, вдохновение, свобода!...

Кто же мог родить, мог создать, мог вычертить, кто мог выковать Пушкина таким, каким он был? Народ. Многострадальный, трудящийся, любящий, верующий, истекающий кровью и всё же жизнерадостный, – он один только и мог дать миру Пушкина – такое исключительное явление красоты, славы и чести всего человечества...»

По великому Промыслу Божьему чудотворная икона Матери Божией «Знамение», оказавшись на земле Латвии, освятила наш край и своим благословением приоткрыла место для установления памятника великому А.С. Пушкину в самое тяжёлое для русской культуры время.

Елена Пономарёва

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕЩИ А.С. ПУШКИНА И ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ В СОБРАНИИ ГМП

В собрании Государственного музея А.С. Пушкина сегодня более двухсот тысяч экспонатов. Самая ценная часть коллекции – личные вещи поэта, членов его семьи, его друзей и современников – насчитывает более пятисот предметов. Автографы, документы, рукописные альбомы, книги, предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства, другие реликвии чудом уцелели в эпохи войн и революций, их сберегли люди нескольких поколений. Оказавшись в музее, мемориальные предметы обрели новую жизнь: стали предметами научного изучения. Они опубликованы, вошли в альбомы и каталоги, многие из памятных вещей стали темами специальных научных исследований и монографий.

Музей хранит автограф А.С. Пушкина на списке книг из библиотеки имения Гончаровых «Полотняный завод». Значительную часть реликвий составляют книги с автографами современников Пушкина, среди них поэтический сборник В.А. Жуковского «Баллады и повести» (СПб., 1831). Жуковский подарил его Пушкину с надписью: «Сказочнику от Балладника». Здесь есть и прижизненные портреты поэта. Один из них – первый миниатюрный портрет Пушкина-ребёнка работы предположительно Ксавье де Местра (1802); другой миниатюрный портрет Пушкина, вернувшегося из ссылки, исполнил Иосиф-Евстафий Вивьен (1826). В музее хранится копия со знаменитого портрета Пушкина кисти В.А. Тропинина (1827), которую написала А.П. Елагина, хорошо знавшая поэта. Небольшой живописный портрет Пушкина, возможно, исполнил К.П. Брюллов (1836). Картина Н.Г. Чернецова «Кавказ. Вид Дарьяльского ущелья» (1832) украшала кабинет Пушкина в его последней квартире на набережной реки Мойки, 12. Часы «Самоубийство Лукреции» (первая четверть XIX века) были подарены музеем с легендой, что они принадлежали Пушкину. В экспозиции можно увидеть прядь волос поэта, срезанную после кончины, его посмертную гипсовую маску (С.И. Гальберг, 29 января 1837 года).

В музее хранятся реликвии родственников Пушкина. Это печать рода Ганнибалов (XVIII век, халцедон, гравировка), миниатюрный портрет двоюродного деда Пушкина И.А. Ганнибала работы неизвестно-

го художника с оригинала 1780-х годов, прижизненный карандашный портрет матери поэта Н.О. Пушкиной (Мария Циммер, 1802), автограф послания «К нижегородским жителям» (1812) дяди поэта В.Л. Пушкина. Есть в музее серьги жены Пушкина Н.Н. Пушкиной (середина XIX века); бархатный воротник платья его сестры О.С. Павлицевой (вторая половина XIX века); сабля (1880-е годы) и фотографии его старшего сына А.А. Пушкина, чернильница старшей дочери поэта М.А. Гартунг (конец XIX века); портреты, мебель, модель крепостного оркестра Гончаровых (1790-е годы) – родственников жены Пушкина.

Многие мемориальные предметы музейного собрания принадлежали дружественным семьям: Вяземским, Нащокиным, Елагиным-Киреевским, Вульфам, Соболевским, Олениным. Друзей и современников Пушкина представляют вещи, принадлежавшие лицеистам И.В. Машиновскому и Ф.Ф. Магюшкину, В.А. Жуковскому, Е.А. Баратынскому, Н.В. Гоголю, М.П. Погодину и многим другим...

Научное изучение мемориальной пушкинианы в музее начали с первых лет его существования. Почти полвека велись кропотливые поиски, в периодической печати появлялись статьи, посвящённые какой-либо одной мемориальной вещи или комплексу предметов.

Итогом многолетних изучений пушкинских меморий стала книга «Минувшее меня объёмлет живо...»: мемориальная пушкиниана», изданная Государственным музеем А.С. Пушкина в 2003 году¹. Её составители – Нина Сергеевна Нечаева, многие годы работавшая в музее главным хранителем, и Екатерина Всеволодовна Павлова, кандидат искусствоведения, долгое время возглавлявшая отдел изобразительных фондов. Вступительную статью написала Наталия Ивановна Михайлова, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе.

На страницах книги «Минувшее меня объёмлет живо...» впервые пушкинские реликвии и памятные вещи его ближайшего окружения собраны вместе. Здесь «сошлись» памятные вещи, оказавшиеся в музее в разное время, пришедшие в музей разными путями: полученные в дар и приобретённые: от потомков родственников и современников А.С. Пушкина, из антикварных магазинов, от государственных орга-

¹ «Минувшее меня объёмлет живо...»: мемориальная пушкиниана Государственного музея А.С. Пушкина / сост. Н.С. Нечаева, Е.В. Павлова; вступит. ст. и научная ред. Н.И. Михайловой; авт. статей О.В. Аснина, Ю.Ю. Гречихова, Л.А. Карнаухова, Н.И. Михайлова, В.А. Невская, Н.С. Нечаева, Е.В. Павлова, Е.А. Пономарёва, Г.Г. Светлова, С.В. Скрипко, Е.А. Усова. М.: Интербук-бизнес, 2003. 277 с.: ил.

низаций, от частных фирм, от коллекционеров; отдельные предметы и большие коллекции... Статьи сборника посвящены и одному предмету, и комплексам вещей. Почти все предметы мемориальной пушкинианы воспроизведены на страницах этого издания, которое можно назвать как и сборником научных статей, так и альбомом.

Приведём лишь один пример. Профессор Московского университета, литературовед и коллекционер И.Н. Розанов собрал уникальную «Библиотеку русской поэзии». В 1965 году его вдова К.А. Марцишевская подарила это замечательное собрание музею.

И.Н. Розанову удалось найти много редких (и редчайших) изданий русских поэтов XVIII – середины XX века, отыскать уникальные экземпляры с автографами современников Пушкина.

Среди редкостей «Библиотеки русской поэзии» – практически уничтоженные после восстания декабристов и дошедшие до настоящего времени в единичных экземплярах прижизненные издания К.Ф. Рыльева («Глинский», 1822; «Думы» 1825, представлен двумя экземплярами; «Войнаровский», 1825). В коллекции И.Н. Розанова оказались четыре издания с автографами Рыльева, три – из его библиотеки, с его владельческой надписью: «Из книг К. Рыльева»¹, одно – с его дарственной надписью: «Милой сестрице Н.М. Кореновой»².

В 1966 году и в последующие годы инженер Александр Амирович Урбелян подарил музею несколько десятков книг, среди них шесть экземпляров с владельческими надписями К.Ф. Рыльева: сборник речей русских митрополитов и пять томов сочинений Н.М. Карамзина³.

В 1998 году у В.Н. Носковой, потомка дочери Рыльева Анастасии Кондратьевны Пущиной, музей приобрёл две гравюры: «Отъезд охотника» и «Охотник в засаде». Они исполнены в 1814 году гравёром Ж. Жозе с оригинала известного и популярного в России французского художни-

¹ *Вергилий Марон*. Вергилиевы Георгики / пер. А. Р[аича], М.: тип. Авг. Семёна, 1821; *Иванов Ф.Ф.* Марфа посадница, или Покорение Новгорода: Трагедия в стихах, с хорами в 5-ти д. / соч. Фёдора Иванова. – М.: тип. П. Бекетова, 1809; *Расин Ж.* Федра: трагедия в 5-ти д. / пер. М. Лобанова. – М.: тип. народного просвещения, 1823.

² *Рылеев К.Ф.* Глинский: Дума / пер. с польск. К. Рыльева. СПб.: тип. Воспит. Дома, 1822. Подарена Анастасии Михайловне Кореновой, урождённой Тевяшовой, сестре жены Рыльева Натальи Михайловны, урождённой Тевяшовой.

³ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе / изд. Обществом любителей российской словесности. – СПб.: Мед. тип., 1815; *Карамзин Н.М.* Сочинения: В 9 т. 2-е изд., испр., умнож. М.: тип. С. Селивановского, 1814.

ка Ораса Верне, раскрашены акварелью. По семейной легенде, эти изображения принадлежали К.Ф. Рылееву и находились в Батове, имении его матери Анастасии Матвеевны, урождённой Эссен.

В собраниях других музеев, архивов и библиотек рукописи, документы, автографы, книги, личные вещи К.Ф. Рылеева единичны.

Мемориальную пушкиниану Государственного музея А.С. Пушкина украшают десять книг из его библиотеки (из известных сегодня примерно пятидесяти экземпляров) и две картины из его родовой усадьбы, изображающие охотничьи сцены.

Со дня своего основания в музее считают важнейшими из своих задач разыскивать, приобретать и изучать мемориальные вещи пушкинского окружения. Такие вещи представлены в постоянных экспозициях на Пречистенке и на Арбате, экспонируются на выставках. И сегодня к нам продолжают поступать и отдельные мемориальные предметы, и даже целые комплексы. Появление каждой такой вещи становится событием в жизни музея. В то же время новые поступления в мемориальную пушкиниану ставят перед научными сотрудниками сложные вопросы, касающиеся атрибуции и бытования предметов.

Так, в 2001 году у К.В. Пашкова был приобретён фотографический портрет старшего сына А.С. Пушкина Александра Александровича – серебряный отпечаток 1903 года, исполненный в московском отделении фотоателье Романа Флоровича Бродовского. На этом снимке А.А. Пушкин изображён в кавалерийском мундире генерал-лейтенанта, с наградной георгиевской саблей «За храбрость» и орденом Святого Владимира 4-й степени. Любопытно, что такая же фотография была приобретена Государственным литературным музеем у внука А.С. Пушкина и сына изображённого на портрете А.А. Пушкина Г.А. Пушкина в 1937 году. На фотографии дарственная надпись, и музею ещё предстоит разгадать, кому же она адресована...

В 2006 году у доктора технических наук, профессора, музыканта, потомка А.П. Ганнибала Георгия Николаевича Дубинина был приобретён миниатюрный портрет двоюродного деда А.С. Пушкина Исаака Абрамовича Ганнибала (1747–1804). В семье бытовала легенда о том, что это изображение было исполнено не позднее конца XVIII столетия. Однако в музее изображение определено как копия с утраченного оригинала третьей четверти XIX века. На сегодняшний день единственный портрет четвёртого сына Абрама (Ибрагима) Ганнибала требует дальнейших исследований.

В том же 2006 году музей приобрёл замечательный живописную работу художника И.К. Макарова – предположительно портрет внучки А.С. Пушкина Натальи Михайловны Дубельт (1854–1926), дочери Натальи Александровны и Михаила Леонтьевича Дубельтов¹. Датируется он второй половиной 1850-х, временем, когда И.К. Макаров исполнил портрет Н.Н. Пушкиной-Ланской и её дочерей.

Также в 2006 году собрание живописи ГМП пополнилось десятью портретами из старинного московского рода Татищевых – Римских-Корсаковых – Янковых – Благово. Вера Константиновна Журавлёва, прямой потомок знаменитой мемуаристки Елизаветы Петровны Янковой (1768–1861), сохранила изображения своих предков, исполненные в XVIII–XIX веках. После реставрационных работ состоялась выставка, и в 2008 году вышла книга «Московская семья Янковых-Благово. Три века истории».

Из поступлений в мемориальную пушкиниану начала 2008 года необходимо назвать миниатюрный портрет крёстного отца Пушкина – графа Артемия Ивановича Воронцова (1748–1813)². Артемий Иванович был женат на Прасковье Фёдоровне Квашниной-Самариной (1750–1797), двоюродной сестре бабушки поэта Марии Алексеевны Ганнибал. Пушкин-ребёнок вполне мог бывать в гостях у своего крёстного отца и встречаться с ним у Д.П. Бутурлина, женатого на старшей дочери А.И. Воронцова Анне Артемьевне. Этот портрет – дар директора аукционного дома «Три века», коллекционера А.В. Руденцова – стал важным событием в жизни музея. Миниатюрный портрет графа Артемия Воронцова Андрей Владимирович приобрёл специально для Государственного музея А.С. Пушкина на аукционе Christie's.

В прошлом, 2009 году от праправнука А.С. Пушкина Юрия Владимировича Геринга музей получил комплекс мемориальных вещей правнучки А.С. Пушкина Натальи Сергеевны Шепелёвой, урождённой Мезенцовой (1904–1999). Архивные материалы преимущественно конца XIX – XX века (письма, книги, семейные фотографии) были подарены ГМП; портреты, одну гравюру и несколько предметов мебели музей у Юрия Владимировича приобрёл. Из произведений изобразительного искусства здесь следует назвать особо портрет неизвестного из рода

---

¹ И.К. Макаров. Вт. половина 1850-х. Х., м., 50,0x42,0. От Е.А. Моравской. 2006. До 1959 – в семье С.Л. Абутова, петербургского живописца и коллекционера, ученика И.К. Макарова.

² Лангер с оригинала А. Молинари. 1815. Кость, акварель, гуашь. 9,0x11,0.

Мезенцовых работы неизвестного художника 1790-х годов и акварельный портрет Веры Александровны Мезенцовой, урождённой Пушкиной (1872–1909), внучки А.С. Пушкина и дочери его старшего сына А.А. Пушкина. Это изображение выполнено неизвестным художником в конце 1890-х – начале 1900-х годов.

Праправнучка А.С. Пушкина Клотильда фон Ринтелен, живущая в Висбадене, дарила музею семейные мемориальные вещи в конце 1990-х. В 2004 году она передала в ГМП черновую рукопись автобиографического романа (на немецком языке) своей бабушки, младшей дочери А.С. Пушкина, графини Наталии Александровны фон Меренберг, в первом браке Дубельт (1836–1913). Из семьи сына Наталии Александровны, Георга фон Меренберга (1871–1948), происходит приобретённый в 2009 году¹ стальной портсигар, украшенный золотыми накладками и сапфиром. Портсигар был изготовлен по заказу, предположительно, известной петербургской ювелирной фирмой К.Э. Болина (основана в 1796 году). На верхней крышке – золотые накладки: в центре в виде вензеля «GM» под графской короной – возможно, это инициалы Георга фон Меренберга; в правом нижнем углу – надпись «Нина». По семейной легенде, этот портсигар подарила своему сводному брату Анна Михайловна Дубельт (1861–1919), которую в семье называли Ниной.

Многие мемориальные предметы экспонировались на выставке «Моя родословная», приуроченной к Всемирному съезду потомков А.С. Пушкина в 2009 году, и воспроизведены в недавно вышедшей книге «Моя родословная: предки, семья, потомки А.С. Пушкина» (М., 2009). Разумеется, находки мемориальных предметов крайне редки. Но если будут поиски, мы надеемся, что будут и находки.

---

¹ Приобретён у Дмитрия Михайловича Микитюка.

Надежда Сафьянова

**«...КАКАЯ СИЛА ТЕБЯ, ПРОШЕДШЕЕ, ВЕРНЁТ?»
(Из истории формирования коллекций
музея-заповедника А.А. Блока)**

«Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена», – писал академик Д.С. Лихачёв. Стремление общественности увековечить конкретное место, связанное с именами великих деятелей литературы, науки, культуры, – будь то небольшая комната в коммунальной квартире, дом или усадьба со значительными природными объектами – приводит к созданию множества мемориальных музеев. Однако в большинстве случаев вновь возникающий музей не имеет коллекций. В результате главной его задачей становится формирование полноценных музейных фондов как основы существования любого музея.

Образованный в 1984 году Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А.А. Блока никаких коллекций в момент его создания не имел.

Усадьба Шахматово, оставленная поэтом после революции на произвол судьбы, была разграблена. Пустой дом с выломленными дверями, окнами, полами и хозяйственные постройки сгорели летом 1921 года. Сохранилась лишь природа: зарастающий с годами парк и пересыхающий пруд.

Сегодня перед взорами приезжающих в Шахматово открывается вид на восстановленный усадебный дом с мезонином. Дом стоит на возвышенности, утопает в зелени деревьев и в разноцветье садовых и полевых цветов. Рядом размещены хозяйственные постройки: кухня, амбар, каретный сарай, ледник, флигель, изба управляющего, конюшня. В главном доме воссозданы интерьеры, в которых представлены мемориальные и типологические вещи. Ежегодно музей-заповедник участвует в различных выставках. Однако всему этому предшествовала долгая и кропотливая работа по формированию коллекций музея.

В настоящее время фонды и научная библиотека музея-заповедника А.А. Блока насчитывают более 25 000 единиц хранения. Лицо собрания определяется литературным профилем музея. Преобладающими, безусловно, стали книжные и рукописные материалы.

Особый интерес представляют поступления целых коллекций, тематических подборок книг. Иногда большую роль в комплектовании играет элемент случайности. Первым приобретением в фонды был сборник «Памяти Блока» (Пг.: Полярная звезда, 1923), купленный в одном из московских букинистических магазинов. А вскоре в Шахматово позвонил коллекционер, сдавший книгу в магазин, – собиратель блокианы Г.И. Петрунин – и предложил музею часть своего личного собрания. Прижизненные и посмертные издания произведений А.А. Блока и литература о поэте из этой библиотеки стали первым крупным приобретением музея-заповедника.

В дальнейшем в фонды поступил ещё ряд книжных коллекций, среди которых особое место занимает собрание книг и альбомов, принадлежавших С.М. Алянскому с автографами и рисунками деятелей культуры Серебряного века. Следует назвать также переданные в дар музею коллекции книг Б.С. Попкова, С.М. Городецкого, С.П. Гиждеу, В.С. Воробьёва. Согласно принятому нами из архивного дела принципу недробимости фондов, эти собрания хранятся едиными комплексами. Примечательно, что среди книг упомянутых коллекций встречаются весьма оригинальные издания – как с точки зрения подборки произведений, так и полиграфии. Так, например, В.С. Воробьёв собрал более десяти экземпляров детской книжки «Зайчик» (стихи А.А. Блока; М.: Художественная литература, 1972) с обложками разных оттенков: от тёмно-синего до зелёного.

Кратко характеризуя состав книжных фондов музея, отметим, что здесь преобладают издания начала XX века: произведения А.А. Блока, его современников и авторов из круга его чтения. Отметим, что имеются издания и середины XVIII века.

Шахматовская библиотека Александра Блока после революции была вывезена из усадьбы Клинским волисполкомом, распределена во множество ведомственных библиотек и почти полностью утрачена. Однако путём архивной работы сотрудник музея-заповедника А.А. Блока, ныне его директор, С.М. Мисочник разыскала в фондах библиотеки НИИ музыки, театра и кинематографии имени Н. Черкасова пять книг из Шахматова¹. Они были получены через обменный фонд музея и НИИ.

По сохранившимся спискам книг шахматовской библиотеки соби-

---

¹ См.: Мисочник С.М. К вопросу реконструкции Шахматовской библиотеки А.А. Блока // Шахматовский вестник. 1993. № 3. С. 47–49.

рали аналоги. Практические пути формирования книжных коллекций были следующие: сотрудники музея развозили по букинистическим магазинам списки дезидерат, еженедельно посещали магазины, принимали участие в аукционах. Значительным приобретением музея стали десять книг с дарственными надписями А.А. Блока близкому другу А.В. Гиппиусу. Этому предшествовали многолетние дружеские переговоры с дочерью художника В.А. Гиппиус.

В составе рукописного фонда музея имеются автографы А.А. Блока и его родных. Наиболее значительные материалы передал в дар через Советский Фонд культуры молодой московский учёный Евгений Дмитриевич Якушкин. Переданные им реликвии, среди которых знаменитая анкета «Признание» со словами А. Блока: «Место, где я хотел бы жить – Шахматово», черновые наброски поэмы «Возмездие», завещание матери поэта, полотенце, вышитое его бабушкой Е.Г. Бекетовой, – имеют интересную историю. Ещё до Великой Отечественной войны дочь Д.И. Менделеева Мария Дмитриевна познакомилась с Зоей Михайловной Полюта – бабушкой Е.Д. Якушкина. В дни блокады Ленинграда к Зое Михайловне пришла незнакомая женщина и, сообщив, что Анна Ивановна Менделеева, жена учёного, умерла, протянула ей пакет, как потом выяснилось, с блоковскими автографами. Позже З.М. Полюта эвакуировалась из города, уехав к Марии Дмитриевне, и увезла этот пакет с собой по Дороге жизни. После войны Мария Дмитриевна просила Зою Михайловну сохранить эти реликвии, чтобы передать в подмосковный музей А. Блока, который, как она верила, непременно будет создан.

Большую часть собрания рукописей музея составляет архив Е.Ф. Книпович, в составе которого письма А.А. Блока, его матери А.А. Кублицкой-Пиоттух и его тетушки М.А. Бекетовой, ранее не опубликованные.

Часто, благодаря дружеским и творческим связям с коллегами, удаётся разыскать для музея интересные и важные материалы. Сотрудник музея Л.Н. Толстого Наталия Алексеевна Калинина помогла приобрести ранее неизвестную фотографию А. Блока, на которой поэт изображён в юности с троюродной сестрой М. Коваленской в имении Дедово.

Александр Михайлович Резанов, директор музея-заповедника А.С. Пушкина в Больших Вязёмах – Захарове, много помогал нам в комплектовании вещевого типологического фонда, делился номерами телефонов и адресами владельцев старинных предметов. Сотрудник Государственного музея искусства народов Востока Татьяна Викто-

ровна Сергеева способствовала передаче в фонды музея-заповедника А.А. Блока профильной части коллекции М.А. Барон и Л.А. Турубинер, состоящей из предметов большой художественной ценности.

Многое в комплектовании музейных коллекций зависит от энергии и энтузиазма сотрудников. Можно сказать, что основа изобразительного фонда музея в Шахматово была собрана в основном благодаря одному человеку – Владиславу Викторовичу Полякову, недавно ушедшему из жизни. Он мог часами разговаривать с известными художниками, убеждая их уступить свои картины для музея, причём старался, чтобы в музей поступали целые серии на блоковскую тему.

Приоритетное значение в формировании вещевого фонда всегда уделялось мемориальным вещам. В первый год создания музея шёл активный поиск предметов из усадьбы Шахматово в окрестных деревнях. В результате были обнаружены два комода, зеркала из усадьбы, икона и хоругви из церкви Михаила Архангела, в которой Александр Александрович Блок венчался с Любовью Дмитриевной Менделеевой.

Чрезвычайно интересна и похожа на детективный роман история двух бекетовских кресел из Шахматово. Последний их владелец Борис Васильевич Филатов, передавший их в дар музею, рассказывал, что кресла эти купил его дядя – зажиточный крестьянин деревни Аладыно, находящейся неподалеку от Шахматова. Обладал он страстью приобретать помещичьи вещи. Вскоре, однако, его дом сгорел, но кресла спасли. Потом эти кресла были подарены отцу Филатова на новоселье, а тот позже передал их своей сестре – Зое Васильевне Крайновой, которая по просьбе Бориса Васильевича вернула ему кресла для передачи в музей. Вскоре после того как они были вывезены, дом, где жила З.В. Крайнова, разлетелся в щепы от взрыва на складе близлежащей станции в подмосковном городе Куровское. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Убедил Б.В. Филатова предать кресла для музея и лично съездил за ними литературовед Станислав Стефанович Лесневский, очень много сделавший для возрождения Шахматова. Такова «многострадальная история» этих двух вещей, в настоящее время отреставрированных и экспонируемых в главном доме усадьбы Шахматово.

Сложившийся уже в первый год существования музея мебельный фонд существенно пополнили предметы, поступившие от Натальи Борисовны Ветошниковой – дальней родственницы Бекетовых, живущей в Петербурге. Этой мебелью пользовались потомки по линии сестры деда

А.А. Блока – А.Н. Бекетовой. Ломберные и круглые столики, шкафы, этажерка, стулья – все эти вещи по стилю очень соответствуют мебели, бывшей в шахматовской усадьбе.

Основу коллекции мемориальной мебели в экспозиции главного дома составили вещи из имения Шахматово, переданные из музея школы № 1 города Солнечногорска. Они были собраны ребятами и учителями неподалёку от усадьбы А.А. Блока, в окрестных деревнях, в 1960–1970-х годах.

Для внутреннего убранства Шахматова было определяющим то, что усадьбу использовали как дачу. Обстановку большей частью составляла мебель, оставшаяся от прежних владельцев, частью привезённая из Петербурга или купленная на станции Подсолнечная Николаевской железной дороги и в селе Рогачёво. Имеются два основных источника информации об интерьерном убранстве усадьбы: выявленная нами в Пушкинском Доме опись движимого имущества 1874 года, составленная при покупке Шахматова А.Н. Бекетовым – дедом А.А. Блока, и опубликованные воспоминания тетки поэта Марии Андреевны Бекетовой «Шахматово. Семейная хроника»¹.

Для комплектования вещевого фонда типологическими предметами на основе источниковой базы были составлены списки искомым вещей с кратким описанием внешних признаков. Эти списки распространили по антикварным магазинам и среди частных владельцев в Москве и в Санкт-Петербурге. В результате были приобретены мебель и множество предметов быта конца XIX – начала XX века, имеющих историко-культурную ценность и ярко характеризующих эпоху.

Следует назвать и специфические письменные принадлежности блоковского времени: ручки, чернильницы всевозможной формы, перья, записные книжки, плоские карандаши. Подобными пользовался Александр Блок, что установлено нами в результате исследования мемориальных вещей поэта, хранящихся в Пушкинском Доме. Примечательно, что поэт уделял особое внимание принадлежностям для письма. Для фондовых коллекций были подобраны также старинные альбомы и рамки для фотографий, почтовые конверты, бумага, посуда, одежда и многое другое. Типологические бытовые вещи стали интерьерным фоном для значительного количества мемориальных предметов в экспозициях усадьбы Шахматово.

---

¹ См. об этом: *Сафьянова Н.В.* Источники как основа формирования коллекций А.А. Блока // Шахматовский вестник. 1993. № 3. С. 26–34.

В последние годы формировать коллекции музея активно помогает главный редактор журнала «Наше наследие» Владимир Петрович Енишерлов, потомок родственников А.А. Блока. Он передал ряд мемориальных книг из личного архива, способствовал в поисках спонсора для приобретения письма Д.И. Менделеева для музея, занимается организацией ежегодных встреч деятелей культуры на открытии выставок из фондов музея-заповедника А.А. Блока, во время которых традиционно передаются дары музею.

После 2001 года комплектованию музея во многом помогло и то, что в главном доме усадьбы Шахматово открылась экспозиция. После экскурсий люди нередко сообщают, что готовы подарить что-либо из своего собрания или дают номера телефонов знакомых, которые могут передать книги и вещи музею. Так, в коллекции поступили мемориальный шкаф из квартиры А.А. Блока, тарелка и покрывало, принадлежавшие Л.Д. Блок, старинные занавески на окна, очень удачно дополнившие интерьер комнаты Л.Д. Бекетовой, и многое-многое другое.

Итак, выделим некоторые закономерности процесса формирования музейных коллекций:

- часто наиболее ценные материалы поступают от владельцев в дар;
- работа с владельцами мемориальных и типологических предметов показала, что происходит как бы «цепная реакция»: одни сообщают другим, те, в свою очередь, своим знакомым и так далее;
- постоянные и тесные контакты с коллегами из других музеев помогают в работе по комплектованию фондов.

РАСТЕНИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ МУЗЕЙНОГО ФОНДА

Растения – представители флоры и растительности музея-заповедника – как элементы оформления и носители информации можно отнести в разряд «памятников естественной истории», составлять важную часть исторического и культурного ландшафта или входить в состав той или иной коллекции. Обладая свойствами культурной ценности, растения могут приобретать статус музейного предмета и включаться в музейный фонд в виде живых экземпляров, гербарных образцов или их изображений. К этому автор пришёл, много лет работая в реальных ландшафтах (растительных сообществах) Пушкинского Заповедника в разном их состоянии, а также в результате неизменного при такой работе погружения в образный мир «Пушкинского уголка».

Д.С. Лихачёв считал, что «тайна безмерного обаяния Пушкина в том, что он в каждое мгновение жизни, в каждой песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл». Надо только, вероятно, чтобы эти песчинки (листья, травинки, кусты) отражали нам пушкинский взгляд и свет. С.С. Гейченко – долгие годы бессменный Хранитель всего и вся в заповеднике – этот свет, безусловно, как никто другой ощущал. Он писал, что к музейным объектам должны относиться «камни, мох, снежинки и пни, падающие с деревьев листья, яблоки, звери и рыбы, птицы и травы, гравий и даже пыль». Конечно, трижды можно согласиться с его мыслью: «заповедник – книга, написанная вещами», причем вещами одушевленными. Но у кого «поднимется голос» назвать, например, цветы (растения) предметами неодушевленными...

В начале 80-х годов у Семёна Степановича не раз и в разном контексте звучит тема природы, и в частности цветов, как олицетворения красоты и изменчивости природы. «Когда Пушкин приехал в Михайловское, первыми встретили его цветы. Они ведь в Михайловском всюду... И всюду они разные, разные во всякое время года. Зимой дома, на подоконнике, они ведь не просто цветы, но и *цветочные часы, цветочный градусник, санитар и лекарь*. Приходит весна, вся земля покрывается цветами, как ковром. Это цветут... подснежник, перелеска, фиалка...»¹.

¹ Гейченко С.С. Под пологом леса. М., 1987. С. 34–35.

«Стихотворение «Цветок засохший, безуханный» было написано Пушкиным осенью. Это пора прощания с живыми цветами, которые не подвластны ни снегу, ни морозу, ибо они вошли в книгу, *гербарий, альбом*, чтобы побуждать в человеке мечты и сладкие раздумья о былом в тихие зимние вечера у камелька.

Строго говоря, цветы (правильнее – цветки) – это не растения, а их части (самые привлекательные и позволяющие отличать виды растений один от другого). В быту же цветами обычно называют те растения, которые выращивают в декоративных целях (дома, в саду), хотя многие из них, будучи представителями иных природных условий, иных континентов, так у нас никогда и не цветут (алоэ, толстянки, фикусы и многие другие). Продолжая терминологическую тему, напомним, что *растения* – это конкретные экземпляры какого-то вида, а их совокупность образует в каждом конкретном месте *растительный покров*. *Виды растений* – это определённый морфологический тип и генетическая общность растений. *Флорой* мы именуем, говоря просто, список видов, наличествующих на какой-то территории, а под *растительностью* понимаем территориальную совокупность групп и растительных сообществ, в которых растения взаимозависимы. Для дальнейшего разговора важны и такие понятия, как *виды естественной флоры*, а также *интродуценты* (виды, привнесённые из других флор). И те и другие могут представлять разную ценность, как, впрочем, и так называемые *сорные виды*, будь то аборигены или пришельцы.

Мы обращаем внимание на какое-то заметное растение: «какое красивое!», или, быть может, оно «видело» исторических персонажей. Мы определяем его видовую принадлежность: возможно, оно полезно, и надо знать его название, чтобы не перепутать с другим. Наш глаз радуется смена сочетаний растений (растительных сообществ), или мы воспринимаем эти совокупности просто как единый растительный покров, меняющий свой облик в течение дня и от сезона к сезону. Трудно спорить с тем утверждением, что всё это ценность – историческая, эстетическая, хозяйственная, природная и прочая, и прочая. Но можем ли мы считать всё или часть этого растительного богатства культурной ценностью, относить это к культурному или природному наследию, наконец, собственно к музейному фонду?

В преамбуле к Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972) декларируется уникальность каждого предмета (*item*) наследия, но фактически пообъектный состав

недвижимого культурного наследия народов, согласно этому документу, следует считать практически ничем не ограниченным. Сюда включаются и объекты, приобретающие со временем культурную или природную ценность. А ценность чего-либо создаётся и определяется только нами.

Обратимся к некоторым понятиям в Законе РФ о музейном фонде РФ и музеях (1996) в последних его редакциях.

Культурная ценность – предметы, имеющие значение для истории и культуры.

Музейный предмет – культурная ценность, особые качества которой делают необходимым её сохранение, изучение и публичное представление.

Музейный фонд – совокупность музейных предметов и коллекций.

Согласно БЭС, музейный фонд – совокупность памятников *естественной* истории, материальной и духовной культуры, находящихся в ведении музеев, постоянно действующих выставок, научных учреждений и учебных заведений; в музейный фонд входят также коллекции и отдельные предметы, собираемые различными экспедициями и имеющие музейную ценность¹. В отношении растений и их сообществ остаётся определить эту самую «музейную ценность». В этом смысле полезно почитать некоторые статьи закона «О музеях» Республики Молдова (2002), где в статье 8, в частности, сказано: «В состав музейного фонда входят объекты движимого и недвижимого имущества, в том числе: природные объекты, представляющие флору, фауну, натуральные или благоустроенные ландшафты...». Прецедент очевиден.

К недвижимым памятникам истории и культуры, по разным классификациям, относят и *природный ландшафт*. Но это не просто «земельный участок» памятника, как пишут в некоторых документах. *Памятное место* как ландшафт определяется совокупностью ряда географических характеристик, включая рельеф, гидросеть, а также растительный покров. И, конечно, так или иначе оно связано с гением места (*genius loci*) – в римской мифологии духом-хранителем, определяющим ауру местности, связывающим, по мнению Петра Вайля, интеллектуальные, духовные и эмоциональные явления с их материальной средой. Недвижимыми памятниками в Святогорье являются усадьбы, парки, тропы – все те места, где ступала нога поэта, но также и известные «дали», куда Пушкин только глядел и которых лишь касался своим воображением.

Растение – движимый и одновременно недвижимый объект (музейный предмет). Как отдельная особь, экземпляр оно может быть пере-

¹ Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1997. С. 767.

несено на другой субстрат, в иные условия, в другую страну и даже воспроизведено в генетических копиях. Но как вид оно сохраняется на своём месте, неразрывно связанное с другими элементами биоты в составе давно сформировавшегося сообщества. Видовую популяцию нельзя изъять, её можно только уничтожить. Воспринимаемое в своём природном контексте, растение отвечает и другому музейному критерию – служить объектом реальной или потенциальной экспозиции (хорошим примером этого могут служить «Три сосны»). В то же самое время растения – элемент *живой коллекции*, каковой является вся флора заповедника. Составленный нами флористический список только окрестностей Михайловского включает в себя 489 видов высших растений из 283 родов и 84 семейств¹. В природной экспозиции особую ценность представляют редкие и «краснокнижные» виды, несущие дополнительную музейную нагрузку. Их список также представлен нами в соответствующие службы заповедника.

Безусловной музейной ценностью, исторической реликвией (к сожалению, другого музея и в другой стране – музея Пушкина в Словакии) является гербарий, собранный в Михайловском вдовой Пушкина и его детьми и сохранённый Александрой фон Фризенгоф – Александриной Гончаровой. Это считанные листы бумаги, на которых растения скомпонованы неким художественным образом. Собранный нами и специально смонтированный для Музея-заповедника научный гербарий составляет 154 листа и хранится в Службе музейных парков (руководитель – Г.Н. Пиврик). Разумеется, и этот материал должен быть учтён и сохранён подобно другим составляющим музейного фонда.

Могут ли быть музейной ценностью фотографии или рисунки растений? Ответ должен быть положительным, если эти иконографические материалы снабжены информацией о видовой принадлежности растений, времени и точном месте их расположения.

В заключение надо сказать, что нет ни юридических, ни каких-то иных серьёзных препятствий для того, чтобы признать растительные объекты музейными предметами. Их полный и всесторонний учёт в природе и регистрация в музейном фонде позволят на правовой основе сохранять эти живые носители памяти о прошлых ландшафтах, представлять ежегодно красивые и очень разнообразные самовоспроизводимые природные экспозиции. Гербарные же фонды могут служить, с одной стороны, справочным пособием, с другой – оформительским и собственно выставочным материалом.

¹ Михайловская пушкиниана. № 43. 2007

Елена Старинкова

«КРЫЛАТАЯ ДУША ХУДОЖНИКА»

Образ птицы в произведениях декоративно-прикладного искусства

Во все времена птица была символом духа. Многие религии представляли птицу в роли посредника между небом и землёй, между Человеком и Божеством. В сказаниях древности птицы приобретают фантастические черты и символизируют те или иные жизненные блага. В представлении китайцев, например, журавль, павлин и петух предвещают долголетие и хорошую судьбу. В индуизме птица является олицетворением разумности, мышления, в христианском представлении – души, духовности. Голуби, лебеди, орлы, петухи в представлении русских людей связывались с символами, несущими глубокую смысловую нагрузку. Природные качества каждой из птиц превращались в свойственные только определённому виду «черты характера». Красота птиц завораживала человека, благодаря чему рождались легенды, создавались художественные образы. В литературе – в поэзии и в мифологии, в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве птица имеет множество воплощений.

Каждой эпохе присущи свои образные формы, отражающие суть стиля. С древнейших времен развивалось искусство оформления предметов. Условно-знаковое изображение в первобытную эпоху стало первым опытом создания орнаментального оформления предметов. Это ещё не было творческим воплощением мысли: знаковое изображение природы, окружающей первобытного человека, было только первой ступенью на пути к образному воплощению растений, животных и птиц. Изображение элемента природы в виде знака – точки, штриха, круга, зигзагообразной и волнистой линии – характерно для раннего периода художественного освоения мира. Птица, к примеру, выглядела в форме креста, змея – как извилистая линия.

Художественное воплощение явлений природы – птиц, растений, животных и самого человека – со временем приобрело более глубокий, символический смысл. Тот же образ птицы стал восприниматься в качестве символа непреходящего, души, духа, позже божественного

проявления, когда художественное изображение стали считать живым и вечным. Египтяне придавали искусству особое значение, приписывая художественному образу возможность общаться с богами или входить в высшее состояние сознания, мысли, воображения.

Древний Восток решал художественный облик предметов декоративно-прикладного искусства по-своему. Здесь получили большое распространение зооморфные и особенно орнитоморфные мотивы («птичий» декор).

Из Месопотамии и Персии орнитоморфные мотивы проникли в декоративные ткани и изделия из металла Византии, а затем в страны Северной и Западной Европы, в орнамент романского искусства, готику, древнерусское искусство. «Ассиро-вавилонские орнаменты богаты изображениями фантастических зверей, крылатыми быками, львами, головами баранов, птицами и пр. Растительный орнамент сильно стилизован. <...> Эта богатая орнаментика позднее с коврами, керамикой и изделиями из металла проникла в Европу»¹.

Во многих культурах мощный и независимый орёл олицетворял стихию воздуха и был солярным знаком. В Древнем Египте эта птица символизировала Солнце, огонь, воздух, ветер и скорость, становилась атрибутом многих божеств. В Древней Греции орёл, считаясь посланником небес, посредником между небом и землёй, был символом силы, верховной власти. Происхождение геральдических орлов связывают с древними восточными представлениями о славе божьей.

Романский стиль на протяжении четырёх столетий развивал формы, элементы и образы, взятые из византийского искусства. В эпоху Ренессанса получили распространение замысловатые, орнаментальные композиции. Наряду с причудливо выющимися растительными мотивами, фантастическими существами, фигурами животных, образ птицы широко использовали художники Возрождения. Крупные живописцы и скульпторы создавали для богатой аристократии роскошную мебель, украшенную художественно исполненной резьбой и позолотой.

В эпоху барокко, с максимальной динамичностью форм, беспкойным ритмом кривых линий этого стиля, изображение зооморфных мотивов не нашло своего продолжения. Лишь позже, в переходный от барокко к рококо период, именуемый стилем регентства, в английской мебели появляется плавно изогнутая ножка, которая завершается сверху широкой лобовой частью, внизу – копытцем, а позднее орлиными ког-

¹ Кес Д. Стили мебели. М., 2001. С. 30.

тями, сжимающими шар («Ball and Claw feet»). Этот «птичий» мотив исследователи считают наиболее интересным и совершенным в эстетическом и функциональном отношении элементом, заимствованным из китайского искусства¹.

В эпоху рококо использование резного «звериного» декора занимает незначительное место, но в деталях лицевой фурнитуры из бронзы – ручках дверок, щитках замочных скважин – орнитоморфные мотивы звучат нередко. Важный момент, зародившийся в эпоху рококо, а именно представление об интерьере как целостном ансамбле, дал движение развитию декорирования предметов прикладного искусства в едином стиле во всех его проявлениях. Художники украшали мебель, осветительные приборы, текстиль в общем ключе, создавая единый интерьерный образ. В результате сложившиеся общий пластический язык предметов, своеобразие и индивидуальность «звериных» образов не дают возможности использовать предметы из других гарнитуров, с другим образным решением.

Зооморфные и растительные мотивы стали широко применять с конца XVIII века, в эпоху классицизма. Античные художественные формы, в том числе и орнитоморфные мотивы декора, стали основной чертой прикладного искусства.

Предметы убранства, среди них и мебель, украшали объёмными формами: фигуры змей, также и лебединые шеи служили ножками складной формы стула, туловище льва – основанием кровати, фигуры птиц украшали предметы мебели, предназначенной для сидения, на звериные лапы (волчьи или львиные) опирались ножки стульев, столов или кроватей. Крылья птиц часто размещали в виде боковин кресел и диванов.

Структурные особенности и образное решение декора, произведений декоративно-прикладного искусства позволяют судить о принадлежности предметов к определённому времени их создания, служат основой атрибуции. Ярким признаком выражения того или иного стиля является форма предмета, его декоративное оформление.

Знаменитые французские мастера, придворные архитекторы Наполеона Шарль Персье и Пьер Фонтен в декор созданного ими стиля ампир ввели образ лебедя. Мотив полюбился императрице Жозефине. Со временем приёмы этих мастеров были восприняты и другими декораторами. Широко использовал образ этой величественной птицы в

¹ Кес Д. Стили мебели. С. 128.

своём творчестве и знаменитый французский скульптор, бронзовщик-литейщик Пьер-Филипп Томир. Декор французской мебели, изделий из бронзы и фарфора заимствовали и воспроизводили русские мастера.

Европейские классицистические традиции в России приобретали свои особенные черты. Широкое использование лепного декора из гипса и левкаса или же резьбы из дерева отличает русскую мебель начала XIX века. Автор книги «Стили в мебели» Н.Н. Соболев отмечал, что «наряду с растительными мотивами в виде лаврового венка, симметричной пальметты, листьев аканта, в эту эпоху вместе с фантастическими образами (сфинксы, химеры и другие фантастические животные с мускулистыми телами, жилистыми ногами и свирепыми мордами и клювами), были популярны животные и орнитоморфные мотивы: массивные орлы, грифоны, стилизованные лебеди с изогнутой в петлю шеей. Мотивы птицы очень часто используются для подлокотников, ручек и ножек диванов»¹.

Русская мебель александровского ампира отличается большим разнообразием форм и декоративных решений. Спинки предметов мебели, предназначенных для сидения, часто выполняли прорезными в форме орлов и лебедей. Широко распространены в России были и сплошные спинки корытообразной формы, органично переходящие в опоры для локтей. Часто подлокотник завершали резанной из дерева скульптурой в виде животного или птицы. Изгибы лебединых шей и крыльев функционально подходили для опор локотников. Опоры столов украшали крупными резными из дерева или литыми из бронзы разнообразными фигурами лебедей, дельфинов, тритонов, сфинксов, рогов изобилия. Помимо ярко выраженной декоративной, эти фигуры выполняли и конструктивную функцию.

До нашего времени дошло множество вещественных подтверждений того, насколько популярным был образ лебедя. Сочетая стихии воздуха и воды, образ этот символизирует щедрость, любовь и чистоту. Часто живописные сюжеты с этой птицей размещали на фарфоровых вазах и чашках. Белизна и хрупкость фарфора удивительно «рифмуется» с силуэтом, линиями этой грациозной птицы. Фарфор вообще как нельзя лучше подходит для создания изысканных произведений. Ручки чашек и ваз часто выполняли в виде изогнутых лебединых шей, оканчивавшихся изящными птичьими головками². Чернильные приборы – неотъемле-

---

¹ Соболев Н.Н. Стили в мебели. М., 2000. С. 327.

² См.: Гайдамак А.А. Русский ампир. М., 2006. С. 75.

мый атрибут поэтического творчества – также украшали фигурами этих изящных птиц. Несколько чернильниц, хранящихся во Всероссийском музее А.С. Пушкина, имеют опоры в виде фигур лебедей.

Ещё одним материалом, позволявшим дать выразительное художественное решение образа лебеда, был металл – серебро, бронза. Русские мастера широко использовали лебединые мотивы в разнообразных осветительных приспособлениях и приборах: в подсвечниках, в канделябрах, в люстрах, в торшерах. Эта изящная птица могла предстать в виде основной фигуры в композиции подсвечника; лебедей с распростёртыми крыльями размещали в качестве золочёных бронзовых накладок на обод люстры. Лебединые шеи служили подвесом для цепей, опорами для подсвечников, так же как и крылья, закрученные на концах в волюты. Фигуры птиц могли и не принимать на себя конструктивных задач: например, пара лебедей с приподнятыми крыльями, стоящих на траве перед чашей друг против друга и опустивших клювы в чашу, могла просто украшать обод люстры¹.

В предметах мебели фигуры лебедей украшали опоры столов, появлялись в подлокотниках кресел и диванов. Известный итальянский архитектор Луиджи Руска, работавший в России, был автором не только выдающихся памятников архитектуры, но и изысканных предметов мебели. В Павловском дворце хранится заказанное по проекту Л. Руски (вероятно, в мастерской Ф. Гроссе) кресло, локотники которого выполнены в виде фигур лебедей².

Очень выразителен диван из усадьбы Давыдовых Каменка, выполненный русскими мастерами в первой трети XIX века (из собрания ГМП)³. Шея лебеда (птица изображена с головой, опущенной к груди, стоящей на одной лапе, опирающейся на шар) является передним устоем дивана, крыло с оперением по обеим сторонам и гладкой верхней частью – подлокотником. Таким образом, фигура лебеда выполняет не только конструктивную функцию, но и несёт яркую образно-художественную нагрузку.

Музыкальные и литературные гостиные часто обставляли гарнитурами, в которых спинки мебели для сидения были выполнены в виде

¹ См.: *Сычёв И.* Русские светильники эпохи классицизма. 1760–1830. СПб., 2003.

² *Ботт И.К., Канева М.И.* Русская мебель. Истории. Стили. Мастера. СПб., 2003. С. 197.

³ См.: «Минувшее меня объемлет живо»: мемориальная пушкиниана Государственного музея А.С. Пушкина М., 2003. С. 219.

пары лебедей, расположенных друг относительно друга таким образом, чтобы их силуэты читались ещё и как форма лиры – ещё один символ творчества. Яркими примерами такого решения являются четыре гарнитура, хранящиеся во Всероссийском музее А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), в Государственном музее А.С. Пушкина (Москва) и в Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы»¹. Все они выполнены русскими мастерами в начале XIX века. Предметы мебели для сидения имеют общие конструктивные элементы, декор в виде фигур лебедей и некоторые различия в исполнении и мотивах резных накладок в навесных спинках и в оформлении окончания ножек и подлокотников.

В прорезной спинке всех гарнитуров есть изображение двух лебедей с изогнутыми шеями и прижатыми к груди клювами, фигуры которых образуют лиру. Между ними четыре «струны». Резьба с лицевой стороны сплошь золочёная, задняя сторона плоская. Подлокотники кресел – в форме четырёхугольного бруска, оканчиваются резным декором в разных вариантах: золочёными головками орлов (на гарнитуре музея «Тарханы» и ГМП), резными бараньими головками (ВМП), золочёными розетками (гарнитура ГМП из имения Марьино).

Девять кресел и стул, фанерованные шпоном тополя, были переданы в Государственный музей А.С. Пушкина (с 1953 года – Всесоюзный, с 1992-го – Всероссийский музей А.С. Пушкина) в 1938 году после Всесоюзной пушкинской выставки, на которую предметы предоставил Государственный исторический музей. В ГИМе они оказались в 1927 году в числе вещей из московского Музея мебели, считавшегося выдающимся в европейском масштабе художественным хранилищем, но ликвидированного по соображениям нового правительства. Этот гарнитур происходит из подмосковной усадьбы Апраксиных «Ольгово». Уникальный дворцово-парковый комплекс, в котором в своё время бывали П.А. Вяземский, В.Л. Пушкин, позже Л.Н. Толстой, создавался в течение многих десятков лет стараниями владельцев – С.Ф. Апраксина, фельдмаршала, видного деятеля Семилетней войны, женившегося на Соймоновой, унаследовавшей земли имения. Уже при их сыне С.С. Апраксине, женой которого стала дочь Н.П. Голицыной (пушкинской «Пиковой дамы»), имение достигло наибольшего расцвета. Хозяева пригласили для реконструкции усадебного ансамбля выдающегося итальянского архитектора Франческо Кампорези, который спроектировал

---

¹ См.: Реставрация музейных ценностей России. 2002 Триеннале IV. Каталог выставки. М., 2002. № 179 (Кресло).

и возвёл парадный и хозяйственный дворы, исчезнувшие ныне псарни, ковровую и бумажную фабрики, разбил регулярный французский парк. Конечно, в усадьбе нашлись и мастера по изготовлению мебели, оформившие интерьеры. Революционные вихри XX века обошли это место, усадьба уцелела – в ней был организован музей дворянского быта. Однако он, как и Музей мебели в Москве, просуществовал до 1926 года, после чего экспонаты – мебель, музыкальные инструменты, часы, светильники, картины, фарфор и оружие – были распределены по различным музеям и организациям.

Кресла, находящиеся в экспозиции ГМП на Пречистенке¹, также из подмосковной усадьбы Апраксиных «Ольгово». Предметы из гарнитура, сложными путями оказавшегося в ГМП, фанерованы выразительным шпоном ясеневое дерева. Сиденье, как и на гарнитуре из усадьбы Лермонтовых «Тарханы», обито канвой с полихромной, выполненной шерстяными нитями вышивкой крестом. Такого рода обивка была популярна в 1820-е годы и вплоть до 40-х годов XIX века. Вышивали нитками коричневого, красного, песочного, зелёного тонов. Окончания передних ножек гарнитура ничем не украшены, в отличие от предметов мебели из имения Тарханы, где на передних устоях сделан декор в виде золочёных копытц с пальметтами. Но в прямоугольных навершиях спинок, отделанных по периметру тонкими полосками чёрного дерева, в обоих гарнитурах имеются резные золочёные накладки в виде сходных композиций: в центре корзина с расходящимися в разные стороны лозами с гроздьями винограда на них. В навершии спинки мебели из гарнитура Всероссийского музея А.С. Пушкина другой декор – веночек с орлом в центре и расходящиеся в стороны пальметты.

Ещё один гарнитур из собрания ГМП находится в экспозиции дома на Арбате. История его связана с имением Фонвизиных Марьино Бронницкого уезда Московской губернии (ныне это Раменский район Московской области). В этом имении провёл после ссылки два последних года своей жизни И.И. Пущин, женившись на вдове декабриста Фонвизина Наталье Дмитриевне.

Декоративное решение этого гарнитура намного проще: на фоне из шпона карельской берёзы сохранены только чёрные тонкие линии, повторяющие контуры навершия спинки дивана и стульев, резной растительный орнамент отсутствует. Проработка резьбы на фигурах лебедей нечётливая, выдаёт руку усадебного мастера. Диван представляет со-

¹ «Минувшее меня объёмлет живо»... С. 158.

бой составленные вместе спинки трёх кресел, объединённых единым мягким сиденьем. Дополнительный декор выполнен в виде многолепестковых золочёных розеток над передними ножками дивана и стульев и наклеенных резных львиных головок невысокого рельефа на окончаниях подлокотников дивана. Обивка гарнитура, находящегося в Москве, так же как и в Петербурге, не сохранилась и заменена на современную.

В этом же гарнитуре имеется круглый стол на четырёх четырёхгранных ножках, в перекрестии проног которого, на возвышении, выполнен резной ананас с листьями, вокруг него – четыре фигуры лебедей. В основании каждой из ножек – золочёная опора в виде звериной лапы.

Все эти гарнитуры относятся к первой четверти XIX века. Решение основного декора в виде лебединых фигур свидетельствует о популярности образа у мебельщиков. Отличия в дополнительных деталях декора, выборе материалов для фанеровки и обивки сидений подтверждают творческий подход русских мастеров мебельного дела к своей работе.

Подтверждений популярности образа лебедя у мастеров декоративно-прикладного искусства множество. В настоящее время об этом свидетельствуют собрания частных коллекционеров и богатейшие фонды российских музеев. Европейские традиции усваивались и виртуозно перерабатывались умельцами в России, воспитывавшимися на сказках, преданиях и образах народного творчества.

II. Памяти Хранителя

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ИЛЬИЧА АРХИПОВА СЕМЁНУ СТЕПАНОВИЧУ ГЕЙЧЕНКО

Николай Ильич Архипов.

Простите, что начинаю свой небольшой рассказ-вступление с фразы об адресате писем: не знаю, как сделать это иначе. Семён Степанович Гейченко (1903–1993) прожил длинную и многотрудную жизнь. Бывал очень горек его хлеб и тернист его путь. Но было одно, что поддерживало его на пути его, – дружество. Не всегда те, кто внешне проявлял к нему расположение, оказывались друзьями на самом деле, но были и друзья подлинные, чья рука и душа протягивались к нему, – друзья, благодаря которым он был тем, кем был: деятельным, созидательным, добрым и порядочным человеком. Таким другом был Николай Ильич Архипов (1887–1967), с 1924 по 1937 год ра-

ботавший директором музеев Петергофа, где начинал свой творческий путь Семён Степанович.

Это было время удивительное: колоссальных ниспровержений и очень больших созиданий. Пример такой созидательности – Петергоф музейный¹. Пространство жилое, бытовое претворялось в музейное.

¹ После 1917 года первым руководителем музеев Петергофа был Фёдор Густавович Беренштам (1862–1930, по другим данным – 1937), скульптор, иллюстратор, действительный член и библиотекарь Академии художеств. Человек он был редкого благородства, скромности. В.В. Знаменов говорит: «Этот человек разделял все тяготы жизни революционной России» (цит. по: *Помнеев Ю.А.* Петергоф. История создания музея. СПб., 2005. С. 48). С.С. Гейченко и сын Ф.Г. Беренштама Фёдор Фёдорович были соучениками по гимназии и всю жизнь друзьями. Фёдор Фёдорович был художником, работал на «Ленфильме». Он помогал советами Семёну Степановичу в создании экспозиции музея «Петровское».

Вырабатывалась методология музейной деятельности, осваивались приёмы учёта, хранения, научной инвентаризации. Формулировались принципы экспозиций, в частности принцип тематической экспозиции, применённый со временем во многих музеях (к слову сказать, применённый и С.С. Гейченко в экспозициях Музея-заповедника А.С. Пушкина). Но время, конечно же, было суровое, в процессе музеефикации, в данном случае Петергофа, сотрудникам приходилось сталкиваться с непониманием, бескультурием властей, тотальной идеологизацией.

Архипов – человек сильной воли, отважный; к тому же он умеет убеждать. Он водит по Петергофу Сталина¹, объясняя музейную позицию сохранения исторического и художественного ансамбля. Вождь выносит вердикт: «Надо сохранять». Архипов сохраняет музей в его целостности. Он создаёт сплочённый коллектив сотрудников, куда вошли не только старые работники (М. Измайлов, Т. Сапожникова, А. Дахнович, Н. Удаленков), но и молодые кадры (А. Шеманский, С. Гейченко, К. Большева и другие).

Для начинающих музейщиков, каковыми были Гейченко и Шеманский, друзья в жизни и работе, трудиться с Николаем Ильичём было счастьем. Они пришли в Петергоф, ещё будучи студентами университета, факультета общественных наук (ФОН), литературно-художественного

С.С. Гейченко. Фото 1934 года, пробитое пулей, о котором Николай Ильич пишет в письме от 21.7.1944. Это случилось в 1941 году, когда Зинаида Степановна с матерью и детьми сидела в окопах в Петергофе, прежде чем их осенью того же года вывели русские солдаты.

¹ По одним данным, это было в 1934 году (см. автобиографию Н.И. Архипова, приведённую Хасаном Топажем в публикации «Первый советский хранитель» в газете «Петергофский вестник» от 7 авг. 2008); по другим – в 1932-м (воспоминания С.С. Гейченко в кн.: Агеева Л., Лавров В. Хранитель. Л., 1990. С. 69).

Петергоф. Большой дворец. Научная часть. Слева направо: М. Измайлов, С. Гейченко, Н. Архипов, А. Сергеев, Е. Тихвинский, К. Большева, А. Шеманский.

отделения, музейного цикла¹ в рамках так называемого Петергофского семинара, в 1923 году. «Они обретут здесь своё призвание. Из практикантов «дорастут» первый – до должности помощника хранителя, второй – до заместителя директора по науке»², создадут экспозиции, напишут книги³. Похвальную оценку их деятельности, в частности музейфикации Нижней дачи Николая II⁴, даст крупный учёный историк Ф.И. Шмит⁵.

¹ См.: *Левина И.М.* Первые советские искусствоведы // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук ленинградского университета. Л., 1971. С. 110–127. Добавлю, что С.С. Гейченко, будучи местным жителем, знал Петергоф с детства.

² *Помпеев Ю.А.* Петергоф... С. 51.

³ См.: *Агеева Л., Лавров В.* Хранитель. Л., 1990. С. 93–95.

⁴ В публикации Ю.А. Помпеева читаем: «Однако в 1932 году этот музей был закрыт и превращён в дачу НКВД – несмотря на то, что Сталин, действительно посетивший Нижнюю дачу, с похвалой отзывался об очень интересной и полезной экспозиции» (указ. соч., с. 58).

⁵ *Шмит Ф.И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929.

Первые экспозиции, первые теоретические труды по Петергофу создаются при Архипове и благодаря таланту Архипова. Успехами своими молодые сотрудники обязаны Николаю Ильичу, человеку высокой культуры, разносторонних знаний, истинному интеллигенту. Под руководством Архипова разрабатываются не только экспозиционные замыслы, но и планы реставрационных работ. Под его началом отреставрирован ряд фонтанов. Перу Архипова принадлежат ценные исследования: «Сады и фонтаны Петергофа (Путеводитель по Нижнему и Верхнему садам)»¹ и «Сады и фонтаны Петергофа XVIII века»².

«Счастье, что у нас был Николай Ильич Архипов», – не устает повторять В.В. Знаменов, много лет директор, а ныне президент музея «Петергоф», и продолжает: «Книги, изданные о Петергофе до революции, носили общеознакомительный характер. С приходом же Архипова пошёл материал по-настоящему архивный, интересный. Ему был присущ особый дар историка от Бога; осознавать, выстраивать цепочки фактов через архивные материалы. В этом отношении он остаётся непревзойдённым по сей день»³.

Для Гейченко Архипов стал старшим другом и учителем, передавшим ему своё мастерство, знание и культуру.

Николай Ильич Архипов родился 1 ноября 1887 года⁴ в деревне Подвишенка Опочецкого уезда Псковской губернии⁵ в семье крестьянина. С 12 лет подрабатывал репетиторством. В 1912 году, как сказано в автобиографии, или в 1913, как явствует из герб-диплома, окончил Петербургский университет, историко-филологический факультет, и начал работать преподавателем в городе Вытегра Олонецкой губернии (до 1923 года). Здесь в 1919 году он был принят в члены партии. Здесь в 1913-м в первый раз женился. Жена – Таисия Павловна, по профессии учительница. Через год у них родился сын Илья. Здесь Архипов встречался с поэтом Николаем Клюевым, с которым связан важный отрезок

---

¹ Л., 1930.

² Л., 1936.

³ Цит по: *Помтеев Ю.А.* Петергоф... С. 54.

⁴ Автобиография Н.И. Архипова.

⁵ Было две деревни с таким названием: Подвишенка между левым берегом реки Великой (ниже устья Иссы) и Святогорскою дорогою, в 39 верстах от уездного города, и Подвишенка, она же Зятьки, между левою стороною Святогорского тракта и рекою Великою, при реке Вербе, от уездного города 48 вёрст. Сведения из кн.: Псковская губерния. Список населённых мест по сведениям 1872–77 гг. СПб., 1885.

его жизни. Они были дружны. По поручению Клюева Николай Ильич встречался и с Сергеем Есениным.

Приведу один любопытный отрывок из книги Константина Азадовского: «Летом 1924 г. Клюев участвует в юбилейных мероприятиях, посвящённых 125-летию со дня рождения Пушкина (к Пушкину он относился с особой любовью, не раз «реминисцировал» его строки в собственном творчестве). Вместе с другими петербургскими поэтами (А. Ахматова, К. Вагинов, Ю. Верховский, М. Кузмин, Е. Полонская, В. Рождественский, А. Толстой и др.) он выступает 6 июня на торжественном заседании Всероссийского Союза писателей... едет затем в Петергоф на праздник поэтов, который состоялся в одном из залов Большого дворца»¹. Цитируемый Азадовским современник рассказывает об этом вечере, что устроен он был якобы исключительно для мужчин. Азадовский продолжает: «Одним из организаторов петергофского «мальчишника» был молодой Семён Гейченко, в то время всего лишь экскурсовод»². Гейченко знакомится с Клюевым, неоднократно видится с ним. Он вспоминает: «До войны у меня было несколько писем Клюева и черновики его стихотворений, а также корректурные оттиски его изданий». И далее: «Он дружил с близким мне человеком Николаем Ильичём Архиповым... потом и того и другого сослали в Сибирь»³.

В 1923 году Архипов переезжает в Ленинград и недолго заведует Школой рабочих подростков в Доме Коммунистического воспитания молодёжи. А осенью 1924-го ленинградский горком ВКП(б) направляет его в Петергоф на должность директора Петергофских музеев и парков с поручением наладить музейное дело. В конце 1925 года Николай Ильич распоряжением Главнауки Наркомпроса был отозван из Петергофа и назначен на должность начальника Управления дворцами-музеями с одновременным выполнением обязанностей по заведыванию Хранилищем Государственного Музейного Фонда. В 1926 году, после упразднения этих учреждений, он возвращается в Петергоф, где пребывает до осени 1937-го.

В октябре 1937 года (в автобиографии, приведённой Хасаном Топажем, указан ноябрь, судя по всему – ошибочно) Н.И. Архипов арестован Петергофским РО НКВД. Было ли это арестом по надуманному поводу

---

¹ Азадовский К.М. Жизнь Николая Клюева. СПб., 2002. С. 209.

² Там же.

³ Агеева Л., Лавров В. Хранитель. Л., 1990. С. 77. Николай Алексеевич Клюев был расстрелян в октябре 1937 года.

(«укрывательство немецкого шпиона»¹) или страшный сталинский гребень добрался и до музейной сферы, но Архипов осуждён по печально знаменитой статье 58² и приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, которые он отбыл в Пермской (Молотовской) области на строительстве Соликамского бумажного комбината.

В это время Гейченко работает вначале старшим научным сотрудником Русского музея (1938–1939), затем научным сотрудником Литературного музея Института русской литературы АН СССР (1939 – 17 июля 1941).

В 1937³ году арестован Анатолий Владимирович Шеманский⁴, а в июле 1941-го – и Гейченко по статье 58-10, ч. 2 осуждён на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет. Шеманский в 1941 году был освобождён, он отправляется на фронт и гибнет в боях, по разным источникам, в том же 1941 или в 1944 году.

Гейченко был освобождён в июле 1943 года из Севуралага (Свердловская область) и в сентябре 1943-го отправлен на фронт в штрафной батальон. Он едет через Молотов, где живёт в эвакуации его младшая сестра Зинаида⁵. Рядом, с 1942 года уже на поселении, в селе Верхние Муллы живет Н.И. Архипов. Гейченко и Архипов встречаются. По словам Семёна Степановича, вот какой была эта встреча: «Ещё издали увидел на холме деревеньку, сидящего на скамейке перед одним из домов старого-старого, седого, бородатого Николая Ильича. <...> Это была встреча, какую и Лев Толстой не мог представить. Подошёл Семён к своему бывшему директору, обнялись, прижались друг к другу, расплакались. Стали говорить, говорить...»⁶.

¹ В Корпусе под гербом Большого дворца по указанию властей был поселён некий немецкий коммунист-эмигрант (об этом есть в фильме «Хранители Петергофа». Канал «Культура», 2005).

² В числе обвинений было такое: «Избегал окоммунизирования аппарата», «создавал условия по вытеснению коммунистов с работы во дворцах» (Фильм «Хранители Петергофа». Канал «Культура», 2005).

³ В книге «Хранитель», видимо, ошибочно назван 1934 год. См.: *Агеева Л., Лавров В.* Хранитель. Л., 1990. С. 69–70.

⁴ Согласно протоколам допроса Архипову вменялась в вину и помощь Шеманскому. Здесь же скажу: из дела Николая Ильича явствует, что Гейченко хорошо отозвался о нём (Архипове), тем самым защищая его (об этом сказано В.В. Знаменовым в фильме «Хранители Петергофа»).

⁵ На фронт Гейченко провожали сестра Зинаида Степановна и Алексей Николаевич Савинов, известный учёный-искусствовед, бывший также в эвакуации в Молотове. Знаю это от самого Савинова.

⁶ *Агеева Л., Лавров В.* Хранитель. Л., 1990. С. 108.

Зинаида Степановна Гейченко.

Итак, Николай Ильич с 1942 по 1945 год живёт на поселении в селе Верхние Муллы, работает секретарём в промкомбинате. Часто навещает сестру Семёна Степановича Зинаиду Степановну с детьми, ждёт благоприятных перемен.

С марта 1944 года сохранились его письма к Гейченко¹ (последнее письмо датировано 1966 годом). Письма С.С. Гейченко к Н.И. Архипову, за очень малым исключением, не сохранились. Первые два письма Семёну Степановичу адресованы в эвакогоспиталь № 2834 Горьковской области, следующие – в Тбилиси, куда он попал после госпиталя и где была в эвакуации его сестра Александра Степановна; вплоть до письма от 17.3.45. Это первый отрезок времени переписки.

В письмах этого периода особая душевная нота. Они проникнуты теплотой, искренностью, взволнованностью чувств. Здесь и переживания за раненого друга, и печаль об умерших жене и сыне², и рассказы о повседневных делах, мысли о возможном будущем и переживания о пострадавшем Петергофе, надежды на совместную работу. Здесь и совет Семёну Степановичу писать «повесть» о Петергофе, какой оба знали. Здесь рассказ о лекциях по астрономии, прочитанных в изгнании, – астрономии, которую изучал и хорошо знал Николай Ильич. И ожидания, ожидание вызова в Ленинград, на работу, завуалированная тревога – разрешат ли «доктора» отъезд, как будет с его, Архипова, «делом» – реабилитацией.

¹ В письме от 20 июня 1944 года Николай Ильич вспоминает письмо Гейченко, написанное им по дороге на фронт. Значит, переписка начинается раньше, но письма не сохранились.

² Первая жена Николая Ильича Таисия Павловна скончалась в 1937 году от рака. Это вспоминает С.С. Гейченко, навещавший и хоронивший её (см.: *Агеева Л., Лавров В.* Указ. соч. С. 99). В фильме «Хранители Петергофа» сказано, что жена Архипова умерла прямо на допросе в тюрьме на Шпалерной, где сидел Николай Ильич.

Сын Николая Ильича и Таисии Павловны Илья, как сказано в публикации Хасана Топажа, «отправившись на войну добровольцем, в 1942 году погиб на Пулковском плацдарме» (см.: *Тонаж Х.* Первый советский хранитель // Петергофский вестник. 2008. 7 авг.)

После многих ожиданий наконец в ноябре 1945 года директор ГИОП¹, известный архитектор и реставратор Н.Н. Белехов присылает Николаю Ильичу вызов в Ленинград для участия в работе по восстановлению разрушенных войной памятников архитектуры.

С 1946 по 1948 год Архиповым сделаны многие исторические исследования, такие как «История строительства Монплезира», «История строительства Марлинского дворца в Петергофе», «Картинное и бытовое убранство Монплезира при Петре», «Новые материалы об архитекторе Леблоне», «Подготовка архитектурных кадров при Петре» и другие². И хотя поработать «на руинах Петергофа» Николаю Ильичу не довелось (он был назначен научным сотрудником в Гатчинский музей), его знания и консультации были чрезвычайно важны. Но в 1948 году в дальнейшей прописке ему было отказано, и он был вынужден переехать в Новгород, где работал архивариусом в научно-реставрационных мастерских, а затем старшим научным сотрудником в областном музее.

В июле 1953 года Николай Ильич был амнистирован. Надо сказать, что с просьбами о его реабилитации (или о разрешении жить в Ленинграде) обращались и руководство ГИОП, и Иосиф Абгарович Орбели, знаменитый директор Эрмитажа. Архипов был принят на должность научного сотрудника в ГИОП, где проработал до выхода на пенсию 1 ноября 1957 года. И как пишет он в автобиографии, «размер получаемой мною... пенсии – 686 р. в месяц».

А Семён Степанович весной 1945 года по рекомендации и с помощью верного своего друга Матвея Матвеевича Калаушина, директора Литературного музея Пушкинского Дома, и по предложению академика С.И. Вавилова зачислен директором Пушкинского Заповедника Института литературы АН СССР, как он тогда назывался. Он участвует в восстановительных работах в разрушенном войной Михайловском, Святогорском монастыре. В 1947 году открывается экспозиция «Домика няни». 12 июня 1949 года открыт Дом-музей А.С. Пушкина в селе Михайловском.

Как видим, не пришлось друзьям потрудиться вместе. Жизнь распорядилась иначе. Но переписка продолжается. В этот период меняется характер писем Архипова, они не столь эмоциональны, как раньше, в них говорится о восстановительных работах и связанных с ними архивных трудах, звучит естественная обида на решающих судьбу его: «...в

¹ Государственная инспекция охраны памятников.

² См.: *Топаж Х.* Указ. соч.

просьбе моей (реабилитации. – Т.Г.) – отказ». Но в них по-прежнему и навсегда остаётся великолепная доброта и забота о друге. Николай Ильич делится сведениями, даёт советы, делает выписки из нужных Семёну Степановичу книг, помогает в приобретении шкатулки Арины Родионовны...

По выходе на пенсию Николай Ильич по-прежнему приезжает с консультациями в Петергоф. Он опытный архивист, кругозор его обширен, помощь его необходима музею. Он знакомится с молодым сотрудником Абрамом Григорьевичем Раскиным, сотворчество с которым приносит прекрасные результаты. Вместе они создают книги, не потерявшие своего познавательного значения и поныне¹.

Письма последнего периода – почти все поздравления с праздником Семёну Степановичу, Любви Джалаловне и «наследнице», как ласково называл меня Архипов. Каждый из друзей идёт своим путем. Рядом с Николаем Ильичём в совместных трудах А.Г. Раскин, а не Семён Степанович, как когда-то думалось. Семён Степанович же продолжает энергично работать над образом «любимого заповедника» (по выражению В.В. Знаменова), под его авторским руководством в 1962 году создана экспозиция Тригорского, у него новые друзья. Что ж, такова судьба.

Хочу сказать ещё вот о чем: после того как умер Николай Ильич, как разжалась его рука, державшая многие годы руку друга, жизнь Семёна Степановича становится более извилистой, более противоречивой. В ней появляются и берут часть судьбы его люди, которые, к сожалению, не принесли ему ни света, ни добра. Может быть, это лишь совпадение? Как бы то ни было, спасибо Господу за тяжёлые, но по-своему замечательные годы, что провели друзья вместе на этой земле.

Спасибо читателю за то, что решил ознакомиться с письмами, из которых узнаёт некоторые новые факты, а ещё услышит удивительную интонацию любви человека, о ком можно сказать словами писателя: «Не все, не все забудьте про меня»².

Замечательно, что публикацию о Николае Ильиче Архипове для журнала «Псков» (№ 33, 2010) также подготовили А.Г. Раскин и Т.В. Уварова.

Татьяна Гейченко

---

¹ Петродворец. Л.; М., 1958; Петродворец Л.; М., 1961; Бартоломео Карло Растрелли. Л.; М., 1964; Прогулка по паркам Петродворца. Л., 1967; Петродворец. Л., 1968 (посмертное издание).

² *Касарес Адольфо Биой. Коварный снег // Касарес А.Б. Изобретение Морела. СПб., 1999. С. 326.*

27.03.1944¹.

Молотовская обл. В-Муллинский район.
с. Верхние Муллы, Райпромкомбинат.

Горьковская область
Борский район
П/о Кинтаурово
Эвак. госп. № 2834

Семён Степанович! Дорогой ты мой! Прими земной мой поклон твоим страданиям. Читаю и перечитываю твоё письмо. Не знаю, что и писать: то ли горевать о твоём увечье, утешать тебя, то ли говорить о своей радости, что ты остался жив, что судьба оказала нам милость – ещё раз свидимся, обнимем друг друга, вспомним минувшие годы. Вот и Миши² не стало, и об Илье³ ничего не знаю: верно сгиб мой верный друг и товарищ. Сколько потерь невозвратных! Иной раз, как подумаешь, как окинешь каким-то внутренним оком всё что творится, чему свидетелем Господь меня оставил (именно оставил) чувствуешь, как от ужаса безысходного вся душа твоя сжимается в комок, готова завопить безумным криком. Но кто-то помогает одолеть устремление в небытие.

Вот пишу и наблюдаю за собой: да, да я всё же радуюсь за тебя! После страшного турнира он всё же увидит и своих птенцов⁴, и солнышко, и немногих друзей. Ах, Семён Степанович, передашь ли в письме всё то, что хочешь тебе сказать? Только и утешаешь себя тем, что через леса и реки до тебя дойдёт всё то, чем полнится моё сердце, душа и мозг в эти минуты, когда я думаю о тебе.

---

¹ У Николая Ильича ошибочно 43. Сокращённые слова почти везде раскрыты. Частью поправлена орфография и пунктуация, когда это не является особенностью авторского написания. По возможности даны краткие сведения об упомянутых лицах.

² Речь, видимо, идёт о М.В. Соколовском, режиссёре-новаторе, товарище Архипова и Гейченко, с которым последний вместе работал в Театре Рабочей Молодежи (ТРАМ). Погиб в Великую Отечественную войну. См. в кн.: *Агеева Л., Лавров В. Хранитель...* С. 96–97.

³ Речь, видимо, идёт об И. Галиче, сотруднике петергофских дворцов-музеев в то же время, когда директорствовал Архипов, работали Гейченко и Шеманский. Галич окончил ФОН, был членом Общества по истории и теории искусства, организованного фоноводами, был научным директором Гатчинского дворца. Погиб в Великую Отечественную войну (*Левина И.М. Первые советские искусствоведы // На штурм науки...* С. 110–127).

⁴ Дети Семёна Степановича от брака с Ириной Петровной Великановой – близнецы Фёдор и Наталия. Скончались в молодом возрасте.

Поправляйся мой милый! Может быть ещё судит Бог вместе поработать в любимых местах. Твои слова о возможном возвращении нашем в Петергоф вывели меня из состояния лежачей колоды. Я снова поднял дело своё, и теперь оно в производстве в Ленинграде. Думаю, что к маю будут оттуда вести. Слышал сегодня по радио, что архитектор Удаленков¹ делал доклад (не понял где) о восстановлении пригородных дворцов. Написал ему открытку на Мраморный Дворец.

Была у меня за время твоего отсутствия одна большая радость: я побывал в Свердловске и повидал сестёр, с которыми расстался семь лет тому назад. Зинаида Степановна² была как-то у меня, живётся ей туго; пытался я устроить ей отъезд на Кавказ, но ничего не вышло по ряду причин и всяких стечений обстоятельств (только не у меня, а возле меня). Но в город я не хожу из-за отёка в ногах. Очень жду письма от тебя, о твоём здоровье. Вспомнил: Андреева³ недавно сообщила мне, что ждёт вызова в Ленинград. Направляют её на работу в Пушкин.

Жду письма, обнимаю крепко искренне. До свидания. Твой Н. Архипов

11.04.1944⁴.

с. Верхние Муллы

Горьковская область

Борский район

П/о Кинтаурово

Эвак. госп. № 2834

Вот ещё какое неприятное повторение пройденного с твоей изуверченной рукой! Опять новые страдания. Да, дорогой мой Семён Степанович, вот какими удивительными путями пробегают дни нашей земной жизни. Легче становится, когда примешь эти горькие дары, как нечто непреложное, неизбежное, смысл чего сокрыт от нас. Мне и до настоящего дня кажется чудесным, что я ещё существую: столько раз подходила ко мне белая дева, но не протягивала ко мне руки. Ведь и с тобой, Семён Степанович, могло случиться непоправимое. Оттого я хотя и живо

---

¹ А.П. Удаленков, учёный, архитектор и реставратор. Работал в ГИОП.

² Младшая сестра Семёна Степановича, находившаяся в эвакуации в Молодове с двумя детьми – Додой и Микой.

³ М.В. Андреева, была сотрудницей петергофских дворцов-музеев.

⁴ У Николая Ильича ошибочно 43.

представляю все перенесённые и переносимые ещё и теперь муки, всё же радуюсь, что друг мой остался на несчастной земле, ещё насладится солнышком, травой-муравой, голубизной неба, звёздами и книгой. И ещё хорошо, что кроме близких и нескольких друзей, есть у тебя детишки – воспитать из них людей чистых, благородных, с образом мыслей возвышенным – вот увлекательная задача для родителя, сколько радостей она доставит тебе, как приятно осмыслит жизнь.

В воскресенье 16.04. собираюсь к Зинаиде Степановне. Там будут Андреева и Генних¹. Первая уезжает в Ленинград, и я должен договориться с ней о некоторых делах. Я пока не теряю надежды поработать вместе с Вами в Петергофе. Когда встретимся, обсудим планы жизни. Я тебе уже писал, что дело моё пересматривается в Ленинграде; трудно сказать – каков будет результат. Писал я Удаленкову А.П., Исакову², но ответа пока от них нет. Тебе, мой друг, отправил я бандеролью папку с бумагой и открытками. Как с чтением? Сообщи, если нужны книги – я уж постараюсь достать и отправить бандеролью. Моё здоровье удовлетворительно, ноги в некотором порядке. Поправляйся, пиши почаще. Нельзя терять из виду друг друга. Целую крепко жму руку. Твой НАРхипов

После 16.04. напишу письмо побольше.

7.6.1944

с. Верхние Муллы

*Тбилиси
ул. Руставели, «Интурист», комн. 22
Александре Степановне Муреевой³
(для Семёна Степановича)*

Дорогой Семён Степанович! Я бы написал тебе письмо побольше, но не уверен, что ты обретаешься на Кавказе. По воскресным дням бываю в Молотове и несколько часов провожу у Зинаиды Степановны. Не так давно я отправил телеграмму тебе, т. к. она сомневается в твоём

---

¹ Л.И. Генних (Гаталина). Окончила ФОН, была членом Общества по истории и теории искусства, организованного фоновцами. Являлась сотрудницей Эрмитажа.

² С.К. Исаков, историк, искусствовед, музейный деятель. Был заведующим музейным отделом Главнауки, профессором Академии художеств.

³ Младшая сестра Семёна Степановича, находилась в эвакуации в Тбилиси.

отъезде на Кавказ. Из письма твоего узнаю о С.К. Исакове. Он, действительно, написал письмо в Комитет по делам искусств. Его письмо было передано в Отдел музеев, из которого последовало послание от Тихомировой (нынешний директор Петергофа)¹, в котором она предлагает занять директорское кресло. Я ответил ей, выразил согласие поработать для Петергофа, но о самом главном для неё (сбагрить на мои плечи административно-хозяйственное ярмо) не сказал ничего и просил лишь сообщить, как обстоит дело с моим вызовом. Одновременно я получил предложение от Начальника Государственной Инспекции по охране памятников Белехова Николая Николаевича (помните?) взять руководство по научной подготовке материалов для реставрации Петергофа. Я ответил согласием и заверил его, что садиться в Петергофское кресло не собираюсь. Итак, Семён Степанович, поправляйся, поработаем в архивах вместе, поможем восстановить Петергоф, а затем уедем куда-нибудь в южные края, поближе к солнцу, хлебу и плодам. Вчера я получил из Ленинграда телеграмму от своей племянницы², которая виделась с Белеховым, они «возлагают большие надежды, заинтересованы» и выслали вызов. Итак, дорогой мой друг, мой чёлн как будто готовится оторваться от неприветливых берегов и направиться в новое путешествие (видимо, последнее). 11-го побываю у Зинаиды Степановны и поделюсь известием. Живется ей туго и сейчас она занята поисками возможности отъезда на Украину. Этот вопрос у нас дебатировался давно. Жду письма. Целую НАрхипов

20.6.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой мой Семён Степанович! Третьего дня был (каждый выходной день бываю) у Зинаиды Степановны. По обыкновению темой разговоров был наш выезд из здешних краев. Жить ей здесь тяжело, изнервничалась она до крайности, ибо ясно, что оставаться ей здесь ещё на зиму просто губительно.

---

¹ М.А.Тихомирова, сотрудник петергофских дворцов-музеев. В 1944–1945 годах была главным хранителем. См.: *Помнеев Ю.А.* Петергоф... С. 76.

² Племянницей Н.И. Архипова была Вероника Сергеевна Шевелёва (Будыко), доктор биологических наук, работавшая в Институте физиологии им. И.П. Павлова.

Читал я твоё письмо и не понял, почему тебе необходима «нянька». Ужели судьба поднесла, кроме руки, ещё дополнительный сюрприз? Из твоих писем я об этом ничего не знаю. Помню одно из твоих писем по дороге на фронт, где говоришь ты о возможной совместной работе над восстановлением Петергофа. Вот, основываясь на этом, я и рассчитываю на твой приезд после отдыха на Кавказе, в Ленинград. Твоё письмо из Москвы мною получено. Действительно, С.К. Исаков написал обо мне письмо в Ленинград; письмо оказалось в Отделе музеев, из которого я получил от Тихомировой М.А. пространное письмо (она перечисляет дворцы и их состояние после ухода горилл). В заключительных строках письма она сообщает, что вскоре я получу официальное предложение занять место директора в Петергофе. Я ответил ей обстоятельным письмом и, не скрою от тебя, с расчётом, что оно будет кому-то показано. Вопрос о кресле я дипломатически обошёл (ты ведь знаешь, что мне оно не надо и в него не сяду). Перед этим я ответил Белехову Н.Н. на его письмо, в котором он предлагает возглавить руководство научной подготовкой материалов для реставрации Петергофа. Я сообщил ему о своём согласии. Моя племянница побывала у него и 2-го.б. сообщила мне, что вызов высылает. Сегодня 20.б. я получил вторую срочную телеграмму за подписью Удаленкова: «вызов выслан, ждём приезда». Итак, дорогой друг, в судьбе моей намечается какая-то перемена, звякнули уключины моего челна. Сообщение ещё скользит по поверхности сознания; кажется, будто оно касается не меня, а кого-то другого, но близкого, к судьбе которого я давно проявляю любопытство. Я засеял маленькую индивидуальную грядку свёклой, но, видно что уеду раньше, чем распустится ботва.

Знаю, что как только я сообщу о получении телеграммы Зинаиде Степановне – она ещё сильнее пригорюнится. До сих пор мне казалось, что с вызовом ничего не выйдет (ведь и «доктора»¹ могли сказать о вредности климата), а потому в проекте у нас была вербовка на какие-нибудь работы, поближе к солнцу и хлебу. Теперь придется соображать, как вытянуть её в Ленинград. Теперь и мне, и Зинаиде Степановне важно знать, что думаешь делать ты после Кавказа? Думаешь ли там остаться и устроиться (что кажется мне маловероятным) или перебраться в Ленинград и работать со мной вместе хотя бы на первых порах? Тогда, т. е. в последнем случае, нам, мне думается, не трудно будет вызволить Зинаиду Степановну с детишками.

---

¹ В оригинале без кавычек. Здесь взято в кавычки, чтоб стал понятен под- текст.

Письмо моё адресуй на Зинаиду Степановну, т. к. перед отъездом в Ленинград я думаю съездить к сёстрам в Свердловск. А без меня письмо может затеряться. Сообщи подробнее о своём здоровье. Только пойми и прочувствуй одно: равнодушное отношение к нему недопустимо, оно равносильно самоубийству. А последнее нам с тобой не позволено. Хотя как и ты я многого не понимаю, но об этом знаю: – нельзя. Мне даже кажется иногда, что горькая чаша не вся испита мной, что осталось в ней ещё несколько глотков, но приму их, раз положено судьей.

Получаешь ли сообщения о здоровье птенцов? Вот ещё тебе неугасающая печаль, вроде моего Ильи. И всё это надо как-то принять и горестную ношу не сбрасывать.

Целую тебя, друг мой.

Твой Н. Архипов

P.S. Направлял я тебе, кажется, в Горький бандеролью папку с бумагой, открытками, конвертами. Получено ли?

На всякий случай запиши мой вероятный будущий адрес:

Ленинград. Свердловский район.

16 линия, д. 47 кв. 61.

Думаю, что в пол-июля буду там.

Н

7.7.1944

с. *Верхние Муллы*

Тбилиси

Дорогой мой, Семён Степанович. Я получил твоё закрытое письмо и открытку, посланную ему вдогонку. Одновременно я получил разрешение Ленсовета на въезд в Ленинград. Так начинается мой последний жизненный рейс. Иногда я замечаю, что бываю как бы наблюдателем разных событий в личной жизни, какое-то второе «я» разглядывает меня, мои пути и с пытливым любопытством всматривается в туманы судьбы. Говорят, что жизнь это сон и я с безбоязненным интересом приближаюсь к пробуждению – смерти. Думаю, что это любопытство спасало меня в самые трудные моменты университетской жизни, я принял неизбежность томления и страданий и ломал набегавшие соблазны вычеркнуть себя из суеты сует... У Зинаиды Степановны (я провожу у них каждый выходной день несколько часов) буду 9.7. Мне заранее грустно,

что моё сообщение опечалит её и может быть ещё более усилит раздражение на свою беспомощность и одиночество. Я, конечно, приложу все старания вытянуть её в Ленинград. Я надеюсь и очень крепко, что я и ты будем работать вместе. Следующее моё письмо будет из Ленинграда. Оттуда я ждал сообщений от Андреевой, но теперь знаю, что она после разговора с Макаровым¹ (которому я писал в январе письмо, но не получил ответа) решила, что бывший хранитель садов и фонтанов – отпетый... Она хранитель в Ораниенбауме, там я буду и героически поблагодарю за недошедшее ко мне письмо от неё. Я постараюсь не занимать кресла. В своих письмах в Инспекцию по охране памятников и в Комитет по делам искусств я заявил о своём желании отряхивать пыль хартий. Этой подготовкой материалов для реставрации мы и займёмся с тобой. Целую крепко. Твой НАрхипов

Привет и пожелание здоровья матушке. Привет Александре Степановне.

О многом хочется поговорить с тобой. Жду этих счастливых вечеров.

21.7.1944.

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович! В минувшее воскресенье был я в городе и, как обычно, навестил Зинаиду Степановну. Она передала адресованное мне письмо. Какое хорошее письмо, какими хорошими братскими чувствами продиктованы его строки. Читал его несколько раз и благодарил провидение за друга, который меня знает, понимает и любит. И ты и я знаем, что для души человеческой, брошенной на эту землю, в горнило суеты сует, бескорыстное слово ласки и любви. Часто я, сидя у Зинаиды Степановны, поглядываю на твой фотопортрет (пробитый пулей) и с какой-то радостной улыбкой шлю тебе в далекие края мысленные токи сердечного привета и благих пожеланий.

Как счастливы мы будем, когда наконец встретимся и, может быть,

---

¹ В.К. Макаров, учёный, музейный деятель. В 1918 году, после Февральской революции, состоял в комиссии по охране дворцов Петергофа. Был хранителем Императорского дворца в Гатчине, позднее директором музея-дворца (1920–1928). Автор ряда трудов о Гатчине. Работал в Эрмитаже, ГИОП, Публичной библиотеке. В 1944 был в Комиссии по разрушениям памятников культуры.

будем работать вместе в Петергофе, над воссозданием прекрасных творений ушедших в вечность делателей красоты. Петергоф радовал тысячи людей, отрывал их от скуки трудовых будней, пробуждал в них необычные чувства, очищал, облагораживал их сердца. Это Петергоф – как памятник искусства. А какими мыслями и настроениями он, как памятник нашей истории, питал тех, кому дано слышать зовы старины! Ты обо всём этом знаешь и вот почему так хотелось бы мне поработать вместе с тобой в меру данных нам творческих сил в Петергофе над возрождением поруганной Красоты. И труд этот не напрасный, достойный человека, потому что в основе его – любовь к людям.

Но не так, оказывается, просто мне, изгою, прибыть в места, где когда-то мы трудились, переживали победы, успехи и неудачи. Вспомнишь Петергоф и поплывут и зазвучат окрашенные в тёплые блёклые тона былые радости и печали. Как страшно будет новое свидание с ним, если только оно состоится. Вызов я получил, но здесь потребовали разрешение или согласие оттуда на прописку. Сообщение об этом я отправил и вот жду, но без нетерпения. Отказ я принял со смирением, спокойно, без внутренней бури и возмущения, в глубокой уверенности в предопределённости путей человеческих. Храню и тепло надежду, что чёлн мой сползёт с каменистой отмели. Итак, друг мой, мы, т. е. я и ты, оказались в неравном положении. По этому поводу я сделал ироническое предположение (в котором упоминалась твоя рука и моя голова), которое вызвало у меня и у Зинаиды Степановны гомерический хохот. А вообще Зинаида Степановна не любит смеяться. Тяжёлый крест выпал на её долю, бьется как рыба об лёд. Только практичность и спасает её с двумя детишками. Эта вечная забота о куске хлеба не только для себя, но главным образом для птенцов, измотали её нервы, сделали её раздражительной, несговорчивой, готовой противоречить, даже не выслушав собеседника. (А если к этому дополнить оскорблённое женское самолюбие...)

Если я сброшу ярмо татарского села, я, конечно, приложу все старания вытянуть её; ну, а если желанное не сбудется у меня, я советую ей воспользоваться в начале октября эшелонам Института и перебраться в Ленинград. Тут я пока натываюсь на такую скалу упорства, что никакие логические доводы не могут до сих пор иметь успеха. Но я не оставил надежды в этом плане, т. к. мне ясно, что оставаться ей на зиму в этом городе никак нельзя. Ив. Алекс. выехал в Ленинград, живёт в доме учёных, переписывается с Зинаидой Степановной и ждёт моего

приезда. В Петергофе тоже ждут меня; там очень рассчитывают, что я возьму бразды правления. Андреева наконец мне написала; видимо, потому, что её уверили в непременно моём прибытии. Письмо пространно повествует о состоянии, в котором оставили Петергоф фашистские гориллы. О Николае Петровиче¹ ничего не известно, кроме того, что он производил эвакуацию ценностей. Сохранился Кевля (? – Т.Г.), но служит не в Управлении и пока собирается вернуться на прежнюю службу. Видимо, из старожилов пока никого там нет. К письму, которое я направил Тихомировой, я приложил особую записку, что надо теперь делать в Петергофе, дабы времени не терять зря. Думаю, что возможно и должно восстановить весь ансамбль памятников Петровской эпохи. Работа трудная, героическая, способная своей осмысленностью поглотить у работника всю энергию без остатка.

Ответа из Ленинграда я жду на этих днях; если он будет неутешителен, я попытаюсь в конце месяца проехать в Свердловск и повидать там сестёр, уезжающих в Ленинград в начале августа. В Сибири пока что остается ещё одна сестра, вероятно, до 1945 г. Племянница уже проживает в Ленинграде и вот от неё я и жду подробной информации по моему делу. Как только я получу новые сообщения, я не замедлю известить тебя. Чувствую я себя удовлетворительно, меню моё очень скудно и однообразно, но отёчность на ногах прошла, зато появились на ногтях рук глубокие прогибы – признак недостатка белковых веществ. Всё это пройдет, как только с наступлением осени усилится потребление овощей, повысят нормы хлеба. Читаю маловато, много времени отнимает даже скромная моя кухня, а к тому же по вечерам не дают света. Каждый выходной день делаю променад в город и удовлетворительно одолеваю 20 км. Передай привет и благодарность за добрые пожелания всем близким и любящим тебя.

Твой НАрхипов

Читал на днях в «Комсомольской Правде» (кажется от 16 или 17/6 статьи К. Федина «Патриотка». В ней он рассказывает о Тихомировой. Вот при чтении этой статьи мне подумалось, как хорошо было бы если Семён Степанович отпечатлел бы какой-нибудь повестью былые наши труды и дни. Ты сможешь это сделать. Конечно, если тема эта тебе по душе.

---

¹ Н.П. Удаленков, старейший работник петергофских дворцов-музеев, художник-реставратор; участвовал в эвакуации ценностей, много сделал для музея. Не успел эвакуироваться сам, попал в плен, после войны вернулся в Петергоф.

Не успели мы написать фундаментальной истории Петергофа и хотелось бы оставить какую-то памятку и о нём и о тех, кто любил его, берёг и прославлял на весь Союз.

Что ты думаешь об этом мой дорогой?

Прости за каракули, пишу между делом.

Целую тебя

28.7.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Все ещё татарское «Муллы»

Дорогой Семён Степанович, друг мой, отправил я тебе закрытое письмо, в котором обещал рапортовать, буде, что появится новое на моём горизонте. Вот вчера получил от своей племянницы из Ленинграда срочную телеграмму: «Видела Белехова, разрешение вышлют». Зинаида Степановне ещё не успел сообщить, может быть повидаюсь с ней завтра, в субботу. Собираюсь проехать на два дня в Свердловск к сёстрам, которые 1–2 августа уже отправляются с эшелонам к родным пенатам. Значит ещё пробуду в сих местах недели две, пока не получу пакета. А, может быть, «доктора» (кавычки мои. – Т.Г.) опять посоветуют остаться!?! Хорошо думать, что пути твои и всякие препинания не случайны, и живёшь ты по заданному расписанию (а отсюда и любопытство гостя!). Итак, как только выцарапаюсь, очень надеюсь на совместную работу. Да надо ещё обязательно выгаскивать Зинаиду Степановну! Нельзя ей оставаться на зиму здесь. Я в ожидании перемен все эти три месяца старался беречь здоровье, пораспродался, но зато сохранился. Трудное было это время. Передай мой привет и пожелания здоровья матушке. Бодрости и энергии твоей сестрице, а от меня прими крепкий дружеский поцелуй. Твой НАрхипов

19.8.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович! Вчера 19.8. получил твоё письмо от 7.8.44 г. Нет, мой друг, я носа не повесил, и это потому, что скрип уключин моей ладьи не уносил моих мечтаний в эмпирейные сферы. Я всё

время старался оставаться на позиции любопытствующего наблюдателя. Там не оставляют мужественной попытки вытянуть меня из уральского захолустья. Недавно по просьбе Инспекции по охране памятников я отправил характеристику с места работы, а вчера сообщили срочной телеграммой, что в Молотов направили отношение с просьбой выдать мне абшид¹ на Ленинград. Вот, друг, как крепки гнилые канаты. А в Петергофе очень ждут меня. Недавно получил письмо от Андреевой. К ним назначают директором Шурыгина² (мне помнится, что был такой руководитель...). <...>

В парке проводятся субботники по расчистке, а научные сотрудники заняты розыском скульптуры, которую наши закопали в различных частях парка и даже в самом городе. Найдены Адам, Ева с отбитыми ногами, скульптуры Золотого каскада, скульптуры Верхнего Сада (за исключением Помоны).

Видно по всему, что моё намерение (если судьбе угодно будет направить нас на берега Невы) обосноваться с тобой в Инспекции по охране – правильно. Будем с тобой готовить материалы для реставрации (подумай только, сколько нового мы откопаем в архивах! Сколько интересных статей мы можем дать по журналам, а может быть, напишем историю Петергофа?!). Это куда будет плодотворнее административно-хозяйственной возни и дрызг (которые уже родились на пепелище!). Надо как-то себя поставить в положение ока инспекции, наблюдающего за состоянием и восстановительными работами памятника, ока руководящего, направляющего; словом, ты понимаешь, что деятельность директора в Петергофе должна быть сведена только к исполнительским функциям. Ты, может быть, найдёшь свободное время и набросаешь проект положения о наших функциях, исходя из предположения, что в Инспекции по охране памятников будет отдел подготовки материалов по реставрации Петергофа. Свой набросок направь по моему ленинградскому адресу (думаю, что мои дела к началу сентября будут ясны и я не замедлю оставить подобно Игорю татарскую обитель). О приезде в Ленинград я тебе, конечно, телеграфирую и, выяснив всю ситуацию, устраиваю твой вызов.

---

¹ От немецкого Abschied – увольнение.

² Я.И. Шурыгин, довоенный сотрудник петергофских дворцов-музеев, заместитель директора по научно-музейной работе; был на фронте, в августе 1944 г. вернулся в Петергоф. Возглавил Дирекцию дворцов-музеев. (См.: *Тонаж Х.И.* Петергоф, возрожденный из пепла. СПб., 2009. С. 6, 16).

На днях я съездил к отъезжающей в Ленинград из Свердловска сестре; у второй сестры на руках вызов, но служит она на заводе, а потому она ещё просидит в Уральской столице. Сейчас, вероятно, сестрица в Ленинграде.

Завтра буду у Зинаиды Степановны. Она ещё не знает о последней полученной мною телеграмме. Мне надо с ней посоветоваться, каким способом узнавать о получении в Молотове грамоты, дабы последняя зря не лежала под сукном «до времени». Ведь близится осень и добираться в город становится всё труднее.

Очень уж мне понравилось обобщающее определение: «разгневанная Гера» (оно, конечно, остаётся в нашем архиве). Но ты в него внесёшь некоторые поправки, если узнаешь, что письма она пишет Вам, но Вы их не получаете. А так как моим письмам везёт (они доходят до тебя), то завтра адрес Ваш на её письме изображаю я своею собственной рукой (и это пусть останется в архиве). Ещё знаю, что из 1500, отправленных мамой, она получила 500, а остальные где-то бродят. Сейчас мы переходим на картофель, он 20 р. кгр., а потому за кило хлеба его можно иметь в 4–5 раз больше. Эти два месяца ей с ребятами будет значительно легче, чем зимой. Овощи – основное! А они недороги.

Пока все они здоровы.

Моё самочувствие и состояние здоровья удовлетворительны. С питанием – когда густо, когда пусто. Отёки на ногах прошли.

До свидания. Целую крепко. Твой НАрхипов

У нас света в Конторе не дают и приходится письма писать между дела и урывками.

Привет всем домочадцам. Как только задует какой муссон – сразу дам знать.

19.9.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович. Вчера получил твою розовую цыдульку, где сообщаешь ты о «ругательном» письме Зинаиды Степановны. О нём я знал, но никак не мог убедить, что его не следует отправлять потому-то потому-то и т. д. Это надо нам принять как необходимую, неизбежную разрядку. Знаю, что следом пошло и другое письмо, но уже в мирных тонах. Ты всё это понимаешь, а потому прощаешь. И это

хорошо. Человек-то, обуреваемый заботами и лишениями, конечно, и раздражителен и мнителен, только ласковое слово участия и любви способно утихомирить его. Бываю я в Молотове почти каждое воскресенье и тема о возвращении – одна из основных в наших разговорах и всяких воспоминаниях. Я уже тебе писал, что с появлением овощей жить стало легче, а стало быть веселее, и хлеб подешевел 40 рублей кгр.

Пишу письмо между делом, а потому, дорогой мой Семён Степанович, не взъщи за стиль. Собирался сегодня в город, но ветер такой холодный, что я вернулся и решил прогуляться завтра, а по какому делу – о том сообщу ниже.

Начну с Петергофа. Недавно получил письмо от Андреевой. (Пишет, потому что ждут меня, уверены в моём приезде). Изложу её письмо (переслал бы его, но берегу, потому что это как-никак документы людей, прибывших и начавших работу на пепелище).

«...Работаем с зари до зари, ...пугает плохое самочувствие ...перетомление... а второе: не впусую ли все усилия – не будет ли Петергоф в конце концов только парком с «питьевыми точками», о чём уже и сейчас проявляют большую заботу местные деятели, а наше танцевально-эстрадное управление недостаточно энергично ведёт линию защиты музейного Петергофа, об этом ведь пишете и Вы. И вот это то и тревожит больше всего.

...к нам назначили Шурыгина, вернувшегося с фронта после нескольких ранений... Петергоф ему, видимо, дорог. Посмотрим, что будет... Тихомирова – женщина энергичная, но тоже разбрасывается..., очень милый культурный человек... Слодкевич Варвара Ивановна, совсем больной человек, но работает самоотверженно. <...> Всю парковую скульптуру за исключением 4–5 откопали, нашли и Помону (Верхний Сад). В Екатерининском корпусе нашли мелкие фрагменты Растрелли... Копаемся всё время на пожарищах Большого Дворца и Екатерининского корпуса. В Большом Дворце найти удаётся немного, всё засыпано... падаются обломки фарфора, изразцов...»

Я задал ей целый ряд вопросов и поручений, но, к сожалению, она на многое не даёт ответов.

«Под Петровским залом ничего не нашли, видимо хрустальных люстр там не было... от Петровской лестницы ничего не сохранилось... Кровля Монплезира дырявая, плохо с рабсилой, пострадала от протечки пильмановская роспись, частично осыпалась. Церковь и Герб полураз-

рушены... находим жалкие остатки бронзы (вероятно золочёных медных украшений. – *Н.А.*)... о барельефах Большого Грота неизвестно, что эвакуировано, что погибло... Бронзовая скульптура Монплезира эвакуирована... С фотографиями очень плохо, наезжают гастролеры... Собственная Дача – развалины. В Саду полуразбитая скульптура, нет транспорта, чтоб вывезти... много битого фарфора... В общем очень трудно, делаем, что можем, но боюсь, что всё напрасно, музейное значение Петергофа далеко недооценивается... Недавно обнаружили следы Цитовича¹, он был в оккупации в Опочке, остался жив... Ждём Вас с нетерпением...»

Вот я выписал тебе всё самое существенное. А выводы сделаешь сам. Кстати: Петергоф переименован (тебе это известно) в Петродворец. Очень остроумно! Как-то будут именовать Кронштадт и Ораниенбаум?! Неграмотность на почве высокого усердия. Разбираешь ли мои каракули? Знаю, что тебе приятно получать весточки, ну вот сиди и разбирайся в моём рукописании. А о себе сообщу следующее: завтра поеду в город к «докторам» (кавычки мои. – *Т.Г.*) и выясню, получено ли ими ходатайство Инспекции обо мне и дадут ли мне абшид из здешних мест. Вопрос обо мне согласован в Ленинграде там, где мы с тобой гостили. Не скрою, несколько волнуюсь. Ведь, только представь момент, когда изгою разрешат невский климат. Оттуда пройду к Зинаиде Степановне и у неё напишу о результате.

А всё-таки, что ты думаешь о возможности помянуть Петергоф, исчезнувший как Китеж-град, повестью? Или эта тема тебе не по сердцу. Помнишь, в Нижнем дворце уже составляли описи передачи, а я попросил Шеманского завести маленькую шарманку. Он её уносил вниз... Продолжения жди, а пока прими поцелуй. Привет всем твоим. НАрхипов.

20.9. (продолжение письма. – *Т.Г.*)

Ну, вот, дорогой мой, сегодня днём был в городе. Опять затяжка: отношения Инспекции по охране памятников мало – необходимо прямое непосредственное извещение из Ленинграда от надлежащих, тебе известных органов.

Сегодня пишу Белехову, который уже имел беседу и получил согласие, где надо, на перемену мною климата. Значит только к середине октября выяснятся дела грешника.

---

¹ С.Ф. Цитович, сотрудник петергофских дворцов-музеев.

Был у Зинаиды Степановны. Сегодня утром ей разнесло всю левую часть лица после предварительной головной боли ночью. А в чём дело она не знает, говорит, что это у ней бывало. В воскресенье опять буду у них. Приносил ей тапочки, пришлось по ногам, и она осталась довольна и конечно, я. Говорила, что отправила письмо с извинением за свою горячность и реплики. Очень уж она была уверена в том, что я вернусь из «лечебницы» (кавычки мои. – Т.Г.) с желанным пропуском.

Ты не думай, что я уже склонен «повесить нос на квинту». Только уж тягостным становится одиночество; да и сердце иногда просит покоя.

Как у тебя здоровье? Все-таки, слава Seigneur, что остался ты с правой рукой, не контужен.

Белехов пишет мне, что недавно они выпустили монографию о Ленинграде, а сейчас собираются выпустить ряд монографий о пригородах. Надеется, что я также приму участие. Только бы мне с тобой обратиться в Пальмиру, мы бы жили неплохо, заработали бы пером.

Ну, обнимаю тебя крепко.

Твой Н.Архипов

19.10.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович, ты напрасно подумал, что я умолк. Я аккуратно шлю ответы на твои письма. В последнем письме я сообщал о делах петергофских, получил ли ты его? Я также как и ты, жду попутной погоды. Правда ветер ещё не вздувает паруса моей ладьи, но снасти продолжают скрипеть. Недавно отправил три заявления: одно в Ленинград, а два в Москву. Написал в том смысле, что уже пора покончить с безобразиями и вздором, который повис надо мной. Надеюсь, что в ближайшие недели горизонт прояснится, т. к. в Ленинграде в основном всё налажено и дело с вызовом не погасло. Послезавтра буду у Зинаиды Степановны, будем справлять день её рождения. Я, кажется, писал тебе, что у Зинаиды Степановны однажды вздуло всю левую половину лица. Теперь эта беспричинная (?) напасть прошла. Но зато другая неприятность: просят к ноябрю очистить комнату. Про себя я думаю, что Зинаида Степановна сумеет это дело уладить. Писала она в Петергофский

Горсовет – сообщили, что до 45 г. въезд в Ленинград и районы прекращён. Пишу эту открытку между делом. Не грусти, что приходится ожидать веления богов на движение в Итаку. Зима уже начинает засылать своих вестников, недавно была двухнедельная снежная буря. Одна из моих сестёр застряла в Свердловске, а вторая к Новому Году собирается быть в Ленинграде. Кстати, если не успею ещё раз написать после 21.10, то прошу теперь же принять мои поздравления с 27й Годовщиной Октября, и пожелания всякого благополучия. Жму руку и целую. Твой НАрхипов.

Привет маме и сестре!

22.10.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович! Получил от тебя открытку, в которой сообщаем, что писем моих не получаешь. Последнее закрытое письмо я отправил 21.09. заказным. В нём я изложил тебе всё, о чём писала мне из Петергофа Андреева. Очень прошу уведомить меня, прибыло ли к тебе это письмо. После него отправлены мной ещё несколько писем. Сообщи мне, о чём писал тебе Павел Николаевич¹. Сейчас я у Зинаиды Степановны. Все живы и здоровы. С жильём у Зинаиды Степановны всё устроилось: она остаётся на месте. Вчера вечером отмечали день её рождения и выпили малую толику, для меня, однако, чувствительную. Кажется, я тебе уже сообщал, что в ожидании известий из Ленинградской Инспекции по охране памятников, я направил заявку в три пункта, чтобы сдвинуть дело о моей реабилитации. Не сокрушайся о часах меланхолии и безделья; и задумчивость бывает плодотворной. В тревогах мирской суеты познанию самого себя не уделяем мы времени. Выписки хороши и полезны, если мы их перечитываем. Здоровье моё и настроение удовлетворительно. Стоят холодные со снегом дни, зима близится. Что нового принесёт она нам? Передай привет и лучшие пожелания маме и сестре. Целую НАрхипов

---

¹ П.Н. Шульц, известный археолог-античник. Окончил ФОН, занимался в Петергофском семинаре. Участвовал в Великой Отечественной войне. Друг С.С. Гейченко с университетских времён.

5.11.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

<...> Ты помнишь. Это всё в прошлом Петергофа – не Петродворца... Я недавно написал Александру Петровичу Удаленкову, что буду восстанавливать не Петродворец, а Петергоф. Это, конечно, если судьбе будет угодно оторвать меня из здешних краев. Как я пишу! Бедный цензор. Вот мне приятно, что ты понял меня и что-то хочу чем ты хочешь помянуть Петергоф. Да пусть это будет сыро, мемуарно. Но, ведь, что-то было общее у всех нас, что соединяло. Знаешь, не все люди слышат свою историю, её зовы. И меня всегда обступали тени, когда я шёл по Косой аллее, вообще по парку. Тени прошлого. Всех двух столетий. И даже Блок на мраморной площадке Монплезира (с велосипедом). Вот тебе и надо в мемуарах (всё это неверно, неверно я говорю – думать не хочется – пьян). Что сказать вообще о «музейщике», то есть о человеке, который через смерть пронёс свою праисторию, хотя и не осознаёт это?

Перевернул лист и увидел длинную полосу. Я её допишу. И пьяный мысленно поцелую тебя и улягусь спать. <...>

Сейчас всё подернуто флёротом и паутиной нежной, исторической печалью.

Белые невкие ночи.

Пьян я и рука не пишет. Друг прости. Прими поцелуй. Твой НАрхипов

Завтра я напишу.

6.11.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой далекий друг! Я только что выпил изрядную кружку водки. В нашей конторе никого нет: один директор да я. Все разъехались на родные места, только вот я ещё на Урале как Меншиков в Берёзове. Ну а по привычке я дорожку фасоном учреждения – написал лозунг, большущий. Немного преустал, а днём-то я к Празднику достал водки. И так мне взгрустнулось, решил хватить, да холодной картошкой закусить. И вспомнил тебя и Таисию Павловну. Хорошая она у меня была и всегда, помнишь, с охотой готовила нам закуску, когда заходили мы ко мне око-

ло полуночи (последний год, когда чувствовал я приближение какой-то грозы).

Да, тебя вспомнил. Вот и слёзы. Эх выпили бы, поговорили бы. Далеко ты. Налью ещё и ещё выпью. Взялся за перо. Это я всегда, когда мне грустно. Послезавтра Праздник. 8-го пойду к Зинаиде Степановне. <...> Дорогой Семён Степанович, за семь лет, как я оторвался, сегодня, кажется, второй раз набегают слёзы. А первый раз – это когда ко мне приехал мой бесстрашный друг Илья¹. Ведь так и не знаю, где он. И такие мрачные бывают о нём думы – будто где-то он далеко, больной и вести подать о себе не может. Какая горькая, противная водка.

Сегодня получил телеграмму от племянницы. Ты её знаешь? Она всё хлопочет обо мне. Телеграмма срочная «Ленинград командировка». Что сие значит? Вот подожду, узнаю. Какую командировку они придумали?

Ребята у Зинаиды Степановны хорошие, умницы. Она всё из парня дух непокорства хочет вышибить. Это мне иногда не по нраву. Ты знаешь (у меня этого раньше никогда не было), когда я вижу маленьких ребят, двух недель или там пятимесечных, такие у меня нездешние чувства появляются при виде этих безгрешных существ – и сам себя не узнаю. И с матерями, [которые] ругают своих детёнышей, не понимают... Думаю, приписывают им капризы. Я тебе об этом расскажу. А Зинаида Степановна из парня хочет сделать что-то покорное. Я ей и говорю: для Вас это может быть и удобно, а к нему надо подойти иначе; вот в жизни-то покорного человека с куриной душой всякий пожирать будет. А они-то ребята сообразительные, приспособливаются к её характеру, и меня понимают, и у меня с ними дружба, друг друга понимаем. Ты прости, что пишу я тебе в таком состоянии. Я всё время прикладываюсь. Да и выпил-то я немного, а вот и рука, а у тебя то одной нет – знаю как потрясло тебя это несчастье, не писать, а говорить с тобой охота. Ужели встретимся? И ты поплачешь на моём плече! Помнишь, как когда-то у тебя, вечером выпивали и я всё просил тебя заводить осеннюю пластинку. Ты её потом продал массовику, как его – не помню. Противная водка! Скоро доконаю бутылку. Самого главного не сказал. Я получил твои открытку и письмо, в котором ты сообщаем, что моё послание (пересказ Андреевой) после долгих его блужданий получил. Боже ты мой, как я истосковался – ведь и письмо-то пишу пьяный оттого, что хочется (какое неверное слово)...

---

¹ Вероятно, И. Галич.

8.11.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой мой далёкий друг! Сегодня второй и последний день Праздника. Муллы пьянствуют и по этой причине очередной дежурный, который должен был дать мне передышку, не явился. В Конторе я один. Досадую, что не пришлось сегодня побывать в городе у Зинаиды Степановны. Третьего дня мне взгрустнулось и я хватил праздничных поллитра. В пьяном состоянии, видно, чтобы умерить какой то прилив тоски, я начал писать тебе. Письма бы этого ты не получил, если бы утром уборщица не опустила его в п/ящик. Что я там нацарапал – теперь только тебе одному ведомо.

Итак, и на твоей ладье начинают шелестеть паруса. Я также, как и ты, жду погоды и очень утешаюсь уверенностью, что жизнь каждого протекает по кем-то начертанным путям. Неплохая штука, сказал Гёте, доверчивое почитание тайны, тихие надежды...

Терпеливо будем ждать новых приключений (или злоключений?!) на этом отрезке нашего земного путешествия. Хотелось бы (и очень) вместе поработать, вместе пожить с тобой. Тем более, что и тебе и мне довелось побывать в дантовых кругах и стали мы разборчивы и в людях и в друзьях. Приятно мне, что решил ты помянуть наш Китеж град. Ты теперь на досуге часто странствуешь по его аллеям и залам. Знаю, что выйдет у тебя неплохая повесть. Не может быть плохо (по многим причинам, о которых писать долго). А так как это надо сделать, как ты говоришь и для «опчества», то последнему надо показать (ты прости за непрошенный совет, за не деликатность), если это допускает твоя творческая композиция, что «музейщики» это особая людская порода. Помнишь Мцыри у Лермонтова говорит: «Я видел груды тёмных скал... и думы их я угадал, мне было свыше то дано!» И нам с тобой кое-что дано. Ведь, говорили же с нами и дуплистые липы и стены дворцов – летописных отрывков и патетический барокко и мраморные плиты Монплезирских галерей... Ты знаешь о чём я говорю. Отсюда и благоговейное чувство к реликвиям невозвратно минувшего. Это достояние сравнительно тонкого слоя людской массы. Разве ты не свидетель того, что люди словесно признающие ценность памятников старины и искусства оказываются совершенно равнодушными, если этим памятникам создаётся угроза. Чего не хватает этим «меценатам»? Говоря о «музейниках» я, конечно, имею в виду не только работников музеев; среди ху-

дожников, писателей, поэтов и простолюдинов есть немало одарённых той интуицией, о которой я говорил выше, но все они вкупе составляют во всём мире небольшую людскую горстку.

С каким прекрасным творением мы общались столько лет! Как чётко, удивительно чётко, запечатлелось оно в нашей памяти! Твоя любовь и благодарные чувства к воспоминаниям – вот те силы, которые помогут тебе выткать поэму о нашем погибшем чудесном спутнике. Брось сомнения и примись за работу. Не теряй дней. Если появились контуры – лепи, обдумывай, ломай, переделывай с любовью и сознанием долга и... Вот наша встреча, вечер... ты читаешь повесть...

А теперь уж поздно. Залягу спать. И завтра договорюсь по телефону с Зинаидой Степановной относительно некоторых хозяйственных дел. Как досадно, что сегодня я не попал в город; и погода-то сухая и прохладная. Привет и пожелания здоровья маме и сестре.

Жму руку и целую. Твой НАрхипов

18.11.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович! Получил несколько твоих писем. Завтра 19.11. обрадую Зинаиду Степановну обретением сестры¹, если она ещё не получила этого известия от тебя. Прошрое воскресенье я был у них, вспоминали всех вас и раздавили поллитра. У нас, как у матросов на Летучем Голландце, одна, всё одна и та ж мысль – вернуться к пенатам. Пока плывём благополучно, с питанием перебиваемся и не голодаем, хотя разносолов, конечно, на столе нет. Тебя интересует судьба моих заявлений. Друг мой, пойми, что моё бытие – досадная случайность, и потому вряд ли кто возьмёт на себя труд и смелость разбираться в правильности решений. К тому же это дело вонючего прошлого. Может быть и ещё куда напишу. Бывает, что шарик рулетки судьба вкатит в задуманную лунку. А вот относительно возвращения к брегам Невы – надо, видно, [неразб.] т. к. там идёт фильтрация. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы ты выплыл туда, а не в Москву. Вообще необходимо, чтобы кто-нибудь из нас там оказался, тогда наверняка оба будем вместе. Но, как сказал Наполеон, «в уменье ждать залог успеха». Жду от Андреевой письмо и сообщу тебе всё для нас

¹Из немецкого плена освободилась старшая сестра Семёна Степановича Мария Степановна, которую считали погибшей.

интересное. Как хочется иногда прикоснуться к делам, потревожить их архивный сок, а вечером побеседовать с другом под симфонию Бахуса. У нас наступила зима, речка скована льдом, идёт снег. Мой взор напрасно ловит, что день грядущий нам готовит. Только бы не заболеть и сохранить себя до попутных ветров. В Конторе я по-прежнему один. Все разъехались по домам. Потому в Конторе дело развалилось совершенно, тошно смотреть. По вечерам готовлю чай, варю картофельный суп. Газеты читаю аккуратно. Думаю, что ты беспрепятственно прибудешь в желанные края; сужу по имеющимся фактам. Как получишь деловое предложение из Ленинграда, не замедли решать дело и сообщить мне. Привет и лучшие пожелания маме и сестре. Целую и жму руку твой НАрхипов

19.11. (продолжение письма. – Т.Г.)

Дописываю письмо уже у Зинаиды Степановны. Сейчас приплёлся по выпавшему обильному снегу. Зинаида Степановна готовит ребятам сани, а мне чай. Деньги она получила и в тот же день отправила Вам письмо. Известен ли Вам адрес Марии Степановны?

(Далее – приписка Зинаиды Степановны. – Т.Г.) Дорогой Сеня! Я в тот же день послала благодарственное письмо. О судьбе Марии я узнала не от Николая Ильича, а [неразб.], но ея адреса не знаю. Я послала в июне месяце письмо [неразб.] И когда получила ответ, то уже знала, что она жива. Дети тоже сразу только говорят, что о ней. Целую всех Вас крепко крепко. Мои квартирные дела плохи. Денег за квартиру у меня нет. Целую Зина крепко крепко.

21.11.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Вчера был у Зинаиды Степановны и у ней дописал тебе грамотку. Она маленькую сделала в ней приписку, так как собирается отправить уже написанное письмо. Они переехали в соседнюю малую комнату (№ 8), в ней хоть тесновато, но зато теплее.

Возвращался в сумерки по заснеженной дороге и в 8 часов уже был дома. Старожилы обещают в этом году суровую зиму.

Не люблю я здешних зим, есть в них что-то тёмное, дантовское. Я понапёк себе картофельных оладьев, пью кофе (конечно, без сахара) и просматриваю газеты. Посылаю тебе вырезку об Артмузее. Заголовок поднял много воспоминаний; захотелось, чтобы и ты пережил таких же

полчаса, как и я. И ещё почему-то подумалось, что все годы в Петергофе были полны борьбой не только за его историко-познавательную и эстетическую ценность (сколько стараний и энергии было нами затрачено на это!). Мы любили весь этот материальный комплекс, переживший своих творцов и пользователей, за те излучения мудрой философической печали сынов человеческих, о которой рассказывает Беклин (в своём автопортрете) и Пушкин (помнишь «Гляжу ль на дуб уединенный»?). Кажется, мои рассуждения Третьяковский назвал бы «очюнь тёмными», но ты-то знаешь, о чём я говорю.

Бьют Кремлевские куранты. Пора спать.

Целую тебя Твой НАрхипов

19.12.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой Семён Степанович! Получил твою открытку, написанную после возвращения из Москвы. Хотелось бы мне знать с кем там тебе пришлось повидаться и что новое, способное меня взволновать, узнал ты. А потом главное – цель твоей поездки (да ещё и безрезультатной?!). Ты пишешь мне об Н.М. Оль. Это не тот ли архитектор, который прикреплён к Петергофу?¹, и о чём он тебе пишет, что обещает? Я тоже обласкан надеждами и обещаниями (что «де как только будет открыт въезд в Ленинград, мне вышлют пропуск»). Знаю, друг, лишь одно: будет то, что положено. Не здесь был начат путь души и не здесь закончит она свой курс учёбы. Кажется мне, что трудные зачёты, как будто, сданы и лик её уже повернут к западу. И оттого-то я земной спокойно очищаю картошку, попыхиваю самосадам, похлёбываю из кружки (соликамской подружки) кофе. И ничего мне, как будто уже не нужно и всё прошлое, как заколоченный дом (помнишь картину «Всё в прошлом»...?). Но, не сочти всё это превратно. Цена благ земных мне известна и, однако, не отрину их, приму наруганный. Ах, дорогой, разве всё расскажешь в открытке?! Вот посидели бы вдвоём, и может быть яснее стало бы мне многое в самом себе. Ведь семь лет я уже сам-друг, позади семейная погорельщина, хождение по кругам, гордыня, по которой здорово прошли напильником (о, она ещё во мне живуча!) и отвращение, с каким я иногда озираю себя...

¹ Николай Ильич имеет в виду А.А. Оля, известного архитектора, руководившего мастерской в институте «Ленпроект».

26.12.1944

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой мой Семён Степанович!

Получил твоё письмо от 7.12, в котором ты передаёшь привет от Орбели¹. Эта открытка – не ответ на твоё письмо, накануне получения которого я тебе отправил закрытое.

Одновременно с твоим письмом я получил два письма от племянницы, в которых она сообщает, что была у Белехова и тот выразил уверенность, что как только... и в 45 г. он не сомневается, что камский одиссей будет на берегах Невы и пр. В разговоре с ней, он просил сообщить твой адрес, собирался написать тебе. Сейчас я отправляю ему письмо и пишу следующее:

«Из Петергофа я время от времени получаю пространные реляции о тамошних «днях и делах» и эти сообщения пересылаю своему тоже мечтающему другу С.С. Гейченко (твой адрес). Он получил несколько предложений из Москвы, но пока решил выждать не двинусь ли я к невским пенатам. Если у Вас имеются какие-либо предложения в отношении его, он будет очень обрадован Вашему письму».

Сообщаю тебе об этом, дабы ты был в курсе, если получишь от него письмо. Ещё раз с Новым Годом. Всем привет и лучшие пожелания.

Был вчера у Зинаиды Степановны. Ребята остались довольны ручавичками. Пили чай и проектировали меню на 1-е января. Не знаю удастся ли быть у них в этот день. Целую тебя

19.1.1945

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой многострадальный мой друг!

Тяжело мне было читать о хворостях, мучающих тебя. Знаю, что страдания не напрасны и не бессмысленны: только на этой тяжёлой стезе сыны человеческие постигают нутром, что они не тмутараканские существователи, что их душа не здешних нив жилища.

Только вот эти знания, к сожалению, не поглощают болеей, терзающих нашу тленную оболочку, и я, вспоминая тебя моментами (вдруг) об-

---

¹ Иосиф Абгарович Орбели, выдающийся учёный, музейщик. Был директором Эрмитажа.

лекаюсь в тебя, ощущаю тебя и тогда замутнеют глаза, застонет сердце и нечем дышать.

Да, дорогой мой, на страшном балу ты был! Оттого и мечтаем мы: ты о Монбизу¹, я о благоуханных рощах Фра-Беато Анжелико, т. е. в сущности о новой земле, под новыми звёздами...

Новый год провёл я в одиночестве. Поздравил по телефону Зинаиду Степановну. Буду у ней 21.1 обязательно, не взирая на мороз, ветер и т. п. И кстати, снесу ей сувенир – хорошие шерстяные рукавички. Вечером сегодня постараюсь с ней поговорить и просить, чтоб купила мне перцу и луку – не лезет картошка без острой приправы; кофе я уже прикончил, а без него как-то скучновато.

Мои из Ленинграда пишут частенько, уверенно ждут меня и Белехов обнадеживает их; только слышал я, что до апреля впуска не будет. Я не волнуюсь, зная, что сбудется всё положенное мне и отверзится, что predetermined.

Дни мои текут и бегут с предельным однообразием. В Конторе я да директор, все разъехались по родным местам. По вечерам чищу картошку, пилю дровишки, топлю печи и, если сон бежит от меня, долго читаю или пишу письма.

Не знаю ещё, получил ли ты моё письмо с изложением сообщений от Андреевой. Судя по газетным сообщениям, в Детском Селе ведутся интенсивные работы по восстановлению города и парков. Дворец решено пока законсервировать. Увидишь Иосифа Абгаровича передай ему благодарность за память. Я был в «санатории» (кавычки мои. – Т.Г.) вместе с его сотрудником Тиграном (?), у него болели почки; где он сейчас – не знаю. Об Илье наводят справки в Институте². Как бы я помолодел, если бы увидел его вживе. Напиши, как у тебя подвигается работа с Китежем?

Мои письма начинают залёживаться?! Гм...

20.1. (продолжение письма. – Т.Г.)

Сейчас прибыла твоя открытка (в которой ты сообщаешь о получении письма с выдержками М.В. Андреевой).

Понимаю, друг мой, как страдаешь ты. Ведь, ты не о всём говоришь мне. Вот оно похмелье после бала! Как бы мне хотелось быть сейчас с

---

¹ От франц.: моё украшение, моя драгоценность. Павильон, в XVIII веке бывший в Царском Селе, в регулярной части парка.

² Сын Николая Ильича Ильи учился в Горном институте (по другим данным – в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта).

тобой. Вот и ты об этом тоже пишешь. А потому очень вероятно, что желания наши сбудутся. Только бы ты не расклеился, хватило бы силы превозмочь физические напасти. Пока не наступит какое-то равновесие в потрясённом организме – неизбежны приливы мучительных недомоганий, расслабляющих настроений, апатии и старческой усталости от жизни. Только тогда, когда кошмарные переживания бала изживутся, станут достоянием памяти – ты придёшь, как говорят, в норму.

Ты, прости меня, Семён Степанович и поверь, что кроме изложенных умствований у меня есть и эмоциональные сопереживания... Больно мне за тебя.

22.1. – (продолжение письма. – Т.Г.)

Вчера был у Зинаиды Степановны. Погода была лёгкая, прогулялся и в сутёмках вернулся восвояси. А вот сегодня мороз, носа высунуть нельзя. Шёл обратно и всё вспоминал тебя, а сам-то исподтишка (сознано) радовался, что вот, мол, шагаю и как будто устали нет.

За время моего у них небытия – и с Микой и с Додой Зинаиде Степановне пришлось немало повозиться. Заболели в канун Нового Года корью, а у Доды в дополнение ещё было и воспаление лёгких. Я застал Доду уже на ногах и при мне она совершила променад на воздух (минут на 20). А Мику я оставил в кровати, со слегка повышенной температурой. Ну, конечно, измучилась она с ребятами страшно. И беседа моя с ней о Ваших семейных делах (я читал и ту твою открытку, в которой ты пытаешься её вразумить) в конце концов (когда я как будто доказал неосновательность её всяких обид) закончилась слезами и понял я, что либо личная встреча с сестрой, либо улучшение условий материального бытия изменят минорно-обидчивую настроенность её суждений. Она согласилась со мной, что под небом Тбилиси тебе живётся не сладко и что она «подсаливает» тебе в твоём беспомощном положении. Пальто она пока ещё не получила. Одно хорошо, что она не теряет под тяжестью будничной борьбы энергии и цепко держится за жизнь. Ребята хорошие и понимают трудности жизни...

До 1-го апреля никаких выездов не дают. Значит тихохонько и смиренхонько надо ждать наступления весны. Целую тебя, до свиданья, мой дорогой.

Передай мои приветы маме и сестре. (От Марии Степановны в Молотове получено уже несколько писем из Вязников). Твой Нархипов

10.2.[1945]

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой мой, сколько уж вечеров всё собираюсь писать тебе и своим, и вот никак не пишется. И не знаю почему. Тебе-то, я знаю, знакомы такие состояния – не уныния, не безнадежности, не меланхолии. Подобен Сивке, покорно ступающей по дороге жизни. И, как будто «ничего мне на свете не нужно». В своих письмах ты, дорогой, иногда говоришь то (это удивляет и радует меня), о чём и мне часто хочется сказать тебе. Только о душевных делах и тонких неясных предчувствиях лучше изъясняться с глаза на глаз, на бумагу всего не выложишь. Бездумными стали мы. Нет своей конуры. Опротивел мне быт мой. А главное и перемолвиться почти не с кем. Но будет и на нашем тупике праздник. Мы ещё с тобой вместе поживём и не один вечер проведём в доброй беседе. Завтра пойду в город навестить Зинаиду Степановну. Два воскресенья уже не был и по телефону никак не мог связаться. Сразу же завтра вечером черкну о их житье-бытье. Я уже тебе, кажется, писал, что до апреля выпуск воспрещён. Ну, что же – подождём! Только вот весной, когда зашумят воды да зачирикают птахи – затоскую. Только зори будут делить и утишать боль одиночества. Петергоф я часто навещаю в сновидениях. Только он уже не тот, который мы любили. И на яву едва представишь себя бродящим среди развалин, тяжело становится и пугаешься будущих возможных переживаний.

Да, тот Петергоф невозвратно канул в вечность. Я очень рад, что [ты] взялся за перо и решил помянуть его. Уж ты постарайся, пока есть время, снести яйцо. Обязательно ежедневно урывай время и бери в руки перо; пусть будут отрывки, потом скомпонуешь, отделаешь, но обязательно пиши. Может быть к нашей встрече ты и успеешь закончить повесть о нашем сновидении... Да, недавно я тоже закончил, наконец, «лекцию» о вечности и бесконечности – о небе и звёздах. Прочту в местном клубе и, если будет удачна, повторю её в ряде изб-читален и в заводских клубах. Думаю, что заработаю картофеля. Писал по три строчки в день. Но принудил себя написать. Хочу, чтоб людишки с любопытством и трепетом взирали в небесную высь. Шлю тебе отрывки из письма М. Андреевой. Жму руку и крепко целую. Твой Н.Архипов.

Ты мне напиши, почему отдумал ехать на вызов Москвы? Какое приглашение получил от Калаушина? Кажется, моя племянница видела Белехова. Он уверен, что я буду на берегах Невы. Что же, если сему суждено сбыться, то от судьбы не уйдёшь.

— — — — —

«Сердце в землю снесено...» В трёх [словах] – целая поэма! Написал бы побольше письмо, но спешу отправить вести из Петергофа (ничего привлекательного!)

Привет маме и сестре.

Твой НАрхипов.

[10 – 12.2.1945]

С. Верхние Муллы

Тбилиси

(Выписки из письма М.В. Андреевой от 24.1.1945. – Т.Г.)

«...Меня очень огорчает, что Ваши дела всё ещё никак не уладились... Зато у нас большая радость: приехал Николай Петрович¹. Пока он ещё осматривается и по настоящему в работу не включился. Работать он будет главным образом по своей специальности реставратора. Одна из комнат в наших руинах ему отведена под мастерскую, её ремонтируют и отепляют. Кроме того, он будет консультировать архитекторов мастерской Оля², которые работают над проектами реставрации наших музейных и парковых объектов и зачастую до смешного (впрочем, это было бы смешно, когда бы не было так грустно) плохо знают Петергоф. Николай Петрович, великолепно знающий наши архивы, лучше чем кто бы то ни было сможет им указать, где что найти и как что выглядело.

Он очень похудел, несколько постарел, но в общем изменился не слишком. Видимо, очень много пережил и сейчас точно возрождается к жизни...

Город быстро оживляется и наполняется людьми. В нём считается теперь около 5 тысяч. А, ведь, год назад в нём не было ни одного человека.

19.1. город праздновал годовщину освобождения. Было торжественное заседание в клубе на ул. Аврова (Готические конюшни. – *Н. Архипов*), на нём фигурировала наша фото выставка. Но вообще надо сказать, что всё прошло довольно тускло и наши «отцы города» ужасно серы для такого места, как Петергоф.

В начале января у нас было большое торжество – дали свет. Кончился период коптилок, и сейчас не только здания освещены, но осветили и улицу Коминтерна, где в Министерских домах помещаются все учреж-

¹ Н.П. Удаленков.

² А.А. Оль.

дения, и часть Красного проспекта, пока только от парка до собора. Это то, что касается города.

Что же касается дворцов... Вы боитесь несерьёзности всего дела. Да, конечно, пока речь идёт главным образом о «физкультурниках» как Вы выражаетесь, открытии парка. Но в план включён пуск первой очереди фонтанов – в которую входит вся восточная половина Нижнего Сада и хотят пустить аллею фонтанов – но, по моему, при отсутствии Самсона и разрушенном Каскаде, лучше бы её вовсе не пускать – слишком будет унылый вид.

Из дворцов в первую очередь предполагается реставрация наружной архитектуры Монплезира и Эрмитажа, а затем и внутренней отделки Монплезира.

Я сегодня отбирала для архитекторов фотографии интерьеров. Японский кабинет – ну как его восстановить? Ведь всё погибло совершенно безвозвратно. И так многое.

Наши вещи прибыли из тыла, и вот сейчас я сижу на ночном дежурстве в хранилище (в Ленинграде), где стоят ящики с вещами пригородов. Просматривала фото и гравюры, отмечала по описям ящиков, какие вещи вынуть нам для выставки по истории Петергофа, а когда материал для работы истощился, стала писать Вам письмо. Хорошо, между прочим, что эвакуировали все наши архивные выписки.

О каких фондах Центрархива пишете Вы, Николай Ильич? В чём бы вы посоветовали бы порыться, что ещё не разработано?

Я в Центрархив сунула нос, но интересовалась графическим материалом, а он у них ещё не прибыл из эвакуации, а работать над документами для нас сейчас пока ещё роскошь, заедает бездна черновой работы. Кроме того, ужасно много времени отнимает общественная работа – у нас ведь условия своеобразные – работа среди людей, вернувшихся из оккупации, и меня совсем заездили. В сутках должно быть в наших условиях 48 часов и то мало. Кончаешь работать, только когда уже валишься с ног и глупеешь. Впрочем, физически я себя чувствую лучше, меня в Петергофе наконец откормили после Молотова и я даже растолстела. Но не радуют меня мои личные дела» (далее о сыне, который, будучи без призора, связался с шалопаями, исключён из техникума, а сейчас красноармеец-отличник... «теперь в Ленинграде я совершенно одна... муж бывает редко...»). «Будете писать Семёну Степановичу, передайте ему от меня искренний привет. Написала бы ему, но в 1-х не знаю адреса, а во 2-х я стала на письма очень ленива и после дня работы у

меня вечером бывает совсем пустая голова. Надеюсь всё-таки на скорую встречу с Вами... М.А.».

13.2.1945¹

с. Верхние Муллы

Тбилиси

В воскресенье был в Молотове. Я обычно прибываю к ним раненько – они ещё только поднимаются для дневных забот. Выхожу я с рассветом и не спеша шагаю к городу. Все ваши, к моему и вашему удовольствию, оказались в полном здравии, хотя и Дода и Мика после перенесённых хворостей ещё не порозовели. Зинаида Степановна стала поспокойнее, сообщила, что отправила письмо Александре Степановне. Сама она усиленно занимается выполнением рукодельных заказов, благодаря чему и питание ребят улучшилось. Если не ошибаюсь она получила 300 р., а 500 р., о которых ты писал, ещё в дороге. Ну, конечно, говорили о возвращении. Пока приходится ждать весны. Из Ленинграда я уже недели две не имею писем. Моя племянница должна была за это время повидать Белехова. В общем, дорогой мой, надо терпеливо ждать решения судьбы. И тошно, ох, как тошно бывает. Вероятно и Пушкин не раз переживал предчувствие «смирада туманного», «пора, друзья, пора! Покоя сердце просит...» Мы (я и ты), как и он, люди жизнерадостные, потому что безбоязненно приближаемся к смертному часу. А пока что надо покорно нести земной крест. Целую тебя, друг мой, жму руку. Очень надеюсь, что она переложит на бумагу песнь-повесть... А как у тебя обстоит дело с бумагой? Напиши (если плохо – я постараюсь выслать). Ну, до свиданья. Привет Вашим. Твой НАрхипов

Только что получил твоё письмо, где сообщаешь о телеграмме из Москвы. Что она значит?

26.2.1945

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Милый мой! Пишешь ты мне, что очень уж хочешь видеть меня. Ну, а я то – разве этого не хочу?! Ведь, много лет мы с тобой вместе жили, помню тебя в канцелярии Ятманова, помню последнее голгофское сви-

¹ У Николая Ильича ошибочно 13.1.

дание с тобою в осеннее утро (в Петрограде). Давно это было. Не семь, а семьдесят лет прошло с тех пор. Оба мы постарели, оба остались без угла, без семьи. И пережили незабываемый путь, который сроднил нас. Как будто (так иногда думается) мы уже вместили то, что нам было положено. Отсюда... [пропуск, лист оборван]

...скажешь (да я и не сумею) о думах, раздумьях и предчувствиях человека, на которого в дверную щель поглядывает белая дева – смерть. Свои настроения, понятные и родственные мне, ты передал строчками Блока (?), я хотел бы переслать тебе один из сонетов М. Анджело. Содержание помню, а вот строчки не могу вспомнить. Удивило меня, что этот могучий гений переживал то, что мне с тобой хорошо знакомо.

Чтобы не забыть – (сейчас лягу спать и допишу письмо завтра) – Очень прошу тебя не откладывать работы над словом – плачем – песней о Петергофе. Знаю, что тебе это трудно, но... [пропуск, лист оборван]

...и надежда, или судьба дала передышку. Вот мы мечтаем о Петергофе. А иногда, как представишь себя в нынешнем Петродворце, на этом страшном пепелище, где на каждом месте тебя обступают воспоминания, – безысходная печаль опускается на меня. Вот и сейчас я как будто остановился перед окном (в Министерском) своего жилища. Из этого окошка глядели Таисия Павловна и Илья на мои первые шаги к Уралу; а вот дом на Советской, в котором я бывал по ночам. Вспомнишь это и многое другое... И не жаждет ни сердце, ни душа возвращения на кладбищенские руины прошлого. Но если судьба поднесёт нам эту горькую чашу – примем её.

Дорогой мой, в письме ведь не рас... [пропуск, лист оборван]

...только ты (и притом вдали от погорельщика) запечатлеешь его нетленные для нас тернии. Петергоф – это не только географический или исторический пункт, это ведь – кусок нашей жизни, «что была, не была». А с тобой, верь, мы ещё встретимся. Ты уж к встрече допиши рассказы на бумаге о том, что уплыло в голубые дали, чего не вернут никакие реставраторы, никакие музеефикаторы.

Петрович... ну, о нём потом. А вот опять, чтобы не забыть. Хочу я, чтоб ты достал и прочёл «Звёздный скиталец» Дж Лондона. Это потому, что я его читал... [пропуск, лист оборван]

...них. Стояли морозы, последние. И к нам близится весна, солнышко иногда начинает греть и появляется капель. Далеко ль от тебя городской сад? По утрам, в нём, вероятно, тихо. И хорошо, если бы ты часа 2–3 отдыхал там, в каком-нибудь спокойном уголке.

Сейчас получил твою открытку, в которой ты сообщаешь о телеграммах. Я, кажется, числа 12.2. отправил тебе письмо (с выписками из письма Андреевой). Получил ли ты его или оно странствует? Из Ленинграда я получаю довольно часто открытки от сестры. Пока что, до апреля... [пропуск, лист оборван]

...напишу. Вечером вчера пригласили в парткабинет и я прочёл лекцию о солнце и звёздных мирах. Произвёл большое впечатление. И как так «человек больше двух лет в Муллах и мы, де, не знали...». Теперь, после 8.3. меня будут направлять в здешние «центры». Наступает самое голодное время, и я про себя думаю и рассчитываю рассказом о звёздах зарабатывать картошку. Так, дорогой мой, я превращаюсь в продавца вечности.

Целую тебя. Передай мой привет Вашим и особенно маме за память обо мне. Твой Н.Архипов [пропуск, лист оборван]

До свидания. Поздно. Последнее время на путях моих сновидений всё книги, картины, старинные вещи, ты, Илья, Таисия Павловна. Сегодня мне что то нездоровится, что то гриппозное.

2.3. (продолжение письма от 26.2.45. – Т.Г.)

Вот какой перерыв! Все дни нездоровилось. Принимал кальцекс, да попивал кофе. Я всё же достал его и после завтра, если погода позволит, побываю у Зинаиды Степановны и ей снесу малую толику. Она, оказывается, его также почитает, и ещё любит легкий табак. Я уж два воскресения не был... [пропуск, лист оборван]

...рассчитывать на получение каких-либо извещений не приходится. Впуска в город нет. Да, вот хотел я тебя спросить, надо ли мне писать Павлу Николаевичу¹? И о чём? И что думаешь ты по поводу полученного тобой запроса обо мне?

Вспоминаю Петровича² и почему-то улыбаюсь. Представляю, как он ошарашен картиной разрушения. И никак не может разобраться, что с ним происходит, почему у него нет сил приняться за «работу»

<...>

---

¹ П.Н. Шульц.

² Н.П. Удаленков.

7.3.1945

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой мой! Я сегодня чувствую, что обычное моё равновесие нарушено, в чём отчасти виноват и ты. Отчасти, потому что я на ногах выпираю из себя грипп. (По этой причине и к Зинаиде Степановне в воскресенье не попал, и только, может быть завтра я всё же пройду к ней, чтобы услышать её мнение по вопросу, которому следует ниже описание).

Виноватость твоя вот в чём. Ты принял решение устроиться в Кускове, дал согласие, а мне об этом ничего не сообщил.

Вчера я получил письмо от Павла Николаевича¹, к письму приложена анкета, её следует мне заполнить и приложить заявление о желании занять место директора в Кускове. О тебе он пишет, что ты займёшь место заместителя по научной части, ... что Тройницкий С.Н.² готов завести отделом фарфора. И что... как только я заявлю о своём согласии, мне вышлют пропуск (!!)

Ко всему этому я оказался никак не подготовленным и вот прикидываю за и против:

За: 1. Совместная работа с тобой.

2. Работа не на кладбище воспоминаний, а в совершенно новом месте, не изуродованном войной.

3. Сносные вполне условия (квартира и зарплата).

4. Стало тошно приспособление к местным обывателям, «карету мне, карету», невогноту морально гнетущие моменты.

Против: 1. Полное пока незнание Кускова.

2. Снова хозяйственно-административная ляпка.

3. Неуверенность: Онегин, я тогда моложе...

Очень возможно (возможно?!?!), что в апреле мне вышлют из Ленинграда пропуск. А, может быть и не вышлют?! И вот, когда я думаю, следует ли в ожидании Ленинградской милости, проблематичной, отказываться от предлагаемой возможности (учитывая, что по известным тебе обстоятельствам – эта возможность вообще может растаять) покинуть сельский мой приют – решаю, что надо писать в Москву.

Но, может быть, ты и не собираешься в Кусково? Тогда при доброй

---

¹ Шульца.

² С.Н. Тройницкий, историк искусства, музейный деятель. Работал в Эрмитаже, в музее «Кусково», после войны был главным хранителем Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

улыбке судьбы, я могу оказаться в Кусково один, в некотором отдалении от родни, т. е. снова буду переживать...

Павел Николаевич пишет, что на днях ты приезжаешь. И вот я не знаю, то ли ты приезжаешь на место службы, то ли ты в Москве будешь по другим делам.

Таким образом, принципиально я не против Кускова, но, если бы знать о твоём решении, то у меня исчезли бы колебания, которые я тебе изложил. Всё же с каждым часом, у меня крепнет решение не оставаться лежать колодой и писать в Москву.

Павлу Николаевичу я написал бы и сегодня, но, почему-то думаю, что надо предварительно поговорить с Зинаидой Степановной. Выслушать её мнение. (Это, конечно, не значит, что разговору я придаю решающее значение. Но кто знает, может быть она выскажет то, чего я [не] учитываю; может быть она знает что-либо определённое о твоём решении).

Вот видишь, милый, опять забрезжила возможность нашей встречи. Но ...я, конечно, допускаю, что кусковский климат «доктора» (кавычки мои. – *Т.Г.*) сочтут вредным для моего здоровья. Словом, будет то, что положено.

А мне всё-таки здорово нездоровится. Знаю, что осилю хворость эту. Теперь лечь, вытянуться бы, да вот в конторе бухгалтерия готовит годовой отчёт, и когда на них найдёт желание отдыха – не знаю. Все семь лет я не досыпаю; только вот у сестёр в Свердловске четыре дня отдыхал.

Задаю вопрос – когда же ты получишь это письмо? Когда получу ответ? А, ведь, медлить – смерти подобно.

Целую тебя, дорогой.

Жду ответа

Твой НАрхипов

17.3.1945

с. Верхние Муллы

Тбилиси

Дорогой мой, Семён Степанович! Дня три тому назад я получил твоё закрытое письмо. Ты, пожалуйста, не смущай себя краткостью своих весточек. Я, ведь, знаю, как трудно писать тогда, когда за письмом неволью начинается мысленная беседа с другом. Хочется так много

рассказать, да ещё о таких материях, для которых и слов-то сразу не разыщешь. Потому, прошу тебя не затруднять себя длинными посланиями; я очень хорошо тебя слышу через леса и горы. И вздохи твои доносятся до меня. Недавно я был, но очень короткое время, у Зинаиды Степановны. Завтра 18-го собираюсь специально навестить её. В момент прихода она получала деньги от Вас. Все они здоровы. Одновременно она получила и письмо, но я не расспрашивал от кого (казалось мне, что от тебя), т. к. она всплакнула. Обещал я ей быть у них дня через два, но не пришлось, так как ездил в Краснокамск, и вернулся не утром, а ночью.

Я тебе уже писал, что получил письмо от Павла Николаевича с приглашением в Кусково. Зинаида Степановна тоже посоветовала не отказываться. Я ему уже написал о своём согласии (после долгих раздумий), тем более, что он сообщил о твоём решении работать в Кускове. Конечно, нам с тобой в Кускове будет спокойнее. Ведь в Петергофе погорельщина, у нас будет жизнь в двух планах, прошлое, как тень будет неотступным нашим спутником. И будем мы бродить среди воспоминаний, задумчивы как люди на кладбищах. Но если и эту горькую чашу поднесёт нам судьба – не откажемся и её испить. А, может быть, не будет ни Петергофа, ни Кускова... так в тусклых сумерках и скончаю дни свои...

Сегодня целый день светит солнце, началась капель. Надо валенки снимать, надевать сапоги. Сажать ли мне овощи? Вот ещё вопрос!! А ты, друг, всё же о Петергофской поэме не забывай. Пиши кусочками, а потом слепишь кадры... Петрович в Петродворце. Только писать ему не собираюсь, а то ещё перепугается. Адрес мой ему известен, захочет – напишет. Из Ленинграда нет сообщений. Привет маме и сестре.

Целую тебя Твой НАрхипов

Завтра отправлю Павлу Николаевичу анкету, заявление. Но без большой надежды.

Очками не пользуюсь, а пишу-то как мелко! Разберешь ли? А мелкий почерк – признак хитрости и скрытности.

20.4.1945

с. *Верхние Муллы* (рукой С.С. Гейченко. – Т.Г)

Тбилиси [или, возможно, Ленинград]

Дорогой Семён Степанович! Только что вернулся из города и увидел на столе твоё письмо. Очень рад, что пришлось тебе свидеться с сестрицей. Мы (я с тобой), может быть, лучше всех наших сродствен-

ников умеем ценить бескорыстную теплоту и любовь близких родных сердец. Оттого и тяжело одиночество, что не с кем бывает размыкать ни горьких раздумий, ни всяких неприятностей, которые подсовывает жизнь. Сегодня совершенно неожиданно пришлось по грязи шлёпать в город. Вчера ночью обокрали меня начисто, оставили в том, в чём я в своё время явился из «санатории» (кавычки мои. – *Т.Г.*). Понимаю, что люди сейчас теряют не барахло, а жизнь. И всё-таки расстроился очень, обокрал сослуживец, призванный в армию. Вот это-то и оскорбительно. Ходил на пересыльный пункт, но, увы, он уже уехал. Вот и зашёл к Зинаиде Степановне поделиться ниспосланной радостью, так живо напомнившей мне «санаторные» (кавычки мои. – *Т.Г.*) годы. Только у ней впервые за эти два дня попил чайку с хлебом. И оттого, что она посочувствовала мне (барахла-то я накопил тысяч на 5–6 – по рыночным ценам), стало мне легче. Пишу тебе и раздумываю, что собственно я жалею. Пожалуй, самого себя. Всё приобретал с трудом, берёг, прилагал заботу. И кто-то как бы насмеялся над тобой, плюнул на тебя, нищего, «обласканного» судьбой человека. Зинаида Степановна обязывает меня явиться в пасху к ним, а я её спрашиваю, в чём же я могу выглянуть не только в город, а даже в своё село?! Хорошо – сегодня был ненастный с мокрым снегом день. А будь солнечный – выйти не в чем – и стыдно и обидно! Ты не сетуй, что этому событию я уделил столько места в письме. Это я прихожу в себя, успокаиваюсь от обиды. Видно, это испытание не случайно, имеет сокровенную ценность. Но какие выводы для себя я должен сделать – пока не понимаю ещё. Но препоясать чресла вервием и не хочу и внутренне не могу. Только ты моих переживаний не истолкуй превратно: мне, ведь, не барахла жаль, а самого себя.

Ты пишешь, что мы не знаем, что будет в сей год, что случится и чем сердце успокоится. Это правда, друг. И на эту тему сегодня и был у нас с Зинаидой Степановной разговор. И ей и мне уж очень становится тягостной здешняя какая-то потонувшая в безнадёжных тусклых буднях жисть. Ты уже мне писал, что о Ленинграде пока не следует мечтать, я думаю, что и с Кусковым – пустой номер будет. Значит, надо думать об огороде. Зинаида Степановна вопрос этот решает положительно. А я? Ещё раздумываю. Как-то тяжело сказать себе: сиди, Капусткин, куда усадила тебя судьба, не мечтай и бери лопату в руки.

Похвастала мне Зинаида Степановна полученными ею обновлениями: пальто зимним и костюмом. Теперь у ней другая забота: сапожки

ребятам. С Додой, хотя она и ходит в школу, дело неладно. Анализ крови обнаружил присутствие туберкулёзных палочек. Пока это всё ещё поправимо, но время и условия требуют немалой борьбы с этой напастью. У Доды то же самое, что в своё время было у Ильи и что бесследно прошло – туберкулёз в желёзках. Мика тоже малокровен, но здоров совершенно. Парень с характером! Норовит делать всё по-своему и не страшится гнева мамыши. Забавно, когда он вступает в единоборство с ней!

Мне, кстати сказать, не приходилось сердчать и никогда никаких конфликтов с Зинаидой Степановной не возникало. Если Зинаида Степановна в чём-либо не разделяет моего мнения – я его и не стараюсь навязывать, промолчу и переведу разговор на другую тему. А её, ежели и поправляю, то до тех пор, пока она проявляет спокойствие. Как только замечаю, что упрямство одолевает у неё логику – перевожу разговор на другую тему, ставлю другую пластинку. Потому, ни разу и не возникало у меня ни желания, ни необходимости бежать восвояси.

Радио наигрывает какие-то весёлые песенки из опереток, а я печально взглядываю туда, где стоял мой чемодан с нажитками. И думаю, хорошо, может быть, что я не проснулся, когда у меня хозяйничали. Могли бы и прикончить меня. Сейчас (поздно уже) заходил навестить меня соседний сторож. И представь, старик меня как раз и утешил именно таким моим соображением. Но, может быть, сей печальный случай накануне какого-нибудь приятного события?!

Несколько дней тому назад я отправил тебе одну книжонку. Буду доволен, если она доставит тебе маленькую приятность. Только бы дошла к тебе.

Ну, спокойного тебе дня. А я ложусь спать. В конторе я один в сотрудничестве с халатом и поющим радио. Привет всему семейству.

Целую тебя, друг бесценный.

Твой НАрхипов

Когда пишу тебе – о стиле не думаю, и ты, пожалуйста, не думай, что я не могу лучше написать. Но не хочу, чтобы письма к тебе меня утомляли.

21.4. – Утро. Сейчас получил телеграмму от Павла Николаевича. Сообщает, что анкету получил, о результатах обещает сообщить в мае.

1945 (? , возможно, 1946.

Откуда отправлено письмо, не ясно. – Т.Г.)

с. Михайловское

Дорогие Семён Степанович и Любовь Джелаловна!¹

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, прошу принять привет и сердечные пожелания всякого благополучия.

Ваш НАрхипов

P.S. Семён черкни, как у тебя с рукой. Если буду в Ленинграде, то, конечно, узнаю от Матвея Матвеевича².

12.2.1946

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Вот ты уехал и жизнь моя опять потекла с боязливой тихостью. Мне было приятно возле тебя; ты понимаешь, что об этом писать можно много...

Я по-прежнему листаю Петровские книги, затхлый запах их не противен мне и я в эти часы счастливствую, но на душе нет желанного покоя. Передай привет и лучшие пожелания Любови Джелаловне. Рад за тебя, что судьба подарила тебе любящую подругу.

Целую тебя Н.Архипов.

7.4.1946

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой мой! Как-то ты доехал, здоров ли?

А я вот только сегодня 7 апреля чувствую себя сносно. С того воскресенья, как я видел тебя, слёг я на 2 недели, температура измотала моё сердце и у меня одышка. Не знаю, надолго ли? Моментами настроение бывало такое, какого давно не переживал. Весь заполнялся страхами, сознанием овладевало минувшее, думал о смерти и звал её...

Третьего дня пришлось выползти на заседание строительной Ко-

---

¹ Точное имя жены Семёна Степановича – Любовь Джелаловна, однако не исправляю. – Т.Г.

² М.М. Калаушин.

миссии Академии Наук. Я сделал доклад о Чевакинском. Привёл публику в смущение. Пришлось им искать выход. Я не старался, хотя и мог, помешать им в этом, но письменный документ оставил.

Будь здоров и прими благодарность за плоды. На днях повидаю Матвея Матвеевича. Целую тебя НАрхипов

7.4.1946

Ленинград

с. Михайловское
Любови Джелаловне

Уважаемая Любовь Джелаловна!

Простите, что своевременно не мог поблагодарить за Ваши яблочки и сувениры и передать Вам добрые пожелания моих сестёр. Изумлялись они Вашему искусству. Несмотря на долгий путь пушкинский пирог прибыл в целости, не утратив своих вкусовых качеств. Сожалею, что грипп помешал мне вторично повидать Семёна Степановича. Но время быстро гонит дни и приближает желанную встречу.

Радуйтесь солнцу и наступлению весны! Признательный и благодарный Н.Архипов.

1.5.1946

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой мой друг!

Шлю тебе поздравление с майскими праздниками, прошу принять дружеские сердечные пожелания здоровья и благополучия как лично-го, так и семейного. Особливый привет и поклон Любови Джелаловне за её внимание. Твой пасхальный подарок получил и, конечно, понял, чьими заботами он скомпонован. Всё это трогательно в нашей суетной и многотрудной жизни.

Сегодня шагал по Дворцовой площади вместе с нашим учреждением, а после демонстрации зашёл к Матвею Матвеевичу; там встретился с Борисом Фёдоровичем¹; боже мой, как он изменился. Вечером с ними любовались Невой и фейерверком. Вернулся и принялся за

¹ Б.Ф. Чирсков, писатель, сценарист. Добрый знакомый С.С. Гейченко. Родственник М.М. Калаушина.

корреспонденцию. Никому не успел написать во время. Еле оправился от гриппа, вернее от его последствий, главным образом непонятной слабости. А тут ещё обязали дать статью в «Бюллетень инспекции памятников». Написал «Архитектурные кадры Петровского времени» по тем материалам, которые накопил в этот период. Был у Авгарыча¹, он обещал помочь, результат в ближайшие дни. Александра Степановна, ты, вероятно, знаешь – уехала к мужу. От Зинаиды Степановны известий нет, хотя письмо и отправил ей. Ты как будто собирался с Любовью Джелаловной быть в мае здесь. В ожидании приятной встречи НАрхипов.

14.11.1946[?]

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён! Шлю тебе две выписки (в двух конвертах) из Нарбекова и Никольского. Осталась ещё книга Казаринова. Если ты её не достал, сообщи. Книга объёмистая, а потому укажи мне – то ли, что тебе надо, я выписывал. Тогда мне будет легче разобраться. А от Сулова пришлось отказаться. Придется тебе потратить денёк во время приезда в Ленинград и проштудировать её.

А в моих делах никаких перемен, и на горизонте по-прежнему сумрачно. Живу в постоянном ожидании всяких плезиров. Поддерживаю, так сказать, связи с бытием. Немного забываюсь на архивном кладбище. Только стал замечать, что какая-то моральная усталость временами застигает сознание... Был у Александры Степановны третьего дня. Известий от Анатолия Матвеевича² всё ещё нет. Она опечалена здоровьем Светланы (дочери. – *Т.Г.*) – у ней обнаружены неполадки в лёгких. Всё это, конечно, пока, только пока, не опасно; всё это можно ликвидировать, но сам понимаешь, что помимо усиленного питания, тут может быть необходимо будет временно распротиться с техникумом. В ближайшее время Александра Степановна собирается проехать за крупной и жирами к Марии Степановне³.

---

¹ Иосиф Абгарович Орбели.

² А.М. Муреев, муж Александры Степановны, известный летчик, соратник М.В. Водопьянова. Участник воздушных экспедиций на Север.

³ Мария Степановна после войны обосновалась в Эстонии, в городе Кохтла-Ярве.

У Матвея Матвеевича не был, но на днях собираюсь побывать у него. Все праздники провёл дома и в Гатчину проеду только завтра 15-го/11!!

Как Вы доехали? От Вас и Александра Степановна не имеет ни строчки. Черкни, когда думаешь приехать.

Тревожны мои сны.

Передай мой привет, сердечные пожелания здоровья и душевного покоя любящей тебя Любви Джелаловне.

Целую тебя крепко. Через реки, леса и веси жму дружески руку.

Твой НАрхипов

Просматриваю дела 19 в. Петергофского дворцового управления и на каждом пометка: «В сем деле пронумеровано...» и подпись: А. Шеманский 1928 г. И тогда... ну, сам понимаешь, какой кинофильм прошлого развёртывает память.

6.12.1946

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой мой друг, получил твои два письма и рад, что Вы живёте в добром здравии. Именно последнему, кажется, больше всего следует радоваться, если у человека есть желание жить. Твои письма застали меня прикованным к постели: хватил впервые воспаление лёгких, температура долго держалась около 40°, но выжил (видно, так положено). А последние дни дело пошло на поправку, но слабость и одышка удручающие. Да и лежать и вообще болеть мне не положено (сам понимаешь, в чём дело). На будущей неделе надо встать, ох надо. Берегите себя: ведь, Любовь Джелаловна росла не под нашим солнцем, не на здешней суровой земле, а ты, как и я, поистратились на путях своих горестных. Берегите друг друга. Мало близких у нас на сем свете. Среди будничной трепотни забываем мы часто об этом.

Не знаю, как дальше сложится у меня жизнь. Закончилась сессия Академии Наук; обещал Иосиф Абгарович поговорить в Москве и направить моё заявление куда следует. Если дело безнадежно, поеду к Анатолию Матвеевичу.¹

Теперь бы мне надо было уже заканчивать работу о Монплезире, но болезнь сбила и перепутала все планы.

¹ А.М. Муреев.

Перед болезнью (числа 18) было в Инспекции заседание с петергофцами, читал доклад архитектор Шилков по истории планировки Верхнего и Нижнего парков. Всё в этом докладе складно склеено, и тумана о французских и итальянских влияниях напущено было достаточно. Но столько было в нём исторических ошибок и просто незнания памятника! Доклад в общем был одобрен. Я отказался говорить по существу до тех пор, пока доклад не будет напечатан и изложил свои соображения (может быть этого не следовало делать) о тех национальных самобытных особенностях петергофских парков, на которые до сих пор исследователи не обращали внимания. Предложил я им составить планы зелёных насаждений по архивным описям 80-х гг. 18 в. Верхнего и Нижнего парков, т. е. в сущности пояснительный текст к планам Сент-Илера. Исходил я из предположения, что к 80-м гг. петровские садовые традиции (если можно так выразиться) ещё не выветрились и при возобновлении посадок держались старых обыкновений. К тому же главным садоводом был в это время Вас. Башловский, служивший в садовой части с 1736 г. Предложение моё было принято и материал я почти собрал (но неожиданно хвороба всё расстроила и читать-то во время болезни никак не мог). Жалел я на этом заседании, что и ты и я многое бы могли сделать для Петергофа, особенно ты, но жизнь повернула дело иначе. <...>

Пока до свидания, дорогие мои. Берегите друг друга. Целую Вас и благодарю за всё доброе, что сказано мне и сделано.

Ваш НАрхипов

Как оправлюсь пересмотрю внимательно Суслова и сделаю выписки и зарисовки.

8.12.1946

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой мой Семён Степанович!

Третьего дня отправил тебе письмо, из которого ты должен узнать, что я хотя и жив, но не в добром здравии. А вчера вечером получил твоё новое письмо. И оно рассказало мне многое о днях, трудах и бессонных твоих ночах. Всё хлопоты, заботы, неприятности... А где же радости?! Тяжело тебе дышится. Хорошо, что возле тебя есть любящий человек. Искалечила нас жизнь, ах, переделать бы по-новому всё прожитое! Всё это поздние, несбыточные мечтания; с грузом прошлого придётся улечься в ладью Харона... И не сбросить его никак; едва забудешься,

прошлое, как тяжёлый сон, начинает подступать к тебе и нет сил оторваться, оторвать ненавистные щупальца – присоски спрута – памяти. И тогда думаешь: господи, скоро ли конец этой муке?

В далёкую глушь ты забрался и новую, казалось бы, начал жизнь. А от прошлого не укрыться. Знаю, какой тяжёлый день пережил ты, получив письмо от И.П., каким камнем этот листок бумаги лёг на всё твоё существо, какую физическую боль вызвал он в твоём истерзанном теле. И какую смуту внёс в сознание (не на один день) и без того забитое всякими деловыми будничными тревогами. Ведь, поневоле многое вспомнилось, давно, казалось бы, позабытое и подживило, растравило душевные раны, никогда у тебя не заживавшие. О них я знал всегда, но не хватало у меня жестокости в разговорах с тобой проявлять бесполезное любопытство и омрачать редкие наши встречи... Трудно пробираться через бурьян прошлого, расплачиваться за минутные радости и ошибки невольные. Конечно, встреча не к чему. Кроме ненужного и вредного терзания нервов и всяких драматических сцен... ничего не принесёт. И твой отказ вполне одобряю. Хотя, знаю, и ты сам понимаешь, отказ этот не решает всех сложных и важных вопросов (имею в виду детвору). Прости меня... Дай Бог тебе сил и возможности найти безболезненный выход из лабиринта, в который завела тебя судьба. Не злые, ведь, мы с тобой люди и как будто смеем рассчитывать на некоторые милости судьбы после всяких испытаний.

Прости меня, если причинил тебе какую-нибудь боль.

Вот пора заканчивать. Устал. Ах, какая усталость! А температура нормальная. Встанешь – кости трещат и воздуха как будто не хватает. И думаешь: скорей бы, скорей... Вот, видишь, выжил. Какой цепкий! И в архив строений вгрызаешься, и Монплезиром забавляешься – всё для того, чтоб не порывать связей с бытием. Видно, пережил я самого себя и живу уже в двух мирах.

Целую тебя, жму руку, желаю тебе мира душевного. Береги свою Любовь Джелаловну, помни, что это твоя последняя радость и опора; не засоряй, вернее не давай возможности будничным раздражениям нарушать содружество ваших душ.

Далеко моя Таисия Павловна...

До свидания, дорогой Семён Степанович. Как поправлюсь, книжку Уланской (? – Т.Г.) поищу на Литейном.

Привет и всякие пожелания благополучия Любви Джелаловне.

Твой Н.Архипов

А погода стоит мягкая и небо как в египетской «Книге мёртвых».

19–20. 12.1946

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Я восстал со одра. Был третьего дня у Александры Степановны и виделся с Любовью Джелаловной. Я не ошибся написав, что тебе нелегко там дышится. Ты одинок и тянешь воз один. Не повтори ошибки Николая Ильича, который два года думал про себя, как оставить своё тягло и дождался... Мой категорический совет – оставить моё бывшее место и занять вакантную должность научного сотрудника. И всё это сделать как можно скорее. Вся обстановка твоей работы мне издали очень ясна. Ничего путного у тебя там не выйдет, как ты не старайся. Истреплешь нервы и наградой останется в лучшем случае неудовольствие начальства. Если бы возле тебя были энтузиасты – тогда другое дело; а их нет у тебя. Решай всё это дело быстрее и не затягивай всякого рода соображениями о чужих мнениях, ибо чем дальше в лес, тем больше дров. Обдумай мой совет и дерзай.

Книжку о няне постараюсь разыскать в ближайшее время. О Сулове не забываю.

С Александрой Степановной и Любовью Джелаловной увижусь на днях. Очень опасаясь, что в связи с переписью приобретённой библиотеки Любовь Джелаловна задержится и придётся тебе Новый Год встречать одному. А, может быть, ты сам приедешь и тогда Новый Год будем встречать вместе. Предположение о возможной задержке только моё и сделано из расчёта, что на обязанностях Любви Джелаловны лежит и отправка книг.

У меня к тебе просьба: сообщи 1) когда появилось деление Петергофа на Новый и Старый. В документах 18 в. этого деления нет.

2) Встречал ли ты в документах 18 в. перечень названий комнат Голландского домика (в частности Гостиная, Спальня, деньщицкая, кабинет).

Думается мне, что кухня устроена была потому, что она была необходимой принадлежностью голландского бюргерского дома. Комната рядом была не спальней, там, по-моему, стояли шкафы с посудой (хрустальной, фарфоровой, фаянсовой), бельём (столовым, носильным, постельным) и кухонный стол. В Кухне, как помнишь, стола для приготовления пищи не было, и я думаю, что кухня служила для подогревания пищи, приносимой из Главной кухни (за Ассамблейным залом). Может быть иногда, конечно, в ней кое-что и готовили, ког-

да Пётр с 2–3 лицами наезжал в Петергоф. Вся медная посуда принесена в 19 в. из кладовых и никогда Екатерина не возилась с этими огромными котлами и противнями. Всё это – оборудование Главной кухни. Словом, кухня – помещение главным образом декоративное. А спальня, по-моему, помещалась в так называемой Гостиной. При такой концепции понятно, почему нынешняя спальня не имеет на стенах ни штофа, ни деревянной обшивки, а во вторых будет найдено место и для кровати самой императрицы.

Очень прошу по всему изложенному твоего обстоятельного мнения.

Ну, дорогой, заканчиваю письмо. Завтра после месяца болезни еду в Гатчину. Чем-то подарят меня там? В случае какого-нибудь плезира, думаю ехать в Красноярск¹. Кстати, каково твоё мнение об этом проекте? Ведь, если мои ожидания получают благоприятное решение, я во всякое время могу вернуться оттуда.

Если тебе придётся приехать на Новый Год в Ленинград не замедли мне по приезде сообщить, хотя возможно, что я, независимо от этого, приеду встречать Новый Год к Александре Степановне. Целую тебя, жму дружески руку. Твой Н.Архипов.

15.2.1947

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Пишу тебе в полночь. Передо мной 15 листов исписанной бумаги о Голландском домике. Только заниматься я не в состоянии. А собирался и спешил; сегодня был в Петергофе с архитектором-проектировщиком. Из окна видел свой былой дом-жилище. И снова видел окно, из которого Таисия Павловна провожала меня, смотрел Илья на начало моего длинного Голгофского пути.

В научной части сидела какая-то сотрудница, разбивавшая архивное дело о пирамиде. Помог я ей читать. А на обложке дела моя пометка – фамилия и дата – 1927. Вот, видится, ещё 20 лет тому назад это дело было в моих руках! А в конце твоя пометка о количестве листов... А потом сел за просмотр выписок. И снова всплыли исчезнувшие Измайлов,

---

¹ Красноярск – город в Московской области. Вблизи него – музей-усадьба «Архангельское».

Дахнович, Шеманский, Большева... А вот выписки Сергеева¹ – сделаны кое-как, документы не прочитаны, перевраны. Мир их праху...

Вернулся домой и захотелось приглушить голоса прошлого – выпил. Только ни к чему, ничего не получается. Алкоголь не тушит грусти и печали...

Вот приедешь, надо мне с тобою выпить, не спеша. А то всё при встречах не то – словно завеса какая-то. Это всё благоприобретено в краях, которые и Гамлету не снились.

Друг мой старый – это надо устроить, чтоб не душа, а уста заговорили. И последний раз хотел, да деньги не выдали. Ведь все мы, как волна – это наше поколение. А вот уже близится другая волна. Рассыплемся мы, прошуршим и всех прижмёт нас к своей груди мать-земля.

Странно мне было проходить сегодня по Корпусу за Гербом. Был в столовой, все другие люди... Вот и пишу тебе, потому что мы последние, которых сохранила судьба... Только дела мои всё ещё в тумане. И пусть будут в тумане, потому что в сущности всё отгорело и никаких «чудных мгновений» не воскреснет. Урок судьбы уж близится к концу. Но, видишь, я не сдаюсь. Вот на днях буду читать в Инспекции доклад о строительстве Голландского домика. Все новые материалы, новые проникновения в прошлое... Но душе моей всё это чуждо. Она не здешних нив жилица. Усохла для жизни сей. Ты прости меня, знаю, что у тебя тяжёлые раны, о которых стараешься забыть, только труд непосильный... Только б Ильи моего не было в живых, только б не терзали его мои «благодетели»... наши бывлые «друзья»... (кавычки мои. – *Т.Г.*).

Целую тебя. А свою подругу береги. Без неё и после неё провижу твою погибель. Передай ей привет. Жму твою руку и жду тебя.

НАрхипов

Был у Александры Степановны вечером, когда приехал Анатолий Матвеевич. Вспоминали тебя. У него какие-то неприятности.

Написано письмо ужасно. Как у Михаила Михайловича Измайлова.

На днях вышлю тебе деньги. Купи для меня картошки. Вчера всю твою доел.

---

¹ А. Сергеев, сотрудник Петергофского музея. Автор путеводителя «Екатеринский корпус Монплезира» (Петергоф, 1928).

30.3.1947
Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович! Ты прости, что задержался с ответом. Пришлось много поработать: поднажала Инспекция и Петергоф. Написал историю постройки Голландского домика (ок. 100 стр.). Много нового, паче чаяния и Михаилу Михайловичу не известен был ряд документов. Во введении распутал до совершенной ясности вопрос о начале строения Петергофа, разъяснил роли Шлютера, Браунштейна, Леблона и Микетти. Приедешь – прочтёшь. Сейчас работаю, собираю материал о Петергофской мызе («Петергофе»). Всё чрезвычайно интересно. На днях сяду за внутреннее убранство Голландского домика при Петре, всё по новым архивным данным. (Кстати, моё предположение о нахождении спальни оправдалось – документально.) Сие всё увлекает меня чрезвычайно; одно только печалит, что здоровье не позволит одолеть тему «Монплезира»: уж очень велик мною задуманный план. И тебя и покойников вспоминаю: большим кумпанством мы бы справились, а то, ведь, мне-то не с кем перемолвиться.

<...>

Мои дела пока в туманах. Обещали (сегодня), что в ближайшие 10 дней будет ответ. Денежные дела пока неважны (пока, т. к. из-за неутверждения смет, задерживают выплату заработанного, обещают к пасхе ликвидировать долги). Сообщи, когда собираешься приехать. Тебя, вероятно, сумею навестить с Калаушиными. Жду письма с обязательным сообщением о здоровье и о делах. Передай привет и лучшие пожелания Любви Джелаловне. Не забудь при случае сделать фотокопию, о которой я просил.

Целую тебя крепко. Твой Н.Архипов.

P.S. Реставрацию Монплезира (Голландского домика) пока откладывают. Самсона лепят, и довольно удачно. Верхний Сад на будущий год.

18.5.1947
Ленинград

с. Михайловское

Этот раз внеси некоторую поправку в твоё расписание. Мои дела должны в ближайшие дни получить ясность – Пора! – скажешь ты. Да, да!

Знаю от Сергея Николаевича, что в половине июня он прибывает в Пушкинские горы. Передай мой привет и лучшие пожелания Любви Джелаловне.

До скорого свидания. Жму руку и целую
Твой НАрхипов

26.4. [48?]
Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Шлю тебе и Любви Джелаловне искренний привет и поздравления с праздником.

Не везёт нам с тобой: всё заботы, тревоги и хлопоты, всё ходим, словно по какой-то трясине разных бед и горестей. Знаю, что нелегко тебе дышится и нет покоя душевного. И у меня дела не сладкие. В просьбе моей – отказ, а отсюда и всё последующее. Может быть придется ехать в новгородчину – всё выяснится на днях. <...>

Изредка вижусь с М.М¹. Думаю, что хорошо он сделал, развязавшись с Домом. Только бы благополучно обрубал все снасти с этой пристани.

Видел Савина Вл. П²., он обещал всякую помощь Вам в отношении цветов и семян. Вот только жаль будет, если Петергоф не воспользуется вашими липками.

Дела там неважные... Скульптуру на Каскад отливать пока не будут и дело доведут только до гипсовых моделей. Работу о Марли почти закончил – только вот не знаю, будет ли в ней нужда. Если у меня вновь устроятся дела – откроются новые перспективы работы для меня – тоже работа в архиве с петровской эпохой. Но... мечты, мечты, где...

До свидания, друг мой. Крепись, не поддавайся унынию. С насильем переключай свои мысли на мажорные темы. Целую тебя и прошу передать мой привет и пожелания здоровья любящей и преданной тебе Любви Джелаловне и матушке.

Твой НАрхипов

Хоронил недавно Николая Петровича³ в Пушкине. Простился с ним у могилы. О многом хотел сказать, но, кажется, главное всё о человеке сказал. Волновался и других взволновал.

---

¹ С Калаушиным.

² В.П. Савин, инженер-садовод из ГИОП.

³ Удаленкова.

31.12.1949

Новгород

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович, поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с наступающим Новым Годом и прошу Вас принять мои искренние пожелания здоровья, успеха в делах и всякого благополучия и внешнего и внутреннего.

Что несёт нам Новый Год – богатые ли дары желанного мира или скрыня его полна чёрных бедствий – всё пока в туманах будущего. Но зато каждому из нас ясно одно: таинственный пришлец властно и безмолвно укоротил нить нашей жизни на один год. Это его первый и неприятный сюрприз.

Не знаю, как ты, а я никаких надежд приятного порядка не возлагаю на Незнакомца и буду доволен, если он оставит меня в покое.

Жизнь моя протекает по-прежнему – без божества, без вдохновений. В свободное время роюсь в библиотеке местного музея и собираю крупички разные из документов Петровского времени. Тысячелетние кирпичные летописи, окружающие меня, восторгом сладостным меня не наполняют. Все мысли тянутся неизменно к Петергофу. Воспоминания о нём овеваны тихой печалью...

У нас наступили морозы. Ох, не любы мне они теперь! Хорошо ещё, что дни не тянутся, а мелькают, приближают нас к весне.

Собирался быть под Новый Год в Ленинграде да из-за инвентаризации не пришлось. А посему сегодня залягу раньше спать.

Передай привет маме.

Напиши о шкатуле Родионовны: я постараюсь повидаться с владелицей и переговорить.

Примите низкий поклон от Н.Архипова

6.3.1950

Новгород

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Прости, что промедлил с ответом. Поселок с Нежинской улицей в 3-х км от моего жилья; морозы лютые, вьюги и недомогание (после гриппа) всё мешали моему променажу. Вчера спутешествовал. Виделся с Жантвер (? – Т.Г.); шкатулка у её сестры, адрес которой они любезно

сообщили, именно любезно, потому что, видимо, вопрос о реализации шкатулки обсуждался не раз и решён положительно. Вот адрес владелицы:

г. Судогда, Владимирской обл. Муромцево, Лесной техникум-библиотека. Е.А. Пискунова.

Я по прежнему работаю в реставрационно-проектной мастерской. Дела с пригородами неважны. Дворцы решено передать в эксплуатацию. Некоторое и при том незначительное затруднение представляет Петергоф. Ассигнования даны пока только на покрытие задолженности по скульптуре (Волхов и Нева, тритоны). В общем, сбывается «реченное пророком»: Яков Ильич¹, назначенный было директором, смещён и уходит. На его место назначен... не известный (никому из нас) т. Тихомиров.

Как твоё здоровье? Любви Джелаловны? Мамы?

У тебя, вероятно, сейчас немало работы в связи с выборами. А солнышко начинает показываться всё чаще и чаще и светит уж по весеннему. Собираюсь майские дни провести в Ленинграде. Не собираетесь ли Вы побывать там же в это время?

Передай привет и лучшие пожелания Любви Джелаловне и маме.
Целую тебя твой НАрхипов

3.1.1952

Ленинград или Новгород

с. Михайловское

Дорогой друг!

Время-то как летит! Давно ли встречали 51 год, а вот он уже и канул в бездонный короб лет и человеческих дел. Шлю тебе и Любовь Джелаловне пожелания здоровья, бодрости и благополучия.

Был у Александры Степановны и узнал, что собирается она вместе с полярником навестить в скорости Вас. Вот, ведь, как беспокойно складывается жизнь и у тебя и у Любви Джелаловны. Всё это нагрузка, которую дарует судьба. Тебе будет тяжело, а Любви Джелаловне вдвое.

Ну, а я пока здоров. Хотя и не устроился, но, видно, в ближайшее время где то осяду на штатное место.

В Петергофе проектирует бригада архитекторов (Большой Дворец) и даже как будто уже возводят морской фасад, центральные части двор-

¹ Я.И. Шурыгин.

ца. Но это уже не волнует меня. Знаю, (как Данило в «Страшной мести»), что уже не воевать мне...

«О, время, время! Минувшее время! Куда поделись вы лета мои?
Выпьем за прежнюю долю, за давние годы?»

Был у Матвея¹ в день Нового Года. Накануне встречали они приход загадочного гостя и праздновали свадьбу Бориса². Упрям был папаша, но «детки» настояли на своём. Я то думаю, что так и надо было сделать, надо было положить конец волынке.

Передай мой привет маме и поцелуй за меня ушко твоей наследницы.

Целую и обнимаю тебя
НАрхипов

8.9.1952
Новгород

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Извини меня за промедление с ответом на твой привет.

И письмо и книжку твою я получил в те хлопотные дни, когда я в поисках нового крова до усталости знакомился с топографией города.

Ну, теперь всё устроилось и с комнатой и с работой³.

О Петергофе я уже было перестал тревожить свою память, но в начале июня меня туда вызвали и пробыл я там почти две недели. При мне заканчивали работу над морским фасадом Большого Дворца – снаружи как будто всё по старому, но внутри ещё нет никакой начинки. Что теперь там, как далеко двинулись работы внутренние пока ещё ничего не знаю.

В Ленинграде бываю редко, но каждый раз захожу к Матвею Матвеевичу. От него я узнал о тяжёлой потере, постигшей тебя и сестёр⁴. Все меньше и меньше становится тех, с которыми началась наша сознательная жизнь, кто сопровождал нас в юности и в зрелые годы. У меня теперь осталось мало старых спутников, отвоевались и залегли отдыхать.

---

¹ У Калаушина.

² Б.М. Калаушин, сын М.М. и Э.Ф. Калаушиных, художник.

³ Николай Ильич работает в Новгородском музее и пишет в письме от 2.10.52, которое не привожу, так: «сизу над переводом рукописей XVI–XVII вв.»

⁴ Смерть матери.

В ближайшую поездку собираюсь навестить С.К. Исакова. Видел я его в конце мая и как-то он одряхлел, до слёз жалко на него смотреть... А какой ведь был орёл! <...> Я то не хочу медленного угасания.

Приятно мне было слушать рассказ о том, в каком порядке содержишь ты пушкинские места. Внешний порядок дисциплинирует человека, воспитывает в нём уважение к старине, к памяти ушедших, такие чувства, которыми россияне никогда не отличались. Теперь, слава богу, этим стали заниматься, отскабливать «родимые пятна» в психологии.

В Петергофе я пробыл 12 дней (т. е. ездил туда каждый день). У них (строителей) накопилась уйма вопросов, на которые и могли бы дать ответ только ты да я. Я оставил им доклад с целой программой неотложных первоочередных работ. В музейной части – молодёжь; все они штудируют наши работы и главным образом «Сады и фонтаны» (потому что они у них перед глазами). В саду тьма увеселений и полная аррегулярность. В общем там работы (и весьма усиленной) лет на тридцать.

Слыхал я, что Любовь Джелаловна и твой детёныш пребывают в полном здравии. Радуюсь и за них и за тебя. Передай Любове Джелаловне привет и сердечные пожелания благополучия. Тебе жму руку, обнимаю и прошу не забывать старого журавля.

НАрхипов

2.11.1952

Новгород

Ленинград

Дорогой Семён Степанович!

Спасибо за письмо. Надеюсь, что ты уже поборол ленинградский грипп и самочувствие твоё изменилось. У нас, видно, заведено строить на время отпуска разные планы. И вдруг появление непрошенных гостей – недугов, ломающих все наши прожекты! Удивительно, (это достойно внимания и размышления!) какую значительную роль стала играть случайность в жизни смертного.

<...>

Очень хочу повидать тебя. Расчитываю приехать 10-го утром и потому прошу тебя черкнуть по получении этого письма сообщение на В.О. 14 линия, д.47, кв 61, когда в этот день я смогу повидать тебя и где. Я очень опасаясь, что в этот день или накануне ты поедешь восвояси, и мне не придется свидеться. Ведь, каждый раз я расстаюсь с тобой и думаю – может быть последняя встреча.

Поздравляю тебя с наступающим праздником. Передай мой привет и поздравления Александре Степановне, её муженьку, Матвеем Матвеевичу и его домочадцам.

Приедешь домой – передай привет и лучшие пожелания Любви Джелаловне и поцелуй за меня лапки вашей куколки.

Обнимаю тебя, целую
Твой НАрхипов

29.12.1952

Новгород

с. Михайловское

Дорогие Любовь Джелаловна и Семён Степанович!

Шлю Вам сердечные пожелания прожить предстоящий новый год в полном здравии, благополучии, с прумножением успехов в делах общественных и домашних.

Я пока здоров и наступающий новый год встречаю с надеждой на победу мира во всём мире.

Вспоминаю Вашу маленькую инфанту и радуюсь при мысли, что ей, вероятно, посчастливится жить под безоблачным небом.

Я по прежнему работаю в Музее над рукописями XVII в. Для Инспекции я написал две исторические справки (о Львином каскаде и Песочном пруде), вышло 35 стр. убористых на машинке. Сейчас больше читаю; только что собирался приняться за работу об оборонительных сооружениях Новгорода, но на днях получил книгу¹, где эта тема уже исчерпывающе разработана. Моя память начинает сильно сдавать. Видно, всякому овощу своё время.

Ну, до свидания. Может быть и в Новом году ещё увидимся.

Целую, жму руку. НАрхипов

26.04.1953

Новгород

с. Михайловское

Дорогие Семён Степанович и Любовь Джелаловна!

Примите сердечные пожелания здоровья и благополучия.

В Ленинграде я давно не был и ничего не знаю ни о Вас, ни о близких знакомых.

¹ Крепостные сооружения Древней Руси. М., 1952.

Я по-прежнему сижу над всякими челобитными, памятьми и другими грамотами XVII в. Музею я оставлю по себе хорошую память, потому что вряд ли после меня кто-нибудь примется за эти документы. Работа с ними подходит к концу и в мае выяснится удастся ли мне закончить её.

<...>

У тебя, Семён Степанович, вероятно, много весенней работы по зелёному благоустройству. Это, конечно, гораздо и несравненно приятнее, чем сидеть за столом восемь часов над материалом, к которому совершенно равнодушен.

Хотелось бы мне побывать в Михайловском и если буду жив и позволят дела, обязательно этим летом загляну к тебе в заповедник.

После 1-го мая проеду в Ленинградград и побываю у Матвея Матвеевича.

Как-то растёт Ваша наследница? Маленькая, а ведь как заполняет жизнь двух взрослых людей!! Передай ей мой поцелуй.

До свидания. Обнимаю тебя

Твой НАрхипов

P.S. На меня не сетуйте. Были очень уважительные причины, о которых расскажу при встрече. Надеюсь, что в будущем повторение теперь невозможно.

7.05.1955

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Благодарю за поздравление и добрые пожелания.

Незадолго до первого мая огриппился, никому не успел написать и вот только теперь принялся за письма.

К Матвею Матвеевичу собрался пройти 1 мая, но хвороба помешала, и я до сего времени у него ещё не был. Последний раз я был у него незадолго до праздника. Эмилия Фёдоровна¹ лежала с гриппом, на следующий день я доставил ей дефицитное лекарство, а через день и сам слетел с катушек.

Я по-прежнему работаю по истории памятников Нижнего Сада. Последняя работа о «фабольных» фонтанах в Петергофе и в частности о Фаворитном фонтане. Оказывается нишельные фонтаны выглядели

¹ Жена М.М. Калаушина.

иначе, чем мы предполагали в своё время. Написал работу о фонтанах Верхнего Сада и попутно выяснилось, что автором первого Самсона был старик К. Растрелли, у которого работали русские пенсионеры, обучавшиеся в Италии. В Германии найден «Самсон» Козловского, но никто не прилагает стараний к его возвращению на родину (прошло уже несколько месяцев – время, достаточное для того, чтоб его бронзу пустить на Цвингер). Не только Петергофу, но и другим памятникам повсеместно не везёт. Если прибудешь в Ленинград, не забудь захватить статью о Версале.

Домик няни получил, снимок сделан искусно. Кстати, ты обещал мне переснять петергофскую группу – не забудь.

Передай мой привет Любови Джелаловне. Как здоровье малышки? Она, ведь, у вас как солнышко!

Целую тебя

Твой НАрхипов

2.5.1956

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с наступлением весны и с благополучным перевалом через зловещие сугробы зимы. Она, действительно, была чертовски жестокой и небывало снежной. Я тоже пережил без недужных напастей, хотя в Сестрорецке, где живёт жена¹, в комнате по утрам нередко бывало 2° тепла. Только в апреле, когда в городе царил грипп, я слетел с катушек дней на пять, но подняли меня горчичники и биомидин. Видно для меня ещё не пришло время...

Думалось мне, что ты меня совсем забыл и хочешь забыть. Но вот твоё письмо и приглашение побывать в пушкинских краях... Удастся ли? Не знаю. У жены высокое давление, и я в вечной тревоге. Вот как везёт мне!

Недавно откомандировали меня, видно, на несколько месяцев в одну из проектных мастерских, занятых работами по реставрации (!) Большого Дворца в помощь для составления документации. В августе надо представить ряд исторических справок по отдельным залам и помещениям Дворца. Пока просматриваю один нетронутый никем архивный фонд и делаю выписки.

¹ Вторая жена Николая Ильича Анна Васильевна Архипова (1898–1967).

Так, помаленьку и тащу свой жизненный возок. Благодарю судьбу за дарованную тебе возможность жить себя и свои силы в работе по охране дорогого для мыслящих русских людей памятника.

До скорого и радостного свидания.

Целую Вашу малышку.

Твой НАрхипов

5.11.1956

Ленинград

с. Михайловское

Дорогие Семён Степанович и Любовь Джелаловна!

Поздравляю Вас с Великим Народным Праздником и прошу принять сердечные пожелания здоровья и всяческого благоденствия.

Только недавно я наконец дождался своей реабилитации и восстановления в Партии с зачётом стажа с 1918 г. Теперь-то я получу жилплощадь и ощутительно почувствую новое своё положение старого большевика.

Зовут меня усиленно в Петергоф на должность зав. научной частью. Может быть и перейду туда на работу, если окрепнет уверенность, что мне не будут мешать приложить силы к восстановлению этого памятника.

<...>

Надеюсь, что по приезде в Ленинград, ты найдёшь возможность повидать меня. Жму твою руку, обнимаю и целую

Твой НАрхипов

Как то здравствует Ваша маленькая наследница? Поди теперь большая? Поцелуй её за меня.

30-31.12.1956

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с наступающим Новым Годом, шлю пожелания счастья и благоденствия. Целую Вашу маленькую принцессу, желаю ей здоровья и успехов.

Ваш НАрхипов

P.S. Надеюсь встретить тебя в январе у Матвея Матвеевича.

4. 11.1957¹

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с Праздником и прошу принять пожелания здоровья и благополучия.

Надеюсь повидать тебя после праздников; вероятно, отпуск будешь проводить в Ленинграде? Я перешёл на пенсию, но пока ещё приходится ходить в Инспекцию, сдавать незаконченные работы; предполагаю к 15.11. (? – Т.Г.) окончательно развязаться. Пенсия моя небольшая (около 700), но, возможно, дадут персональную (по партийной линии). Устал я давать каждый месяц по листу исследований.

Видел на днях Матвея Матвеевича. Он вместе с Эмилией Фёдоровной ездил на юг и несколько сбавил жирку, а Э.Ф. ещё более пополнила.

Ныне я имею (наконец-то!) комнату в Питере, в новом доме, в 3 этаже, вблизи Московского пр.

До скорого свидания. Как здравствует маленькая наследница? Поцелуй её за меня

Твой НАрхипов

1.1.1959 (рукой С.С. Гейченко. – Т.Г.).

Ленинград

ул. Победы, д. 8, кв. 52

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с наступающим Новым годом и прошу принять сердечные пожелания здоровья и благополучия всяческого.

Твой НАрхипов

P.S. Письмо твоё с печальным извещением получил. Очень жаль мне Зинаиду Степановну; она меня очень морально поддерживала в тяжёлые дни жизни.

---

¹ У Николая Ильича ошибочно 4.10.

29.04.1959

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с праздником 1-го Мая, шлю привет Вам и сердечные пожелания здоровья, благополучия и успеха в делах.

Благодарю за приглашение навестить тебя в твоей латифундии. Всё зависит от большой книги о Петергофе.

Целую тебя

Твой Н.Архипов

25.12.1960

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Шлю тебе и Любви Джелаловне с дочуркой поздравления с наступающим Новым Годом и сердечные пожелания Вам всякого благополучия.

Матвей Матвеевич говорил мне, что ты теперь уж не прочь перебраться поближе к нам. Горячо желаю осуществления этого благого плана. И чем скорее, тем лучше!

В январе как будто собираешься приехать?

Надеюсь, увидимся?

Твой НАрхипов

5.11.61

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён!

Шлю тебе, Любви Джелаловне и наследнице привет, праздничные поздравления и сердечные пожелания всякого благополучия в нашей многотрудной и скучной жизни.

Жму руку и обнимаю.

Твой Н.Архипов

(Без даты, вероятно, 1962 или 1963. – Т.Г.)

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён!

Поздравляю тебя и Любовь Джелаловну с Первомайским Праздником, шлю привет и сердечные пожелания всякого благополучия

Твой НАрхипов

P.S. За посылку фото и документов о Растрелли большое спасибо. Верну их, как только поправлюсь, у меня был грипп, а потом радикулит. Помаленьку пишу «Путеводитель» по Петергофу. Договор есть с Лениздатом и выйдет он в следующем году.

Н.А.

9.11.1963 (получено. – Т.Г.)

Ленинград

Улица Ленсовета, д.9, кв. 43

с. Михайловское

Дорогой Семён!

Шлю Любове Джелаловне, тебе и дочурке привет, пожелания здоровья и всякого благополучия.

Твой НАрхипов

P.S. Матвея Матвеевича давно не видел. Он целых 1 ½ месяца отдыхал в домах отдыха, и вот теперь уже около месяца в Академической Больнице. <...>

НАрхипов

12.1963

Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю Любовь Джелаловну, тебя и доченьку с Новым Годом и шлю сердечные пожелания здоровья и всякого благополучия.

Твой НАрхипов

P.S. Я только что вернулся из Москвы, где две недели сидел в Центральном Архиве. Поиски оказались результативными.

5.11.1964

с. Михайловское

Дорогие Любовь Джелаловна и Семён Степанович!

Поздравляю с Праздником и шлю сердечные пожелания здоровья и всякого благополучия.

НАрхипов

P.S. По приезде в Ленинград, сообщи мне телефон. Хотелось бы повидаться и передать книгу о Растрелли. Очень мне жаль Матвея Матвеевича и о нём поговорили бы.

29.12.1964 (получено. – Т.Г.)

Ленинград

с. Михайловское

Шлю наилучшие пожелания Любви Джелаловне, тебе и дочурке.

Твой НАрхипов

P.S. Одновременно шлю тебе книжку о Растрелли. Хотелось бы написать ещё об одном итальянце (Микетти). О нём материал собран. А пока что написана статья о первых русских скульпторах, обучавшихся в Италии (петровских пенсионерах). Ещё приготовил статью о медном Нептуне у Монплезира. У Матвея давно не был, т. к. жена у меня уже более 3-х месяцев в больнице. <...>

1.5.1965 (получено. – Т.Г.)

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Шлю Любви Джелаловне тебе и дочурке поздравление с весенним Праздником и сердечные пожелания всем Вам здоровья и благополучия

НАрхипов

Мой городской тел. К-316-68

Если будешь в Ленинграде позвони, хотелось бы встретиться. <...>

10.1965

с. Михайловское

Дорогие Любовь Джелаловна и Семён.

Шлю Вам и наследнице сердечные пожелания здоровья, бодрости и всякого благополучия.

Давненько я тебя не видел, а хотелось бы. Ну а я... покоя сердце просит...

Дай знать о себе
Твой НАрхипов

30.4.1966
Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён!

Поздравляю тебя, Любовь Джелаловну и Татьяну с весенним праздником и шлю лучшие пожелания. Десница божия счастливо да соблюдет Вас всех на веки.

Твой Н.А.

P.S. Я всё ещё поскрипываю и остаюсь неизменным посетителем архивных резиденций. К Матвею при случае обязательно зайди. <...> Он будет тебе очень рад.

<...>

И вот последнее письмо. Печальное оно.

1966
Ленинград

с. Михайловское

Дорогой Семён Степанович!

Поздравляю Любовь Джелаловну, тебя и Таточку с Праздником и шлю сердечные пожелания Вам всем здоровья, бодрости и благополучия.

Ваш НАрхипов

P.S. Как чувствуешь себя, как здоровье? Я помаленьку бреду, сейчас уже в погранполосе, совсем скоро стукнет 80 лет. Навещаю изредка Матвея Матвеевича, он безнадежно болен. Недавно были у Суховской – вспоминали тебя. Все постарели. Давно не видел тебя. И всё как сон далёкий. Обнимаю НАрхипов

Ниже приводим также отзыв С.С. Гейченко о работе Н.И. Архипова. Документ относится к периоду 1939–1941 годов, извлечён из дела Н.И. Архипова, из комплекта документов «Заявление в связи с незаконным арестом» с присоединением документов о служебной деятельности Архипова. 1934—»¹.

¹ ФГУ «Российская государственная библиотека». Ф. 369 (фонд В.Д. Бонч-Бруевича). Картон № 235. Ед. хр. 26. Л. 25–27.

*О научной работе б. директора Петергофских Музеев
Н.И. Архипова*

Как бывший научный работник Петергофских музеев, я сталкивался по работе с Архиповым с 1924 по 1937 г. и со всей искренностью должен засвидетельствовать, что Н.И. АРХИПОВ, будучи директором и занимаясь в основном административно-хозяйственными делами, уделял большое, серьёзное внимание научно-музейной работе. В этом отношении, мне кажется, он сочетал в себе подлинного научного работника с администратором. Для примера достаточно указать ряд фактов.

Во-первых: под руководством АРХИПОВА и при его непосредственном участии была проделана колоссальная работа по капитальной реставрации почти всех Петергофских фонтанов и парковых сооружений (в том числе таких, как Большой Каскад, Партеры Верхнего и Нижнего Садов, Аллея фонтанов и т.п.). Эта работа потребовала огромной предварительной научно-исследовательской работы по подысканию и изучению старинных чертежей и планов, а также документальных данных за годы 1706–1917. К этому нужно добавить, что последняя реставрация парка и фонтанов была произведена почти сто лет тому назад и никакого опыта у работников Петергофа, приступивших в 1925 г. к реставрации, не было.

Ввиду почти полного отсутствия специалистов по фонтанному искусству Архипов был вынужден взять на себя всю эту работу, разумеется, при соответствующей консультации (проф. Акад. Худ. Г.И. КОТОВ, А.П. УДАЛЕНКОВ, И.К. РОМАНОВ).

Работа эта, продолжавшаяся несколько лет, дала прекрасные результаты, и заброшенный, разваливающийся Петергоф стал действительно «Русским Версалем».

Результаты своей научно-исследовательской работы Н.И. Архипов использовал не только в реставрационной деятельности музея, но и в книге, написанной им для массового посетителя, неоднократно переиздававшейся и дополнявшейся новыми сведениями. Книга эта тем более ценна, что она явилась первым опытом путеводителя по парку, а примечания к книге дали ряд новых, чрезвычайно ценных сведений для историков русского искусства 18–19 веков. Книгу эту редактировали и рецензировали профессора А.С. ГУЩИН и С.И. ИСАКОВ.

В последнее время Архипов, продолжая изучения парка и фонтанного искусства, стал работать над монографией об известном архитек-

торе Леблоне – строителе Петергофа. Окончание этого труда давало автору право на соискание учёной степени, к чему не мог не стремиться директор Петергофских музеев – учреждения не только политико-просветительного, но и научного.

Переходя к деятельности научно-экспозиционной, нужно отметить, что при ближайшем участии Архипова в Петергофских музеях был выдвинут и разработан метод дополнительных экспозиций в музейных ансамблях исторических музеев, – метод, позволяющий исторически насыщать и политически активизировать содержание экскурсий по дворцам-музеям. Эта система дополнительных экспозиций была одобрена специалистами музееведами, а также музейным съездом РСФСР и в дальнейшем была принята к практике во многих других родственных музеях, о чём свидетельствует проф. Фёдоров-Давыдов в своей книге «Советские музеи» и многочисленные отзывы специалистов и посетителей музеев.

Отмечая десятилетний юбилей деятельности АРХИПОВА в Петергофе, многие научные работники Ленинграда, в том числе академик И.А.ОРБЕЛИ, отмечали ценные качества АРХИПОВА как администратора, так и научного работника и подчёркивали преданность его этому делу.

Немалая работа была проделана АРХИПОВЫМ и по реализации исторического указания ЦК и СНК от 3 декабря 1931 г. о превращении Петергофа в Парк Культуры и Отдыха и указаний тов. ЖДАНОВА о пригородных парках. О результатах говорит многое – и постепенный, неуклонный рост популярности и посещаемости Петергофа, и строительство новых культурных мероприятий по обслуживанию потребностей многочисленных посетителей и т.п.

И мне вспоминаются слова, записанные тт. ЖДАНОВЫМ и КАГАНОВИЧЕМ в книге впечатлений Петергофских музеев в 1935 г. о том, что «музейные работники своей скромной, но плодотворной работой помогли делу превращения бывшей резиденции царей в резиденцию Его Величества Пролетариата».

В числе скромных музейных работников, создателей нового Советского Петергофа, был и б. директор Петергофских музеев АРХИПОВ.

СГейченко [печать Института Литературы]

О научной работе б. директора Петергофских Музеев
Н.И. АРХИПОВА.

Как бывший научный работник Петергофских музеев, я сталкивался по работе с Архиповым с 1924 по 1937 г. и со всем искренностью должен засвидетельствовать, что Н.И. АРХИПОВ, будучи директором и занимаясь в основном административно-хозяйственными делами, уделял большое, серьезное внимание научно-музейной работе. В этом отношении, мне кажется, он сочетал в себе подлинного научного работника с администратором. Для примера достаточно упомянуть ряд фактов.

Во-первых: под руководством АРХИПОВА и при его непосредственном участии была проделана колоссальная работа по капитальной реставрации почти всех Петергофских фонтанов и парковых сооружений [в том числе таких как Большой Каскад, Партеры Верхнего и Нижнего Садов, Аллея фонтанов и т.п.]. Эта работа потребовала огромной предварительной научно-исследовательской работы по подсказанию и изучению старинных чертежей и планов, а также документальных данных за годы 1706-1917. И этому нужно добавить, что последняя реставрация парка и фонтанов была произведена почти сто лет тому назад и никакого опыта у работников Петергофа, приступивших в 1925 г. к реставрации, не было.

В виду почти полного отсутствия специалистов по фонтанному искусству, Архипов был вынужден взять на себя всю эту работу, разумеется, при соответствующей консуль-

III. Гость «Михайловской пушкинианы»

Татьяна Чистякова

А.С. ПУШКИН О НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИИ

Многосторонность и всеобъемлющий характер творчества Пушкина уже давно засвидетельствованы – в частности, Гоголем, Белинским, Добролюбовым. В 30-е годы XX века философ И.А. Ильин отмечал в личности Пушкина «...способность вместить в себе всё пространство земли и неба, все диапазоны звуков, все горизонты предметов, все проблемы духа – объять мир от края и до края»¹.

Автору статьи хотелось бы обратить внимание читателей на то, как глубоко Пушкин понимает некоторые вопросы современной ему науки и техники. Тема эта не совсем обычная, но, по мнению одного из крупнейших исследователей творчества Пушкина, академика М.П. Алексеева, «...потребность знать Пушкина как можно шире и глубже в разнообразных проявлениях его гения и во всех возможных отношениях к окружающей его действительности определяет одну из задач нашего пушкиноведения»².

Отрочество Пушкина – это Лицей. Внимание к Императорскому Царскосельскому Лицею не ослабевает без малого уже 200 лет. Но при исследовании исторических материалов, к великому сожалению, часто берётся либо лежащее на поверхности, либо импонирующее исследователю. Объективность при этом страдает. Тиражируются строка из Пушкина же о том, что «...учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», или высказывание профессора физико-математических наук Я.И. Карцова: «...у Вас, Пушкин, в моём классе всё кончается нулём» (самый низкий балл), или воспоминания о том, что в математическом классе за Карцовым следил только Вольховский, и так далее. А вот свидетельство одноклассника Пушкина Модеста Корфа о курсе с диффе-

¹ Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993. С. 58.

² Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 23.

ренциалами и интегралами объясняют плохой памятью Корфа, писавшего свои Записки через 40 лет по окончании Лицея...

Обратимся к документам. В рукописном отделе Института русской литературы хранятся «Ведомости об учебных часах и состоянии Лицея» за разные годы¹. Из них следует, что учебная неделя из 6 дней содержала до 44 часов. В Постановлении о Лицее, подписанном Александром I, значится: «июль месяц – есть время роздыха»². Так учились «понемногу».

В математическом классе, по свидетельству профессора Карцова, за шесть лет обучения, начав с «тройного правила по арифметике», пришли к тому, что «...необходимо окончить алгебру, пройти курс сферической тригонометрии и конического сечения»³. В Постановлении определено место точных наук в окончательном классе (то есть в последние три года). Параграф 69 гласит: «При вступлении воспитанников в курс окончательный науки нравственные, физические и математические должны занимать первое место»⁴.

Об уровне преподавания неоспоримо свидетельствуют сохранившиеся тетради одноклассника Пушкина Александра Горчакова по физике и математике⁵. Эти записи до сих пор никем не опубликованы. Тетради составлены из 20–30 листов толстой грубоватой бумаги. В одной из них под заглавием «Начертание физической астрономии» Горчаков, пропустив 3–4 чистых листа, пишет: «Динамика». Год не проставлен, но, вернее всего, это последние годы обучения. Далее идут решения сложных квадратных уравнений, дифференцирование и интегрирование. Оказывается, не забыл Корф! В письме к конференции в 1815 году Карцов сообщает: «Преподавание математической географии перенесено в окончательный курс, так как она основана на сферической геометрии»⁶. Следует заметить, что в наше время дифференцирование – это вузовский курс, сферическая тригонометрия и криволинейная геометрия (см. ниже) – университетский курс.

Кроме профессора Карцова математику в Лицее с 1815 года преподавал Архангельский, выпускник педагогического института. Он вёл геометрию и математическую географию. Тот же Корф вспоминал, что Архангельский – «математик в душе, умевший предавать этому сухому

¹ ИРЛИ. Ф. 244, оп. 25, № 120, 124.

² Там же. Постановление о Лицее.

³ Государственный исторический архив Ленинградской области (далее – ГИАЛО). Ф. 11, д. 7, № 367. Письма Карцова. Конференции.

⁴ ИРЛИ. Ф. 244, оп. 25, № 120.

⁵ ИРЛИ. Ф. 244, оп. 25, № 359.

⁶ ГИАЛО. Ф. 11, д. 7, № 367.

предмету жизнь и даже что-то вроде поэзии»¹. Любопытно отметить, что в одном из учебников, которым пользовался Архангельский, в разделе «Геометрия. Введение» кроме введения в сферическую геометрию указано введение в криволинейную геометрию. Таков уровень подготовки в Лицее.

Молодость. Кишинёв. Мы слышим в воспоминаниях современников о пылком нраве Пушкина, о множестве дуэлей, цыганах, «шалостях»...

Но, настойчиво советует философ Ильин, «...мы, русские люди, уже научились и должны научиться до конца и навсегда подходить к Пушкину не от деталей его эмпирической жизни и не от анекдотов о нём, но от *главного и священного* в его личности, от вечного в его творчестве»².

Перед нами свидетельство самого Пушкина, сделанное в 1821 году:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд, и жажду размышлений.
Владею днём моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

(II, 187)

Научные открытия в первой трети XIX века следовали одно за другим. В математике революционным был выход из эвклидовой геометрии, предпринятый Н.И. Лобачевским.

23 февраля 1826 года на заседании математического факультета Казанского университета Лобачевский представляет рукопись «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных линиях».

В конце 1826 – начале 1827 года Пушкин в отклике на статьи В. Кюхельбекера в «Мнемозине» пишет:

«*Вдохновение* ? есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следст.венно > быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

---

¹ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники // Грот Я.К. Труды. Т. 3. СПб., 1901. С. 229.

² Ильин И.А. Одинокий художник. С. 44. Курсив Ильина.

Вдохновение нужно в поэзии как и в геометрии» (XI, 41).

В «Северных цветах» А. Дельвига за 1828 год, в отделе прозы, Пушкин помещает «Отрывки из писем, мысли, замечания». Выделим:

«Всё, что превышает геометрию, превышает нас», сказал Паскаль.

И в следствие того написал свои философические мысли!» (XI, 54).

И снова: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно к объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии как и в поэзии» (XI, 54). Датировано: август – сентябрь 1827 года. Почти дословное повторение с переменой местами геометрии и поэзии. Это может стать более понятным, если обратить внимание на обстановку вокруг теории Лобачевского. Теория эта впервые была опубликована в Казанском вестнике статьёй «О началах геометрии» в 1829 году. Крупнейшие математики России Буняковский и Остроградский не принимают теорию. Журнал «Сын Отечества» за 1834 год печатает грубый памфлет на статью, а возражения Лобачевского не публикует. В 1835 году в сборнике Трудов Казанского университета напечатана статья Лобачевского «Воображаемая геометрия». Идею принял великий Гаусс из Гёттингена, назвав автора «Коперником геометрии».

Хочется думать, что Пушкин уже в 1828 году публично высказал своё мнение о том, на что обратил своё внимание ещё в конце 1826 года.

Академик М.П. Алексеев считает: «Хронологические совпадения редко бывают случайными. Причинная между ними связь может быть установлена даже тогда, когда они кажутся особенно неожиданными»¹.

На первый взгляд кажется несообразным: мировая известность Остроградский не принял, а Пушкин поверил. При этом нельзя упускать из вида, что арсенал науки и уровень образованных людей того времени были иными. Это XX век ввёл в науку прагматизм и узкую специализацию. Пока же объём знаний не был необозримо велик, энциклопедичность в образовании и даже в кругозоре была вполне возможной. Вот свидетельство А.И. Тургенева из Парижа в 1836 году: «Я совсем не охотник до наук точных, а ещё менее знаток в оных, но по необходимости должен изредка заглядывать в Академию по понедельникам для того, чтобы быть *au courant* (в курсе. – *Т.Ч.*) главных открытий, даже попыток в этом, что делается немногими для всех и каждого. Иначе взгляд на мир нравственный, на мир интеллектуальный и даже политический не будет верен. Энциклопедический взгляд не мешает специальности, и

¹ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 44.

с тех пор, как я справляюсь об успехах машин и о газе, я лучше сужу о Людовике XIV и о Петре Великом»¹.

Достаточно вспомнить окружение Пушкина в 30-е годы. В.Ф. Одоевский – писатель, музыкальный критик, интересуется вопросами философии, экономики, механики, химии, медицины. П.Л. Шиллинг – военный дипломат, один из первых русских востоковедов, изобретатель первого электромагнитного телеграфа; в альбоме Ушаковых портрет Шиллинга выполнен рукою Пушкина. П.Б. Козловский – дипломат, знаток античной культуры, поэт, отличался удивительными познаниями в точных науках; в незавершённом есть поэтические строки Пушкина в адрес князя Козловского.

Но даже на этом фоне прозрения Пушкина кажутся нереальными. Остался незавершённым отрывок 1829 года:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных
И Гений, [парадоксов] друг
[И Случай, бог изобретатель].

(III, 464)

Президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, физик, так характеризовал этот фрагмент в 1949 году: «...гениален по своей глубине, значению для учёного... каждая его строчка свидетельствует о проникновенном понимании Пушкиным методов научного творчества»².

Из михайловской глуши в конце 1825 года Пушкин посылает П.А. Вяземскому несколько мелких стихотворений для альманаха «Уrania». Среди них – «Движение».

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

(II, 432)

¹ *Тургенев А.И.* Париж. Хроника русского // Современник. Т. 1. СПб., 1836. С. 264.

² *Вавилов С.И.* // А.С. Пушкин. 1799–1949. Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 32, 33.

Это произведение рассматривали многие исследователи. Академик М.П. Алексеев в обширной статье «Пушкин и наука его времени» подробно прослеживает и развитие античной философии, и отражение её в европейской культуре. Однако он замечает: «...для Пушкина определение того, что такое движение, не было вопросом абстрагирующей логической мысли, но теснейшим образом связывалось с конкретными проблемами научного познания»¹. Научный взгляд на эту проблему был сформулирован Галилеем в механическом принципе относительности. Согласно этому принципу в инерциальной системе отсчёта характер движения, а значит и покой, зависит от выбора точки отсчёта.

Лицейский профессор физики и математики Карцов преподавал свои предметы по различным учебникам. Один из них – «Начальные основания умозрительной и опытной физики» А. Стойковича, издан Харьковским университетом в 1804 году. Экземпляр этой книги хранится в библиотеке Академии наук. В разделе «Явление движения вообще», в параграфе 78 «Относительное движение», говорится: «Движение солнца и звёзд есть кажущееся... Чувства нам показывают, что солнце движется, земля находится в покое. В сомнительных случаях всегда исследовать должно, какое покоится, а какое движется»². Может быть, Пушкин в своём «Движении» изложил в поэтической форме не только идею гелиоцентрической системы, но ещё и принцип относительности?

Следует отметить, что лицейский курс астрономии был рассчитан на несколько лет и отражал последние достижения науки того времени. В упомянутой тетради Горчакова «Начертание физической астрономии» перечислены малые планеты Церера, Паллада, Юнона и Веста, открытые соответственно в 1801, 1802, 1804 и 1807 годах. В разделе «Явление комет» ведётся речь о знаменитой комете Галлея. Определение её приближения к Земле с точностью до трёх дней было подтверждением механики Ньютона, но стройной теории комет ещё не было, что и отражено в тетради: «Вообще теория комет ещё в действии».

Пушкин же в стихотворении «Портрет» (1828 год), посвящённом Закревской, сравнивал её с «беззаконной кометой» среди «расчисленных светил». Твёрдые познания в астрономии чувствуются и в неоконченном отрывке 1825 года.

---

¹ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 80.

² См.: Стойкович А. Начальные основания умозрительной и опытной физики. Харьков, 1804.

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшею
В тишине небес.

(II, 447)

Приведённые выше примеры из сочинений Пушкина как бы иллюстрируют мысль, высказанную П.А. Плетнёвым: «...природа, кроме поэтического таланта, наградила Пушкина изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь»¹.

Повторим: выдающиеся научные открытия и технические изобретения, значение которых можно было определить уже значительно позже, в первую треть XIX века следовали одно за другим.

1799 год – первый гальванический элемент Вольта.

1834 – первый электромагнитный двигатель Якоби.

1801 – сформулированы все классические газовые законы.

1824 – уже разработана теоретическая основа паровых машин и двигателей внутреннего сгорания.

1805 – возникла теория электролиза.

1837 – проведены первые опыты гальванопластики.

Подобным образом развивались также оптика, химия и другие естественные науки. Этот выход науки из зачаточных состояний стал мощным рычагом для развития техники.

1780-е годы – первая паровая машина Уатта.

1815 год – регулярные рейсы парохода в Кронштадт.

1819 – первое трансатлантическое путешествие.

1837 – первая общественная железная дорога в России.

---

¹ Плетнёв П.А. Сочинения и переписка. Ч. 1. СПб., 1885. С. 366.

Всё это привлекает к себе внимание широких кругов общества. Ф. Булгарин в 1826 году восторженно пишет о поездке в Кронштадт: «Кто знает, как высоко поднимется науки через 100 лет, если они будут возвышаться в той же соразмерности, как доселе! <...> Может быть, мой внук будет на какой-нибудь машине скакать в галоп по волнам из Петербурга в Кронштадт и возвращаться по воздуху».

Журнал «Московский телеграф» в 1825 году сообщает: «Висячие мосты входят в употребление. В Петербурге сделан такой мост через Мойку. В Англии остров Англезей соединён таким мостом...» И далее о том, что в Англии ревностно «принялись за подземную дорогу, которая будет прокопана под Темзой». И Пушкин в 1828 году в седьмой главе «Евгения Онегина» откликается:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчислению
Философических таблиц
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно,
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...
(VI, 245)

Академик М.П. Алексеев отмечает: «Вся XXXIII строфа из 7 главы «Онегина» бодрым уверенным тоном технических предвидений не имеет сколько-нибудь значительных аналогий в западно-европейской литературе тех лет»¹.

Пушкин знаком и с недалёкой историей науки и техники. Так, в «Пиковой даме» в 1833 году он отмечает молодость графини «монгольфьеровым шаром» (1783 год), а в сцене в спальне графини замечает, что «можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от её воли, но по действию скрытого гальванизма» (VIII, 240).

С особым интересом относится Пушкин к личности Ломоносова. В 1834 году в «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин пишет: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он

¹ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 149.

один является самобытным сподвижником просвещения» (XI, 249). А о широте интересов Ломоносова замечает: «Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт, поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757...» (XI, 249) – и далее на трёх страницах перечисляет опыты «в химии, в физике, в истории, в словесных науках».

Основа технической осведомлённости Пушкина заложена в Лицее. Курс физики следовал в трёх частях: всеобщей, частной и прикладной. Частная физика рассматривала: «явления теплоты, света простых веществ и соединений, электричество, гальванизм, магнетизм». Прикладная математика, в отличие от чистой, в своём техническом отделе содержала: «практическую механику, гидравлику, гидротехнику, гражданскую архитектуру, артиллерию, фортификацию, морские науки». Так значится в письме Карцова к Конференции 1815 году¹.

Для ведения технического отдела для лицейских последнего года обучения в Лицей был приглашён полковник инженерного ведомства Ф.Б. Эльснер. Видимо, этот технический отдел прикладной математики и составляет содержание курса «военных наук», на который отводилось девять часов в неделю.

Ещё философ И. Ильин отмечал, что «Пушкин всю жизнь неутомимо искал и учился». «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», – решает арап Петра Великого, видимо в согласии с мнением автора. Во всех скитаниях Пушкин всегда – в окружении книг. Из Михайловского в Петербург в ноябре 1824 года он просит брата Льва: «Книг, ради Бога, книг». Осенью 1835 года из Михайловского же в письме к жене: «Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу» (XVI, 51). В последней квартире на Мойке уже собрано до 1500 названий книг. «Едва ли кто из наших литераторов успел собрать такую библиотеку, как он», – свидетельствовал П.А. Плетнёв².

Исследователь тригорской и последней библиотек Б.Л. Модзалевский писал: «...только уяснив круг чтения поэта, мы сможем поднять на должную теоретическую высоту изучение литературного генезиса его творчества»³.

В каталоге библиотеки Тригорского по интересующей нас теме находим:

---

¹ ГИАЛО. Ф. 11, д. 7, № 3671.

² Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. СПб., 1998. С. 593.

³ *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 218.

«Краткое руководство к физике для употребления в народных училищах». СПб., 1785.

«Начальные основания плоской тригонометрии». Из тетрадей Н.И. Фусса. СПб., 1804.

«Начальные основания химии» Еркслебека. СПб., 1788.

«Вольфиянская экспериментальная физика». Перевёл Михайло Ломоносов. СПб., 1760.

«Магазин натуральной истории, физики и химии». М., 1788, 1789, 1790.

Бедором. «Новый курс математический для артиллеристов и инженеров». СПб., 1766.

Краткое руководство к математической географии. СПб., 1787.

Озанама М. Математические и физические развлечения. Париж, 1770.

Подтверждено, что в Михайловском в 1820-е годы была книга Кордье «Рассуждения об уравнениях» (Париж, 1824)¹.

В библиотеке на Мойке, по свидетельству Б.Л. Модзалевского, были:

Петров В. «Известие о гальвано-вольтовом опыте». СПб., 1803.

Фонтенелл. «Разговоры о множестве миров». Перевел Кантемир. М., 1730.

Бюффон. «Натуральная история». В 3-х томах.

Джон Гершель. «Трактаты по астрономии». 1835, 1836.

Лаплас. «Аналитическая теория вероятностей». 1818.

Лаплас. «Опыт философии теории вероятностей». Париж, 1825.

Паскаль. «Письма провинциалу. Мысли». 1824.

«Энциклопедический лексикон». Первые 4 тома с 1835 года.

Голицына. «Анализ силы». Часть 1. Книга I.

Пушкин следил за развитием научной мысли своего времени. Как отмечал Козловский, «он говорил, что иногда случалось ему читать в некоторых из наших журналов статьи о науках естественных»².

В.Ф. Одоевский вспоминал, что в 1834 году Пушкин высказал мысль об организации большого современного издания, которое касалось бы, по возможности, главных сторон русской жизни»³.

31 декабря Пушкин обратился к Бенкендорфу за разрешением «из-

---

¹ См.: Лобанова Э.Ф. Михайловская библиотека Пушкина. М., 1997. С. 30.

² Современник. Т. 8. 1837. С. 51.

³ Одоевский В.Ф. Сочинения. Ч. 1–3. СПб., 1844. С. 360.

дать 4 тома статей чисто литературных... исторических, учёных, а также критических разборов русской и иностранной словесности». И 11 апреля увидел свет первый том «Современника».

Ближайшим соратником Пушкина в деле просвещения стал В.Ф. Одоевский. Он вспоминал: «В беседах Пушкина с друзьями, когда он около 36 года предпринял издание «Современника», возбуждалась мысль о необходимости показать пример, каким образом об учёных предметах можно говорить человеческим языком»¹. Его статья во 2-м томе «Современника» была программной в области просветительской политики, название и направление которой дал сам редактор: «О вражде к просвещению, замечаемому в новейшей литературе». Автор статьи осуждает «чудовищный род литературы, основанной на презрении к просвещению, исполненной ребяческих жалоб на несовершенство ума человеческого, ребяческих воспоминаний о счастливом невежестве предков». Достаточно вспомнить, что, например, журнал «Сын Отечества» через год после грубого памфлета на теорию Лобачевского печатает статью «Об устранении железных дорог в России».

Одоевский считает, что «необходимо знакомить наших простолюдинов (в зипунах и фраках) с положительными знаниями, изложенными общедоступным языком».

В первом же томе редактор помещает статью П.А. Плетнёва «Императрица Мария», посвящённую женскому образованию в России, считая его неотъемлемой частью отечественного просвещения. Та же мысль прослеживается и в письмах А.И. Тургенева «Париж. Хроника русского», напечатанных в двух из четырёх томов журнала.

Нельзя не отметить, что большинство крупных журналов того времени имели научно-популярные разделы, но эти материалы по преимуществу были переводными и носили сухой информационный характер.

Автором трёх статей в «Современнике» был П.Б. Козловский. Близко знавший его Одоевский так отзывался о нём: «Князь Козловский был человек светский и вместе положительно человек учёный, в особенности по части чистой и прикладной математики; с умом чрезвычайно ясным он соединял искусство говорить и писать о самых сложных и затруднительных предметах просто, определённо и при том живописно». Он же вспоминал: «Мысль начать, наконец, вульгаризацию (популяризацию. – Т.Ч.) науки весьма интересовала Пушкина, и в князе Козловском Пушкин нашёл человека вполне способного к этому делу»².

¹ Одоевский В.Ф. Сочинения. Ч. 1–3. С. 360.

² Там же.

В первом томе «Современника» помещена статья Козловского «Разбор парижского математического ежегодника за 1836 год», в котором даны астрономические и статистические сведения, таблицы мер и весов, статья Араго о комете Галлея, таблицы Лапласа, рассчитавшего приливы в портовых городах Франции. Патриот Петербурга, Козловский надеется, что возможно «из долголетних постоянных примечаний извлечь периодический закон, на основании которого прекрасный город, воздвигнутый Петром Великим, не будет всегда жить в тёмном неведении об эпохе наводнения». Эта публикация – не столько разбор статей французских учёных, но скорее всего своеобразный повод поделиться общими рассуждениями о распространении просвещения: «Наука должна быть достоянием не только высших, но и низших слоев населения. Только тогда возможно процветание науки». Едва ли не впервые в России была так чётко изложена неразрывная связь науки и просвещения.

Козловский выступает и с резкой отповедью против псевдонаучных сенсаций. «Мы надеемся, что имя славного мужа (Джона Гершеля. – Т.Ч.) не пострадает во мнении людей просвещённых от дерзкой наглости какого-то шарлатана в Америке или Голландии, который в нынешнем году выдал книгу, в коей описаны предметы, будто бы видимые Гершелем на Луне, как-то: строения, крепость, летающие существа, подобные нам, и пр. К стыду Европы книжка сия с жадностью раскупалась в обществе людей порядочных, верующих такому постыдному обману».

Вторая статья Козловского, опубликованная в 3-м томе, называлась «О надежде» и открывала отдел прозы. Впервые в России русский автор популярно освещал основы теории вероятностей¹. Термина «вероятность» в русском языке тогда ещё не было, и автор предлагал назвать теорию «теорией удобосбытностей». Интерес к этому разделу математики всё более возрастал с развитием демографии, статистики, страхового дела. Прекрасно ориентируясь в литературе по избранной теме, Козловский приводит «славный арифметический треугольник Паскаля», который даёт возможность определить «случайность, подающую нам меру наших надежд... от многих совокупных событий». Заканчивается статья графиком, иллюстрирующим пользу теории в вопросах частной жизни.

Развитие производства в России повлекло широкое применение паровых машин не только на транспорте, но и в промышленности. Именно

---

¹ Следующая статья на эту тему — принадлежащая перу Буняковского — выйдет только в 1846 году.

Козловскому Пушкин заказал третью статью – «Краткое начертание теории паровых машин» и, как вспоминал Вяземский, 26 января 1837 года – накануне дуэли! – беспокоился о её готовности. Знакомление читающей русской публики с физическими явлениями, лежащими в основе паровых машин, и с конструктивным их воплощением у автора представлено по его «собственной методе», которая заключалась в чередовании изложения физических законов, сложных для неподготовленного читателя, с экскурсами в историю, с яркими примерами, со злободневными рассуждениями. Статья была иллюстрирована чертежами и схемами, как монография по технике. Работа Козловского – первая по этой теме для непрофессионального читателя, он сам желает её «рекомендовать преподавателям гимназии как дополнение к курсу экспериментальной физики» и добавляет в письме к Одоевскому в 1837 году: «я могу Вас уверить, что ничего важного не упущено».

Статья появилась в 7-м томе «Современника», вышедшем уже после гибели Пушкина, в 1837 году. Его издавали Плётнев, Жуковский, Вяземский, Одоевский.

Каждый из четырёх пушкинских томов журнала оканчивался набором новых книг. Среди других читателям предлагали 15 книг по математике, астрономии, прикладным наукам. В том числе, например, были: «Руководство к сокращённому познанию всех наук», «Физика в приложении к зодчеству», «Правила построения морских и речных пароходов». Некоторые книги отмечены похвалой редактора как «книги, пишущиеся для того общества, которое нужно, как детей, приохочивать и принуждать к чтению».

Так в четырёх томах пушкинского «Современника» шедевры русской литературы соседствовали с научно-популярной прозой. К примеру, статья «О надежде» следует за стихотворениями Тютчева и предваряет «Нос» Гоголя и «Из истории Пугачёвского бунта» за подписью А.П.

Ещё в 1830 году в статье «Опровержение на критики» Пушкин прощально писал: «...дружина учёных и писателей, какого б <рода> <?> они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды и все опасности» (XI, 163).

**Хроника выставочной деятельности
Пушкинского Заповедника
(1971–1990)**

№	Название выставки	Дата	Место проведения
1	«Пушкинские места нашей Родины». Выставка гравюр А. Мищенко	1971	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
2	«Пушкинский Заповедник». Фотовыставка. Проект «Выездной музей»	12–14 марта 1971	совхоз им. Кирова, д. Кожняки Полянского сельского совета; совхоз «Исса», п. Исса; совхоз Зарецкий, д. Зимари
3	«Пушкинский Заповедник». Фотовыставка. Проект «Выездной музей»	15–20 марта 1971	Новосокольнический район Великолукской области
4	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка ¹	15–20 марта 1971	Новосокольнический район Великолукской области
5	«Заповедные пушкинские места». Передвижная выставка	март 1971	деревни Кашино, Михново, Кореневка, Воронич Пушкиногорского района Псковской области
6	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	март 1971	деревни Кашино, Михново, Кореневка, Воронич Пушкиногорского района Псковской области
7	Фотовыставка, посвящённая жизни и творчеству А.С. Пушкина	15 марта – 30 сентября 1971	село Михайловское
8	Фотовыставка, посвящённая жизни и творчеству А.С. Пушкина	15 марта – 30 сентября 1971	Пушкинские Горы, средняя школа им. А.С. Пушкина
9	Фотовыставка, посвящённая жизни и творчеству А.С. Пушкина	15 марта – 30 сентября 1971	Пушкинские Горы, школа-интернат

¹ Выставка-передвижка – форма музейной просветительной работы с использованием копийных материалов, в отличие от передвижной выставки, которая строится на оригинальных фондовых предметах живописи, графики и так далее.

10	«Художники Ленинграда – А.С. Пушкину»	апрель 1971 – ?	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
11	«Пушкинский Заповедник в советской живописи и графике». Передвижная выставка	7–12 мая 1971	Латвийская ССР: г. Резекне, п. Малга, совхоз «Андрунеш» Краславского р-на, г. Виляна
12	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	7 мая – 10 июня 1971	Латвийская ССР, г. Резекне, Резекненский краеведческий музей
13	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	июнь – июль 1971	Новгород, Новгородский областной историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
14	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	20 ноября 1971 – ?	Ставрополь, краевой музей изобразительный искусств
15	«А.С. Пушкин в изобразительном искусстве». Выставка работ ленинградских художников. Совместно с музеем Ленинградского Высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухомовой	2 июня – 17 октября 1971	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
16	«Пушкин в творчестве советских художников. Из фондов музея». Выставка из фондов Государственного музея А.С. Пушкина (Москва)	14 июля – 27 сентября 1971	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
17	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1971 г.	21–28 июля 1971	помещение флигеля в Михайловском

18	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1971	школы района
19	«Музей «Домик няни» в Михайловском». Выставка-передвижка	1971	школы района
20	«Н.А. Римский-Корсаков на Псковской земле». Выставка-передвижка	1971	Дом культуры рабочего посёлка Заплюсье
21	«Н.А. Римский-Корсаков на Псковской земле». Выставка-передвижка	1971	Дом культуры п. Плюсса
22	«Пушкинские места нашей Родины». Выставка гравюр А. Мищенко	1972	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
23	«Пушкинский Заповедник в годы Великой Отечественной войны»	1972	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
24	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1972	школы района
25	«Музей «Домик няни» в Михайловском». Выставка-передвижка	1972	школы района
26	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	январь 1972	Латвийская ССР, г. Резекне, Резекненский краеведческий музей
27	«Пушкинский Заповедник сегодня». Передвижная выставка	март 1972	Псков, фойе драматического театра им. А.С. Пушкина
28	«Пушкинский Заповедник сегодня». Передвижная выставка	март 1972	Пушкинские Горы, районный Дом культуры
29	«Пушкинскому Заповеднику – 50 лет»	1 июня – 10 сентября 1972	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
30	«Пушкинский Петербург». Из фондов русского отдела Эрмитажа	31 августа – 29 октября 1972	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском

31	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	20 сентября – ноябрь 1972	Азербайджанская ССР, г. Кировабад, Кировабадский историко-художественный музей им. Низами
32	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	декабрь 1972 – январь 1973	Дагестанская АССР, г. Махачкала, республиканский музей изобразительных искусств
33	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1973	школы Псковской области
34	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1973	школы Псковской области
35	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1973	школы Псковской области
36	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1973	школы Псковской области
37	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1973	сельские населённые пункты района
38	«Пушкинский Заповедник – памятник социалистической культуры»	1973	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
39	«Пушкинские места нашей Родины». Выставка гравюр А. Мищенко	1973	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
40	«Пушкинский Заповедник в годы Великой Отечественной войны»	1973	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
41	«Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина в Михайловском». Передвижная выставка	1973	Латвийская ССР, г. Лудза
42	«Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина в Михайловском». Передвижная выставка	1973	Латвийская ССР, г. Карсава

43	«Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина в Михайловском». Передвижная выставка	1973	Латвийская ССР, г. Зилупе
44	«Пушкинские места Псковщины». Выставка работ В. Звонцова	1 июня – 1 сентября 1973	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
45	Выставка работ С. Светлицкого	23 июня – 24 июля 1973	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
46	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1973 г.	25 июля – 3 октября 1973	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
47	«Пушкинские места России». Выставка работ В. Калинина (г. Горький)	2 сентября 1973 – 2 февраля 1974	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
48	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	декабрь 1973 – февраль 1974	Чечено-Ингушская АССР, г. Грозный, республиканский музей изобразительных искусств
49	«Пушкинские места нашей Родины». Выставка гравюр А. Мищенко	1974	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
50	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1974	школы Псковской области
51	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1974	школы Псковской области
52	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1974	школы Псковской области
53	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1974	школы Псковской области

54	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1974	сельские населённые пункты района
55	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	1974	сельские населённые пункты района
56	«Пушкинский Заповедник – памятник социалистической культуры»	1974–1975	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
57	«Пушкинский Заповедник в годы Великой Отечественной войны». К 30-летию Победы	1974–1975	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
58	«Пушкин в Михайловском». Выставка одной картины на пушкинскую тему – работа Л. Гервица	9–11 февраля 1974	районный Дом культуры
59	«Пушкин в деревне». Выставка работ Э. Насибулина	9–11 февраля 1974	районный Дом культуры
60	«О Пушкине и пушкинских местах». Выставка работ Э. Насибулина, посвящённая 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина	28 мая – сентябрь 1974	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
61	«Пушкинские заповедные места». Выставка работ В. Звонцова, посвящённая 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина	28 мая – 5 октября 1974	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
62	«По пушкинским местам». Выставка художественной фотографии фотокорреспондента АПН И. Зотина, посвящённая 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина	28 мая – август 1974	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
63	«Пушкин в Михайловском». Выставка, посвящённая 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина	30 мая – 18 июня 1974	Псков, выставочные залы Псковского кремля

64	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1974 г.	30 июля – 1 сентября 1974	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
65	«По Пушкинскому Заповеднику»	декабрь 1974	Ленинград, Дом учёных
66	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1975	школы Псковской области
67	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1975	школы Псковской области
68	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1975	школы Псковской области
69	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1975	школы Псковской области
70	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1975	сельские населённые пункты области
71	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	1975	сельские населённые пункты области
72	Выставка графических работ о Пушкинском Заповеднике. Передвижная выставка	1975	Карельская АССР, г. Петрозаводск
73	Выставка графических работ о Пушкинском Заповеднике. Передвижная выставка	1975	Украинская ССР, г. Киев
74	Выставка офортов В. Звонцова	1975	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
75	Передвижная выставка, посвящённая 176-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина и IX Всесоюзному пушкинскому празднику поэзии	30 мая – ? 1975	колхозный клуб, д. Горелик, Пушкиногорский район

76	Выставка живописных работ художника А. Козлова, посвящённая Пушкину и Пушкинскому Заповеднику	31 мая – 14 августа 1975	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
77	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1975 г.	29 июля – 15 сентября 1975	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
78	«О Пушкине и пушкинских местах». Выставка работ художника В. Ездакова (Москва)	20 августа – 27 сентября 1975	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
79	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	13 сентября – 10 октября 1975	Коми АССР, г. Сыктывкар, республиканский краеведческий музей
80	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	28 октября – 26 ноября 1975	Смоленск, областной музей изобразительных искусств им. С.Т. Конёнкова
81	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1976	школы Псковской области
82	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1976	школы Псковской области
83	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1976	школы Псковской области
84	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1976	школы Псковской области
85	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1976	сельские населённые пункты области
86	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	1976	сельские населённые пункты области

87	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1976	сельские населённые пункты Резекненского, Карсавского, Лудзенского районов Латвийской ССР
88	«Праздники поэзии в Михайловском». Выставка-передвижка	1976	сельские населённые пункты Резекненского, Карсавского, Лудзенского районов Латвийской ССР
89	«Пушкинский Заповедник – памятник отечественной культуры»	1976	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
90	«Пушкинский Заповедник в годы Великой Отечественной войны».	1976	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
91	«Реставрация и благоустройство музея-заповедника А.С. Пушкина в годы 9-й пятилетки (1971–1975)»	29 января – 1 февраля 1976	Москва, Государственный музей А.С. Пушкина
92	«Пушкинский Заповедник». Выставка фотомастера, собкора «Недели» (приложение к газете «Известия») В. Ахломова	1 июня – 25 сентября 1976	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
93	«Пушкин в гостях у П.А. Ганнибала в Петровском». Выставка одной картины на пушкинскую тему – работа А. Соколова	1 июня – август 1976	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
94	Выставка работ на пушкинскую тему А. Соколова	1 июня 1976 – 24 сентября 1977	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
95	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1976 г.	28 июля – август 1976	Братский корпус Святогорского монастыря-музея

96	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	22 октября – 16 ноября 1976	Вологда, Вологодский областной краеведческий музей.
97	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	1 декабря 1976 – 31 марта 1977	Калининград, Калининградский областной краеведческий музей
98	«Пушкинский Заповедник в годы Великой Отечественной войны»	1977–1990	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
99	«Легенда об арапе Петра Великого». Выставка офортов Э. Насибулина	2 июня 1977 – 10 февраля 1979	Петровское, выставочный зал
100	«Памятные места музея-заповедника А.С. Пушкина». Выставка миниатюрных офортов В. Звонцова	4 июня 1977 – 10 февраля 1979	Петровское, выставочный зал
101	«Заповедные пушкинские места». Выставка художественных фотографий М. Величко, Н. Карасёва, И. Саламатова, Б. Скобельцына, И. Зотина, В. Ахломова, Ф. Овсянникова, В. Бозырева	12 июня 1977 – 16 августа 1978	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
102	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1977 г.	26 июля – 16 сентября 1977	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
103	«Пушкинские места в живописи и графике». Передвижная выставка	17 – 22 октября 1977	Кострома, Костромской музей изобразительных искусств
104	«Пушкинский Заповедник за годы Советской власти»	IV квартал 1977	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском

105	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1978	школы Псковской области
106	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1978	школы Псковской области
107	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1978	Велейский сельский Дом культуры
108	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	1978	Василевский сельский Дом культуры
109	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1978	сельские населённые пункты, школы, Дома культуры Локнянского, Островского, Пушкиногорского районов
110	«Праздники поэзии в Михайловском» Выставка-передвижка	1978	сельские населённые пункты, школы, Дома культуры Локнянского, Островского, Пушкиногорского районов
111	Выставка из фондов Пушкинского Заповедника	1978	Кострома
112	Выставка из фондов Пушкинского Заповедника	1978	Остров
113	«Пушкинский Заповедник». Выставка фотомастера, собкора «Недели» (приложение к газете «Известия») В. Ахломова	2 июня – 25 сентября 1978	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
114	«По Пушкинскому Заповеднику». Выставка гравюр В. Васильева	2 июня 1978 – август 1979	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
115	Выставка макета, чертежей и планов научно-музейного центра Заповедника	2–10 июня 1978	Пушкиногорская турбаза, актовый зал

116	Выставка макета, чертежей и планов научно-музейного центра Заповедника	11 июня 1978 – ?	Петровское, Малый зал верхнего этажа
117	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1978 г.	30 июля – 1 сентября 1978	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
118	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка работ фотохудожников из Москвы, Ленинграда и Пскова	июль – август 1978	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
119	«Пушкин и Белоруссия»	21 августа 1978 – 4 февраля 1981	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
120	К 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выставка работ заслуженного художника РСФСР В. Ветрогонского	30 мая 1979 – 12 февраля 1981	Петровское, выставочные залы
121	К 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выставка работ ленинградских художников Л. Гервица, Г. Фильчакова, С. Репина, В. Алексеева	1 июня 1979 – 16 июля 1980	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
122	К 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выставка работ народного художника РСФСР и БССР В. Бялыницкого-Бируля (совместно с Государственным художественным музеем БССР)	2 июня 1979 – 25 ноября 1979	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском

123	К 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выставка работ В. Кранца	июнь 1979 – 1980	Петровское, выставочные залы
124	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	июнь 1979 – декабрь 1979	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры района
125	К 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выставка работ художника В. Васильева	8 июня 1979	районный Дом культуры
126	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1979 г.	30 июля – 13 сентября 1979	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
127	Выставка с пушкинской тематикой из собрания Пушкинского Заповедника	27 сентября – (?) 1979	Псковский ОК ДОСААФ
128	«Заповедные пушкинские места в современной советской графике»	ноябрь 1979 – 1980	Калининград, Калининградский областной историко-художественный музей
129	Выставка из собрания Пушкинского Заповедника	ноябрь 1979 – 1980	Калининградская область, Нестеровский район, п. Чистые Пруды, Музей К. Донелайтиса
130	Выставка работ А. Пашкова	1980	Пушкинский Заповедник
131	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1980	школы Псковской области
132	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1980	школы Псковской области
133	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1980	Михайловский сельский Дом культуры
134	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	1980	Козляковский сельский Дом культуры

135	«Автопортреты А.С. Пушкина». Выставка-передвижка	1980	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры района
136	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1980	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры района
137	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1980	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры Печорского, Опочецкого и Пушкиногорского районов
138	«Праздники поэзии в Михайловском». Выставка-передвижка	1980	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры Печорского, Опочецкого и Пушкиногорского районов
139	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	1980	Пенза
140	«Умиравший Пушкин». Выставка одной картины художника Г. Стронка	1980	районный Дом культуры
141	«Пушкинский Заповедник сегодня»	март 1980	Пушкиногорская турбаза
142	«Ульяновск – родина Ильича». К 110-летию со дня рождения В.И. Ленина. Фотовыставка	апрель 1980	Дом культуры с. Велье
143	«По ленинским местам Поволжья (Казань, Куйбышев, Ульяновск, д. Кокушкино)». К 110-летию со дня рождения В.И. Ленина. Фотовыставка	апрель 1980	колхоз «Победа»
144	«Пушкинский край в Великой Отечественной войне и в период послевоенного восстановления». Фотовыставка	май 1980	районный Дом культуры

145	«Пушкинский Заповедник». Выставка фоторабот Ю. Белинского и работ художника Э. Насибулина	31 мая – 1 сентября 1980	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
146	Выставка графических работ на пушкинскую тему заслуженного художника РСФСР В. Ветрогонского и художников В. Звонцова и Э. Насибулина	июнь 1980	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
147	Выставка детского рисунка на пушкинские темы воспитанников детской художественной школы г. Вологды	1 июня – 20 августа 1980	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
148	«Сказки Пушкина». Выставка произведений художников Е. и В. Пашковых	6 июня – 10 октября 1980	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
149	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1980 г.	30 июля – 11 октября 1980	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
150	Выставка работ ленинградских художников Л. Гервица, Г. Фильчакова, С. Репина, В. Алексеева	1980	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
151	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1981	школы Псковской области
152	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1981	школы Псковской области

153	«Пушкин и Арина Родионовна». Выставка-передвижка	1981	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Псковской области
154	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1981	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Пушкиногорского, Опочецкого, Новоржевского и Островского районов Псковской области
155	«Всесоюзный пушкинский праздник поэзии в Михайловском». Выставка-передвижка	1981	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Пушкиногорского, Опочецкого, Новоржевского и Островского районов Псковской области
156	«Пушкин – атеист». Выставка-передвижка	1981	Велейский сельский Дом культуры
157	«Потомки Пушкина в СССР». Выставка-передвижка	1981	Михайловский сельский клуб
158	«Новые поступления в фонды, дары народа. 1980 г.». Выставка, посвящённая 144-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина	10 февраля 1981	районный Дом культуры
159	«Пушкинский Заповедник – памятник социалистической культуры»	5–14 мая 1981	Болгария, г. Пловдив
160	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1981	Петрозаводск, общество книголюбов
161	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1981	БССР, Молодечно, общество книголюбов

162	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1981	Киев, Дом культуры Совета Министров УССР
163	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1981	Минск, общество книголюбов
164	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1981	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
165	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1981	Пушкиногорская районная библиотека
166	Выставка графических работ на пушкинские темы художников В. Ветрогонского, В. Звонцова, Э. Насибулина	1981	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
167	К дню XV Праздника поэзии и 182-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. Выставки-плакаты, посвящённые памятным пушкинским датам	10 июня 1981	Пушкиногорская районная библиотека, районный Дом культуры, книжный базар, лекторий с. Михайловского
168	Выставка работ на пушкинские темы московского графика Е. Устинова	6 июня – 26 сентября 1981	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
169	Персональная выставка М. Соколова (Москва)	6 июня – 19 ноября 1981	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
170	«25 лет творческой практики студентов и преподавателей Академии художеств в Пушкинском Заповеднике»	6 июня 1981 – 10 июля 1982	Братский корпус Святогорского монастыря-музея

171	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1981 г.	30 июля – 11 октября 1981	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
172	Выставка работ преподавателей института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина	июль 1981 – 10 июля 1982	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
173	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1982	школы Псковской области
174	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1982	школы Псковской области
175	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1982	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, клубы Псковской области
176	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1982	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, клубы Псковской области
177	«А.С. Пушкин и народ». Выставка-передвижка	1982	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Псковской области
178	«Всесоюзный пушкинский праздник поэзии в Михайловском». Выставка-передвижка	1982	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Псковской области
179	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1982	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Псковской области
180	«Новые поступления в музейный фонд и библиотеку. 1981 г.». Выставка, посвящённая 145-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина	10 февраля 1982	районный Дом культуры

181	«Пушкинский Заповедник – памятник социалистической культуры»	9 марта 1982	Ленинград, консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, фойе зала им. А.К. Глазунова
182	«Пушкинскому Заповеднику – 60 лет»	14 марта 1982	Пушкиногорская турбаза, фойе актового зала
183	«Пушкинскому Заповеднику – 60 лет». Выставка-передвижка	март – декабрь 1982	Пушкиногорский район: совхоз им. А.С. Пушкина, Дом культуры колхоза «Победа», сельские Дома культуры Велейского и Васильевского сельских советов
184	«Пушкинский Заповедник вчера, сегодня, завтра». Выставка-передвижка	март – декабрь 1982	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, клубы, предприятия Псковской области
185	Выставка одной работы на пушкинскую тему. Выставка скульптурного портрета А.С. Пушкина работы Е. Косовой (Москва)	1982	районный Дом культуры
186	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1982	Латвийская ССР, г. Резекне
187	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1982	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
188	«Пушкинский Заповедник в творчестве ленинградских художников-графиков». Передвижная выставка	1982	Пушкиногорская районная библиотека
189	Выставка произведений Л. Корсакова	5 июня – начало декабря 1982	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
190	Выставка произведений псковских художников	5 июня – начало декабря 1982	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском

191	Выставка работ на пушкинские темы художника И. Прилуцкого. Совместно с Московским отделением Союза художников РСФСР	5 июня 1982 – 1983	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
192	«Пушкинские места Москвы и Подмосковья»	12 мая – 1 июня 1982	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
193	«Пушкинские места Москвы и Подмосковья»	5 июня – 15 июля 1982	районный Дом культуры
194	Выставка графических работ на пушкинские темы художников Е. Устинова, В. Звонцова, Э. Насибулина	июнь 1982	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
195	Выставка произведений на пушкинские темы Э. Насибулина	июль 1982	Латвийская ССР, Лудза, Лудзенский районный Дом культуры
196	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1982 г.	3 августа – 15 октября 1982	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
197	Выставка иллюстраций к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Э. Насибулина	1982	Пушкинский Заповедник
198	«Пушкин и Москва его времени». Выставка из фондов Государственного музея А.С. Пушкина (Москва)	1982	Пушкинский Заповедник
199	Выставка работ на пушкинские темы художника И. Прилуцкого, посвящённая 60-летию СССР	16–17 декабря 1982	Дом культуры совхоза им. А.С. Пушкина
200	«Пушкинские места Москвы и Подмосковья». Выставка, посвящённая 60-летию СССР	16–17 декабря 1982	Дом культуры колхоза «Победа»

201	«Пушкинский Заповедник сегодня». Выставка-передвижка	1983	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Псковской области
202	«Всесоюзный пушкинский праздник поэзии в Михайловском». Выставка-передвижка	1983	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, школы, клубы Псковской области
203	«По Пушкинскому Заповеднику». Выставка-передвижка	1983	сельские Дома культуры, клубы Псковской области
204	«Пушкин и народ». Выставка-передвижка	1983	сельские Дома культуры, клубы Псковской области
205	«Домик няни в Михайловском». Выставка-передвижка	1983	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, клубы Псковской области
206	«Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском». Выставка-передвижка	1983	колхозы, совхозы, сельские Дома культуры, клубы Псковской области
207	«По заповедным пушкинским местам» (графика и фотографии). Передвижная выставка	1983	Петродворец, Ленинградская область; Ленинград, Дом учёных
208	«По заповедным пушкинским местам» (графика и фотографии). Передвижная выставка	1983	Дом культуры колхоза «Победа»; Велейский сельский Дом культуры; Пушкиногорская центральная районная библиотека
209	«Новые поступления в музейный фонд и библиотеку. 1982 г.». Выставка, посвящённая 146-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина	10 февраля 1983	районный Дом культуры
210	Выставка материалов проекта строительства научно-музейного центра в посёлке Пушкинские Горы для участников республиканской конференции строителей	23–26 марта 1983	районный Дом культуры

211	Выставка работ художника Н. Тарасова (совместно с Московским отделением Союза художников РСФСР)	4 июня – 5 октября 1983	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
212	Выставка работ народного художника РСФСР П. Оссовского (Москва)	4 июня – 5 октября 1983	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
213	Выставка работ художников Пушкиногорья В. Самородского, В. Иванова, П. Быстрова	4 июня – 5 октября 1983	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
214	Выставка графических работ на пушкинские темы художников В. Звонцова, Э. Насибулина (в рамках традиционных «Пушкинских чтений» в честь XVII Всесоюзного пушкинского праздника поэзии)	июнь 1983	Псков, областная библиотека им. В.И. Ленина
215	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1983 г.	3 августа – 5 октября 1983	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
216	«Новые поступления в музейный фонд Пушкинского Заповедника». Выставка, посвящённая очередной годовщине со дня приезда А.С. Пушкина в михайловскую ссылку	21–22 августа 1983	районный Дом культуры
217	«Пушкинские заповедные места». Выставка работ В. Звонцова и В. Васильева	22 декабря 1983 – 25 января 1984	Опочка, Псковская область, здание народного музея
218	«Пушкинские заповедные места». Выставка работ В. Звонцова и В. Васильева	7–17 февраля 1984	Дом культуры совхоза «Исса»

219	Выставка из фондов Пушкинского Заповедника	13 апреля 1984	Пушкиногорская турбаза, фойе актового зала
220	«Пушкинский Заповедник в работах художника Д. Бучкина. Живопись»	2 июня – 18 ноября 1984	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
221	«По Пушкинскому Заповеднику». Выставка работ художников В. Даниловой и О. Дмитриева. Графика	2 июня – 24 ноября 1984	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
222	Выставка художественной фотографии о Пушкинском Заповеднике фотокорреспондента газеты «Советская Россия» П. Кривцова	2 июня – 1 сентября 1984	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
223	Выставка иллюстраций к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» художника Э. Насибулина	2 июня 1984 – 25 мая 1985	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
224	«40 лет освобождения Пушкинского Заповедника от фашистской оккупации»	1984	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
225	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1984 г.	26 июля – 1 сентября 1984	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
226	«Пушкинский Заповедник». Выставка гравюр художника В. Васильева	21–22 августа 1984	Пушкиногорская турбаза, фойе
227	«Графика на пушкинские темы народного художника РСФСР В. Звонцова»	1984	Остров, Дом офицеров
228	«По пушкинским местам». Выставка гравюр художника В. Васильева	1984	районный Дом культуры

229	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	1984	Латвийская ССР, Резекне
230	«Пушкинские заповедные места». Передвижная выставка	1984	сельские районы Псковской области
231	Выставка графических работ художника Э. Насибулина, посвящённая 148-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина	10 февраля 1985	районный Дом культуры
232	Выставка работ лауреата Государственной премии РСФСР С. Репина (Ленинград)	1–22 июня 1985	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
233	Выставка работ доцента Академии художеств Л. Гервица (Ленинград)	1 июня – 10 октября 1985	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
234	«Пейзажи Пушкинского Заповедника». Выставка работ С. Олехновича (Вильнюс)	1 июня – 14 октября 1985	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
235	«Поэты пушкинской поры». Выставка работ художника-графика А. Билль (Москва)	1 июня – 23 августа 1985	Братский корпус Святогорского монастыря
236	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1985 г.	28 июля – 10 октября 1985	Братский корпус Святогорского монастыря
237	«Пушкин и его современники». Выставка, посвящённая XX Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии (из фондов Государственного литературного музея; Москва)	31 мая – 1 ноября 1986	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском

238	Персональная выставка работ В. Алексеева, посвящённая XX Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии	31 мая 1986 – (?) 1987	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
239	Персональная выставка работ А. Соколова, посвящённая XX Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии	31 мая – 1 октября 1986	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
240	Персональная выставка работ фотокорреспондента В. Ахломова, посвящённая XX Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии	31 мая – 1 октября 1986	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
241	«Рукописное наследие А.С. Пушкина и его хранение в СССР». Выставка, посвящённая XX Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. Из фондов Института русской литературы АН СССР	31 мая – 1 ноября 1986	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
242	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1986 г.	26 июля – 1 октября 1986	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
243	«Новые поступления в музейный фонд Пушкинского Заповедника». Выставка, посвящённая 162-й годовщине со дня приезда А.С. Пушкина в Михайловскую ссылку	21–22 августа 1986	районный Дом культуры

244	Персональная выставка работ фотокорреспондента В. Ахломова	29 октября – 9 ноября 1986	Дом культуры совхоза «Зарецкий» Пушкиногорского района
245	Персональная выставка работ фотокорреспондента В. Ахломова	21 ноября – 25 декабря 1986	Дом культуры совхоза «Исса» Пушкиногорского района
246	Юбилейная выставка работ Б. Щербакова	1986	Москва
247	Выставка работ фотокорреспондента В. Ахломова	28 января – 3 марта 1987	Дом культуры совхоза им. Пушкина Пушкиногорского района
248	Выставка, посвящённая 150-летию со дня смерти А.С. Пушкина	8–13 февраля 1987	районный Дом культуры
249	«А.С. Пушкин в творчестве советских художников»	Февраль – март 1987	Латвийская ССР, г. Резекне, Резекненское училище прикладного искусства
250	Персональная выставка работ народного художника РСФСР В.М. Звонцова	6 июня – (?) 1987	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
251	Выставка произведений художника-архитектора В. Питанина (Ленинград)	6 июня – (?) 1987	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
252	Выставка произведений художников М. Шретер и Г. Фильчакова	6 июня – 25 июля 1987	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
253	Выставка художественных фотографий заповедных пушкинских мест фотокорреспондента Ю. Белинского (ТАСС)	6 июня – (?) 1987	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
254	Выставка художественных фотографий заповедных пушкинских мест фотокорреспондента Р. Кучерова (АПН)	6 июня – (?) 1987	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском

255	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1987 г.	29 июля – 1 октября 1987	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
256	«Новые поступления в музейный фонд Пушкинского Заповедника». Выставка, посвящённая 163-й годовщине со дня приезда А.С. Пушкина в михайловскую ссылку	21 августа 1987	районный Дом культуры
257	«Научно-музейный центр Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина». Выставка, посвящённая 70-летию Великого Октября	4–12 ноября 1987	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
258	Выставка работ из фондов Пушкинского Заповедника, посвящённая 151-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина	10 февраля 1988	районный Дом культуры
259	Выставка работ П. Бунина	4 июня – (?) 1988	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
260	Выставка работ хранителя музея-усадьбы Ганнибалов в Петровском Б. Козмина	4 июня – 1 сентября 1988	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
261	Выставка работ В. Лысюка (г. Псков)	4 июня – 1 сентября 1988	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
262	«Новые поступления в музейный фонд Пушкинского Заповедника». Выставка, посвящённая XXII Всесоюзному празднику поэзии	4 июня 1988	районный Дом культуры

263	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1988 г.	29 июля – 1 сентября 1988	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
264	Выставка произведений художников Шретер – Фильчаковых	21 августа – (?) 1988	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
265	Выставка, из фондов Пушкинского Заповедника, посвящённая 152-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина	10 февраля 1989	районный Дом культуры
266	«Народные мастера Пушкиногорского края»	23 апреля 1989	районный Дом культуры
267	Выставка работ П. Бунина, посвящённая драме А.С. Пушкина «Борис Годунов»	3 июня – 5 сентября 1989	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
268	Выставка работ на пушкинские темы ленинградских художников В. Алексеева, А. Давыдова, А. Данилова, Н. Домашенко, В. Меньшикова, В. Минина	3 июня – 6 ноября 1989	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
269	Выставка из фондов Пушкинского Заповедника, посвящённая 190-летию со дня рождения А.С. Пушкина	3 июня 1989	районный Дом культуры
270	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1989 г.	29 июля – 7 сентября 1989	Братский корпус Святогорского монастыря-музея

271	Выставка из фондов Пушкинского Заповедника, посвящённая 165-й годовщине со дня приезда А.С. Пушкина в михайловскую ссылку	21–22 августа 1989	районный Дом культуры
272	Выставка работ сотрудника музея-заповедника В. Самородского, посвящённая памяти художника	май – 25 июля 1990	Братский корпус Святогорского монастыря-музея
273	Выставка произведений ленинградского художника К. Севастьянова, посвящённая А.С. Пушкину	июнь – ноябрь 1990	Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском
274	Выставка произведений ленинградского художника С. Фролова, посвящённая заповедным пушкинским местам	июнь – июль 1990	выставочные залы Дома-музея Ганнибалов в Петровском
275	Отчётная выставка работ студентов института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, проходивших творческую практику в Пушкинском Заповеднике летом 1990 г.	29 июля – 10 октября 1990	Братский корпус Святогорского монастыря-музея

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Васильева Наталья Владимировна – научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское», Пушкинский Заповедник.

Вершинина Наталья Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Псковского государственного педагогического университета имени С.М. Кирова (Псков).

Видякина Светлана Александровна – ведущая духовной программы «Диалог» латвийского «Радио 4» (Рига).

Ганнибал Борис Константинович – кандидат биологических наук, доцент кафедры биогеографии и охраны природы СПбГУ, старший научный сотрудник Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Гейченко Татьяна Семёновна – старший научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника с 1993 до 2005 года.

Иванова Татьяна Борисовна – старший научный сотрудник научного архива Пушкинского Заповедника.

Козмин Вячеслав Юрьевич – кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня», Пушкинский Заповедник.

Лукашова Ольга Владимировна – хранитель декоративно-прикладного искусства Пушкинского Заповедника.

Макарова Евгения Сергеевна – научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).

Морозова Татьяна Владимировна – заведующая выставочными залами Научно-культурного центра Пушкинского Заповедника.

Парчевская Ирина Юрьевна – начальник отдела организации научной и экспозиционной работы Пушкинского Заповедника.

Плотникова Дарья Сергеевна – хранитель древнерусской живописи, оружия, нумизматики Пушкинского Заповедника.

Пономарёва Елена Арленовна – хранитель «Библиотеки русской поэзии И.Н. Розанова» Государственного музея А.С. Пушкина (Москва).

Сафьянова Надежда Владимировна – главный хранитель Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А.А. Блока (Шахматово, Московская область).

Старникова Елена Валентиновна – хранитель фонда декоративно-прикладного искусства Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Степанова Татьяна Валентиновна – главный хранитель музейных фондов Пушкинского Заповедника.

Чистякова Татьяна Александровна – сотрудник Всероссийского музея А.С. Пушкина с 1978 до 1992 года.

Шпинёва Елена Васильевна – смотритель, экскурсовод, научный сотрудник, заведующая музейными фондами, заместитель директора Пушкинского Заповедника по фондовой работе с 1968 до 2006 года.

Содержание

Предисловие. <i>Ирина Парчевская</i>	
I. Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация»	
<i>Татьяна Степанова</i> . МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	4
<i>Татьяна Иванова</i> . ДОКУМЕНТЫ, ВОЗВРАЩЁННЫЕ В 1945 ГОДУ ИЗ ГЕРМАНИИ, В СОСТАВЕ КОЛЛЕКЦИИ «ДРЕВНИЙ АРХИВ» ОСНОВНОГО ФОНДА ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	10
<i>Ольга Лукашова</i> . КОЛЛЕКЦИЯ СКУЛЬПТУРЫ В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	22
<i>Дарья Плотникова</i> . МИХАЙЛОВСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА (Графика 1930-х годов)	29
<i>Евгения Макарова</i> . ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ НУМИЗМАТИКИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	38
<i>Наталья Васильева</i> . МЕМОРИИ В ЭКСПОЗИЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ	41
<i>Татьяна Гейченко, Елена Шпинёва</i> . КАРТИНЫ ИЗ СОБРАНИЯ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ «ТРИГОРСКОЕ»	47
<i>Вячеслав Козмин</i> . МУЗЕЙ В БУГРОВО: ПРИНЦИПЫ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ	61
<i>Татьяна Морозова</i> . ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ (1971–1990). По материалам музейного научного архива ...	70
<i>Наталья Вершинина</i> . ОНТОЛОГИЯ «ВЕЩЕЙ» В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ЕЁ «БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ» ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКОЙ	84
<i>Светлана Видякина</i> . ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ИКОНА В РИГЕ. «Бывают странные сближения...»	95
<i>Елена Пономарёва</i> . МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕЩИ А.С. ПУШКИНА И ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ В СОБРАНИИ ГМП	100
<i>Надежда Сафьянова</i> . «...КАКАЯ СИЛА ТЕБЯ, ПРОШЕДШЕЕ, ВЕРНЕТ?» (Из истории формирования коллекций музея-заповедника А.А. Блока)	106
<i>Борис Ганнибал</i> . РАСТЕНИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ МУЗЕЙНОГО ФОНДА	112
<i>Елена Старинкова</i> . «КРЫЛАТАЯ ДУША ХУДОЖНИКА». Образ птицы в произведениях декоративно-прикладного искусства	116

II. Памяти Хранителя

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ИЛЬИЧА АРХИПОВА СЕМЁНУ СТЕПАНОВИЧУ
ГЕЙЧЕНКО. Вступительная статья, публикация, комментарии *Татьяны*
Гейченко 124

III. Гость «Михайловской пушкинианы»

Татьяна Чистякова. А.С. Пушкин о науке и просвещении 196

Приложение

ХРОНИКА ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУШКИНСКОГО
ЗАПОВЕДНИКА (1971–1990). Сост. *Татьяна Морозова* 209

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 51

МАТЕРИАЛЫ

**XIII Февральских научно-музейных чтений
памяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу.
Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация»
(12–14 февраля 2010)**

Редактор Л.А. Токарева
Технический редактор Р. П. Васильева
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная верстка: И.Г. Александрова

На первой странице обложки:
С.П. Дьяченко. «Зима. Посвящение С.С. Гейченко»

Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, селцо Михайловское.

Подписано в печать 13.12.2010. Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 15 печ. л. Заказ № 815. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34